СТУДЕНЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ — НА ПРАВАХЪ РУКОПИСИ

ИСТОРІЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ЛЕКЦІИ

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

А. И. Чупрова.

Москва—1906

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У КНИГОПРОДАВЦА С. Ф. КАШИНЦЕВА.

Моховая, д. 20. Телеф. 38-58.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ — НА ПРАВАХЪ РУКОПИСИ.

A.I. Chuprov

ИСТОРІЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ЛЕКЦІИ

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

А. И. Чупрова.

МОСКВА.—1906.
Типографія Общества Распространенія полезныхъ книгъ, аренд. В. И. Вороновымъ.
Моховая, противъ Манежа, д. кн. Гагарина.

Печатать разрѣшается. Профессоръ А. И. Чупровъ.

Настоящій курсъ составился изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ Политехническомъ музеѣ въ 1889—90 и въ 1890—91 годахъ и изъ университетскихъ лекцій 1891 года. Не претендуя на оригинальность, курсъ представляетъ, въ особенности въ исторической части, переработку лучшихъ сочиненій по затронутымъ въ немъ предметамъ. Курсъ печатается въ изданіи и по желанію студентовъ, какъ пособіе къ ихъ занятіямъ. Хотя на русскомъ языкѣ появились въ послѣднее время превосходныя переводныя и оригинальныя руководства по исторіи политической экономіи *), но не имѣется подходящихъ по объему сочиненій, въ которыхъ, на ряду съ исторіей идей, передавались бы важнѣйшіе факты изъ исторіи хозяйства, что между тѣмъ необходимо для яснаго пониманія экономическихъ теорій и по мѣрѣ силъ выполнено въ настоящемъ изданіи. Назначеніе книги для спеціальнаго круга читателей и необходимость выпустить ее въ опредѣленный срокъ объясняютъ, почему автору не пришлось придать ей болѣе тщательную литературную обработку.

---

*) Джонъ Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. Пер. съ англійскаго, подъ редакціей проф. И. И. Янжула. Москва. 1891 г. Изд. К. Д.

Морицъ Мейеръ. Главныя теченія въ современной политической экономіи. Пер. съ 4 нѣмецкаго изданія. С.-Петербургъ. 1891 года.

Иванюковъ И. И. Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени, 4 изд. Москва. 1891 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящій курсъ имѣетъ своимъ предметомъ исторію политической экономіи въ связи съ главными фактами изъ исторіи хозяйства. Историческое изученіе представляется необходимымъ для основательнаго знакомства съ экономическими теоріями. Мы лишь тогда можемъ вполнѣ сознательно отнестись къ современному состоянію теорій, когда ясно представимъ себѣ, какъ и почему онѣ приняли настоящій видъ. Каждая теорія обыкновенно стремится обосновать себя на законахъ логической необходимости, представить свои ученія, какъ само собою разумѣющійся выводъ изъ законовъ разума. Но наука уже давно отрѣшилась отъ такого масштаба: она имѣетъ малую вѣру въ творчество изъ чистаго разума. Если разобрать любую новую теорію, то окажется, что въ ней часть заимствована отъ предшественниковъ, часть навѣяна обстоятельствами мѣста и времени, такъ что при постройкѣ новаго научнаго зданія на долю строителя рѣдко приходится что-либо большее, чѣмъ приведеніе въ новый порядокъ и новыя сочетанія уже готовыхъ матеріаловъ. Воззрѣнія людей не слагаются сразу; они обыковенно составляютъ результатъ работы длиннаго ряда поколѣній: новыя воззрѣнія являются по большей части или продолженіемъ прежнихъ, или оппозиціей имъ, или компромиссомъ. Во всякомъ изъ этихъ случаевъ новая теорія носитъ черты предшествующихъ.

Особенно важно считаться съ исторической преемственностью идей въ общественныхъ наукахъ. Когда механикъ или астрономъ изучаютъ исторію своихъ наукъ, это есть лишь удовлетвореніе научной любознательности; ученый, обладающій полнымъ знаніемъ законовъ природы, можетъ свысока смотрѣть на прежнія неудачныя попытки постигнуть эти законы. Не то въ общественныхъ наукахъ: онѣ до сихъ поръ не пришли еще къ завершенію; въ нихъ истина раскрывается человѣчеству медленно и по частямъ; уму человѣческому нерѣдко приходится итти здѣсь ощупью, бросаясь изъ одной крайности въ другую. Неудивительно

поэтому, что нерѣдко старыя теоріи, сданныя, повидимому, въ архивъ, снова всплываютъ на поверхность жизни. Эта связь послѣдующаго съ предшествующимъ дѣлаетъ особенно важнымъ изученіе въ экономической литературѣ преемства идей, смѣнявшихъ одна другую въ ходѣ исторіи.

Другая задача, которую мы ставимъ для себя въ предстоящемъ очеркѣ, состоитъ въ выясненіи тѣхъ жизненныхъ условій, которыми вызваны были различныя направленія въ литературѣ. Экономическія теоріи, касающіяся практическихъ, матеріальныхъ нуждъ человѣка и человѣческаго общества, имѣютъ ту особенность, что онѣ находятся въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ жизнью. Общественный бытъ страны и народа кладетъ неизгладимую печать и на взгляды ученыхъ. Современная политическая экономія составляетъ прямой результатъ и вѣрное отраженіе тѣхъ перемѣнъ, которыя въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій произошли съ строѣ хозяйственной жизни и въ организаціи промышленности. Каждая изъ крупныхъ системъ была или выраженіемъ нуждъ, вызванныхъ совершившимися перемѣнами, или проявленіемъ протеста противъ вызванныхъ ими бѣдствій; теорія являлась или помощницей или противницей того, что совершалось въ жизни. Эта тѣсная связь теоріи съ жизнью побуждаетъ изучать первую не иначе, какъ параллельно съ послѣдней.

Имѣя въ виду охарактеризовать жизненныя условія, породившія современныя экономическія системы, мы остановимся главнымъ образомъ на явленіяхъ изъ жизни Англіи. Къ этому побуждаетъ не мало причинъ. Прежде всего, политическая экономія, по своему происхожденію, есть наука по преимуществу англійская. Первая истинно научная система экономіи принадлежала шотландцу А. Смиту: естественно поэтому, что и генезисъ ея мы должны искать въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ приходилось дѣйствовать знаменитому основателю политической экономіи. Но и, кромѣ того, развитіе тѣхъ жизненныхъ явленій, преобразованіе которыхъ вызывало смѣну системъ, выразилось особенно ярко въ Англіи. Извѣстно, что эта страна въ экономическомъ отношеніи далеко опередила другія страны. Благодаря своимъ естественнымъ условіямъ и историческимъ судьбамъ, Англія давно прошла тѣ ступени развитія, на которыя прочія страны едва еще собираются вступить или только что вступили. Достаточно привести для примѣра крѣпостное состояніе, денежное хозяйство, капиталистическій строй земледѣльческой и мануфактурной промышленности. Понятно, поэтому, что историки народнаго хозяйства съ особеннымъ вниманіемъ останавливались на этой странѣ, что Роджерсъ, Зибомъ, Нассе, К. Марксъ, Эшли, Гельдъ, наши

ученые М. М. Ковалевскій и П. Г. Виноградовъ потратили свой трудъ на возстановленіе прошлыхъ историческихъ судебъ англійскаго хозяйства. Конечно, жизненныя явленія не повторяются съ буквальною точностью; но циклъ развитія, завершившійся въ Англіи, какъ бы въ туманной перспективѣ даетъ заглянуть и въ будущія судьбы другихъ странъ. Поэтому, очеркъ историческихъ перемѣнъ, создавшихъ въ Англіи современный промышленный строй, можетъ представить интересъ и по отношенію къ другимъ странамъ.

Современный хозяйственный строй Западной Европы сложился въ существенныхъ чертахъ въ теченіе двухъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за открытіемъ Америки. Мы не въ состояніи выяснить себѣ ни аграрнаго быта, ни промышленной системы, ни распредѣленія имущества, ни организаціи торговли и обмѣна въ современныхъ государствахъ, если не перенесемся мыслью въ ту богатую событіями эпоху, которою открывается новая исторія Европы. Но, чтобы уяснить цѣпь перемѣнъ, приведшихъ въ результатѣ къ современнымъ учрежденіямъ, мы должны ясно представить себѣ отправную точку этихъ перемѣнъ, должны ознакомиться съ тѣмъ состояніемъ, которое имъ предшествовало. Это соображеніе обязываетъ насъ предварить очеркъ событій, породившихъ современный промышленный строй, краткою характеристикой средневѣкового хозяйства.

Когда мы желаемъ отдать отчетъ въ особенностяхъ какой-либо исторической эпохи, то должны коснуться двухъ существенныхъ пунктовъ, учрежденій и идей, — показать, как люди думали и что они дѣлали. Эти двѣ стороны находятся въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи. Учрежденія, среди которыхъ живутъ люди, не являются извнѣ въ готовомъ видѣ: они создаются людьми, — а люди поступаютъ такъ, какъ привыкли думать и вѣрить. Но, съ другой стороны, общеизвѣстно, что идеи, взгляды и мнѣнія людей формируются подъ вліяніемъ среды. Мы видимъ здѣсь примѣръ органическаго взаимодѣйствія, на которое ежеминутно наталкиваемся при изученіи явленій общества, и которое дѣлаетъ невозможнымъ ясное пониманіе одной стороны общественнаго быта безъ другихъ сторонъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА СРЕДНЕВѢКОВОГО БЫТА.

При мысли о среднихъ вѣкахъ передъ нами воскресаютъ тысячи различныхъ образовъ, съ которыми мы сжились со временъ дѣтства и юности; но съ точки зрѣнія экономіи мы можемъ, въ видахъ лучшаго уясненія дѣла, свести многоразличныя подробности средневѣкового быта, такъ сказать, къ одному фокусу.

Отличительною чертой средневѣкового періода, которая красной нитью проходитъ по всѣмъ отдѣламъ тогдашней экономической жизни, служитъ господство, такъ называемаго, натуральнаго хозяйства. Это—тотъ первобытный строй, въ которомъ производитель и потребитель слиты въ одномъ лицѣ, въ которомъ каждая хозяйственная единица расходуетъ свою рабочую силу на удовлетвореніе нуждъ собственныхъ ея членовъ. Такъ какъ потребности человѣка многообразны, то и трудъ его при такихъ условіяхъ направляется на множество различныхъ цѣлей, дробится между множествомъ занятій. Если я собственнымъ трудомъ долженъ удовлетворять всѣмъ моимъ потребностямъ, то, по необходимости, мнѣ придется быть и земледѣльцемъ, и плотникомъ, и печникомъ, и столяромъ. Но, подобно тому, какъ я нуждаюсь не только въ пищѣ, а также въ жилищѣ и одеждѣ, такъ же точно всѣ эти предметы нужны и каждому изъ моихъ сосѣдей. Въ силу такого однообразія нуждъ человѣческаго организма и малаго развитія искусственныхъ потребностей, прививаемыхъ высшею культурой, занятія представляютъ замѣчательное сходство въ отдѣльныхъ хозяйствахъ: каждая группа лицъ, соединенныхъ подъ властью одного домохозяина, дѣлаетъ, въ сущности, одно и то же. Конечно, между отдѣльными хозяйственными единицами существуетъ разница по размѣрамъ имущества или богатства: но качественный составъ этого богатства одинъ и тотъ же. При такихъ условіяхъ продукты труда ни разу не мѣняютъ своего владѣльца въ теченіе всего процесса производства.

Какая рѣзкая противоположность съ нашимъ временемъ! Въ хозяйствѣ современнаго типа лишь ничтожная доля потребляемыхъ предметовъ приготовляется внутри его самого: большая часть такихъ товаровъ доставляется изъ другихъ хозяйствъ, нерѣдко отдаленныхъ на многія тысячи верстъ. Какъ общее правило, производитель и потребитель являются въ современномъ хозяйствѣ различными лицами. Такой порядокъ удовлетворенія потребностей есть слѣдствіе великаго процесса раздѣленія занятій, который постепенно проникаетъ во всѣ жизненныя отправленія современнаго общества. Въ противоположность первобытному строю, гдѣ на одномъ лицѣ лежало множество разнообразныхъ занятій, современный человѣкъ сосредоточенъ на одномъ какомъ-либо дѣлѣ, нерѣдко на одной детальной операціи дѣла, посвящая имъ иногда цѣлую жизнь. Но за то въ отличіе отъ первобытныхъ хозяйствъ, изъ которыхъ одно представляетъ точную копію другого, какое безконечное разнообразіе задачъ и цѣлей мы наблюдаемъ въ современномъ хозяйствѣ! Статистика любой страны считаетъ въ наши дни отдѣльные промыслы цѣлыми тысячами. И не только занятія и проиводимые предметы разнообразятся по отдѣль-

нымъ хозяйствамъ, но и самый составъ имущества, которымъ они владѣютъ, различенъ: одно хозяйство извлекаетъ свой доходъ изъ земельнаго участка, другое — изъ капитала, въ формѣ фабричныхъ зданій и машинъ, или въ формѣ товарныхъ запасовъ, или въ видѣ процентныхъ бумагъ, третье, не имѣющее ни того, ни другого,—изъ отдачи въ наемъ своей рабочей силы. При такой спеціализаціи занятій и источниковъ дохода, становится необходимымъ условіемъ существованія общества непрерывное перемѣщеніе товаровъ изъ одного единичнаго хозяйства въ другое. Обмѣнъ товаровъ составляетъ неизбѣжную принадлежность современнаго общества. Изъ этихъ же различій вытекаетъ организаторская роль предпринимателя-капиталиста, который сводитъ во-едино разрозненные факторы производства и указываетъ имъ мѣсто и дѣло.

Какъ совершился этотъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ мѣновому, составляющій основное содержаніе новой экономической исторіи?

Аграрный строй средневѣковой Англіи. Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, во время и послѣ завоеванія норманами, въ Англіи, подобно другимъ странамъ Европы, всецѣло господствовало натуральное хозяйство. Вся страна была подѣлена на множество независимыхъ, самодовлѣющихъ единицъ, которыя вели совершенно самостоятельную хозяйственную жизнь, не нуждаясь въ другихъ. Каждая изъ этихъ единицъ производила все ей необходимое трудомъ своихъ членовъ: пища, одежда, жилище, орудія и предметы домашней обстановки,—все это производилось дома, на мѣстѣ; изъ предметовъ обычнаго потребленія развѣ только одна соль и желѣзо въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ получались со стороны.—Главнымъ элементомъ средневѣковой не только экономической, но и вообще государственной жизни была поземельная собственность. Членъ княжеской дружины, военачальникъ, чиновникъ, и даже служитель церкви, всѣ они, за отсутствіемъ иного платежнаго средства, въ вознагражденіе за свою службу, жаловались землей, получали, такъ называемые, лены. Лицо, получавшее ленъ, нуждалось въ рабочихъ рукахъ для обработки своихъ полей и удовлетворенія домашнихъ нуждъ; оно не располагало никакими средствами къ ихъ привлеченію, кромѣ земли, которую и предоставляло подвластнымъ крестьянамъ взамѣнъ работы и разныхъ натуральныхъ повинностей въ пользу владѣльца. Такъ развилась сложная система земельныхъ держаній, составившая основу феодализма. Богатство феодальнаго владѣльца состояло въ произведеніяхъ его земель и въ повинностяхъ, платившихся ему въ натурѣ; издерживалось это богатство на содержаніе массы подвластныхъ, услуги которыхъ оплачивались ихъ пропитаніемъ. До самаго конца среднихъ вѣковъ Англія была чисто земледѣльческой страною. Ея аграрный порядокъ, установившись въ періодъ норманскаго завоеванія, не-

уклонно держался до самаго XV вѣка. Намѣтимъ главныя черты этого порядка, какъ онѣ изображаются въ трудахъ лучшихъ изслѣдователей англійскаго средневѣковаго быта [1].

Вся средневѣковая Англія, за исключеніемъ большихъ городовъ, была подѣлена на ограниченные округа,—«маноры», — по-нашему, помѣстья. Въ каждомъ такомъ округѣ одно лицо, именуемое лордомъ, обладало значительными правами надъ всѣми его обитателями. Внутреннее устройство маноровъ было однообразно повсюду. Подъ верховенствомъ лорда находится нѣсколько классовъ зависимыхъ людей, которые несутъ разнообразныя повинности въ пользу господина. Къ каждому манору принадлежитъ прежде всего господскій домъ (curia manerii, aula domini) со службами, садомъ и т. д. и затѣмъ разные виды земельныхъ угодій. Всѣ земли манора распадались на двѣ части. Одна изъ нихъ, — господская земля (terra hominici, demesne lands) находилась въ непосредственномъ пользованіи лорда, другая часть,—людская земля (terra hominum et tenentium) обработывалась въ свою пользу зависимыми людьми. Эта послѣдняя доля обыкновенно бывала больше первой, составляя около $^3/_5$ или $^2/_3$ всего пространства помѣстья [2].

Среди зависимыхъ людей историки различаютъ два главныхъ класса: во-первыхъ, свободныхъ держателей (libere tenentes, socmanni), которые пользовались землей или за денежную плату, или за сельско-хозяйственныя работы умѣреннаго размѣра и, во-вторыхъ, такъ называемыхъ, вилллановъ (villani, vilains), обязанныхъ крестьянъ. Послѣдніе составляли главный и самый многочисленный классъ людей. Каждый изъ такихъ крестьянъ пользовался одинаковымъ съ другими земельнымъ надѣломъ, состоявшемъ изъ полевой и луговой земли и права на участіе въ общемъ выгонѣ. Обычный размѣръ крестьянскихъ участковъ былъ около 30 акровъ (10 десятинъ), колебаясь по отдѣльнымъ помѣстьямъ между 16 и 48 акрами [3]. Вилланы, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ, находились въ полной зависимости отъ господина. Они не имѣли ни малѣйшаго права на воздѣлываемую землю, сидя на ней единственно по милости господина; господинъ могъ облагать ихъ какими угодно поборами и повинностями. Однако, уже съ раннихъ поръ произволъ господъ ограничивался обычаями, которыми подробно опредѣлялся кругъ обязанностей подвластныхъ. Источники, оставшіеся отъ того времени, содержатъ реестры

---

¹) Ashley. English economic history and theory. The middle ages. Cunningham. The Growth of english industry and commerce. 1882. Thorold Rogers. A history of agriculture and prices in England. E. Нассе. О средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи. М. Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. П. Виноградовъ. Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка. ²) Фактическія доказательства у Нассе. 38, 39. ³) Нассе. 43. Ashley 8.

цѣлаго ряда разныхъ повинностей, лежавшихъ на подвластныхъ; но всѣ эти повинности удобно дѣлятся на двѣ категоріи: а обычная барщина, такъ называемыя, повседневныя работы (daily works), отправлявшіяся отъ каждаго двора (виргаты) въ размѣрѣ 2—3 рабочихъ дней въ недѣлю, въ теченіе цѣлаго года, и б) добавочныя, чрезвычайныя работы — во время осенней и весенней пахоты и уборки сѣна и хлѣба; въ этихъ чрезвычайныхъ случаяхъ обязана была являться на работу вся семья крестьянина, за исключеніемъ лишь хозяйки дома [1]). Въ дни чрезвычайныхъ работъ лордъ долженъ былъ угощать крестьянъ, при чемъ обычай строго опредѣлялъ, когда и какую пищу и напитки слѣдовало предлагать. Кромѣ барщины, на вилланахъ лежали еще различныя натуральныя и денежныя повинности, различавшіяся по отдѣльнымъ помѣстьямъ. Но достойно замѣчанія, что мѣра работъ и повинностей, отправляемыхъ каждымъ крестьяниномъ, почти всегда находилась въ пропорціональномъ отношеніи къ величинѣ его надѣла: крестьянинъ, владѣвшій половиннымъ надѣломъ, несъ и повинности въ половинномъ размѣрѣ противъ того, кто располагалъ полнымъ надѣломъ [2]).

Господская и крестьянская земля рѣзко не отдѣлялись другъ отъ друга, при чемъ допускался свободный общій выгонъ скота на незанятыя поля и луга. Поля и луга заказывались лишь на то время, когда они были заняты травой и хлѣбомъ, а въ остальное время на нихъ пасся господскій и крестьянскій скотъ [3]). Крупные владѣльцы тяготились такой зависимостью и старались выдѣлиться изъ общинъ, но обычай противодѣйствовалъ этому; въ разсматриваемый періодъ можно, по словамъ Нассе, считать окончательно выдѣленными изъ общиннаго пользованія лишь господскіе дома, сады, парки и небольшіе пріусадебные участки. Городская земля не только была открыта въ извѣстное время года для пастьбы крестьянскаго скота, но и расположена была, если не всегда, то во многихъ засвидѣтельствованныхъ источниками случаяхъ, черезполосно, въ перемежку съ крестьянской землей.

Господствующею системой земледѣлія было въ то время трехпольное, хотя наряду съ нимъ признается существованіе двухпольнаго хозяйства. Правда, знаменитый историкъ англійскаго земледѣлія, Роджерсъ, считаетъ двухпольную систему за преобладавшую въ средніе вѣка, но Нассе утверждаетъ, что въ источникахъ имѣются несомнѣнныя доказательства лишь въ пользу существованія чистой трехпольной системы [4]). — Необходимую принадлежность трехпольной системы составляетъ постоянное пастбище; и дѣйствительно, на существованіе такихъ пастбищъ ука-

---

1) Ashley 9. 2) Hasse 47. 3) Hasse 57—59. 4) Нассе 63.

зывается въ большинствѣ источниковъ. Это пастбище, какъ сказано выше, было обыкновенно общимъ и для господскаго и для крестьянскаго скота: при описанiи крестьянскихъ владѣнiй никогда, по словамъ Нассе [1]), не упоминается ни лѣса, ни выгонной земли,—ясный знакъ, что крестьяне пасли свой скотъ на господскихъ выгонахъ.

Виланны, принадлежавшие къ одному помѣстью, пользовались своею надѣльною землей на общинномъ правѣ, значительно напоминающемъ хорошо извѣстные обычаи нашихъ крестьянскихъ общинъ. Пахатный участокъ крестьянина состоялъ въ каждомъ изъ трехъ полей изъ нѣсколькихъ полосокъ, именовавшихся «furlongs». Этотъ фактъ объясняется попытками крестьянской общины уравнять для каждаго члена качества надѣльной земли. При такомъ расположенiи надѣловъ естественно существовалъ принудительный сѣвооборотъ: вся земля помѣстья разсматривалась какъ одно цѣлое, въ которомъ каждое лицо должно было подчиняться общепринятой системѣ хозяйства. Попытки лорда измѣнить установившiеся порядки хозяйствованiя встрѣчали сопротивленiе со стороны его зависимыхъ людей [2]).

Уже черезполосность и принудительность сѣвооборота свидѣтельствуютъ, что въ вилланскихъ общинахъ должны были нѣкогда существовать передѣлы земли съ цѣлью установить возможно ровное и справедливое распредѣленiе между членами. Но въ источникахъ встрѣчаются и прямыя указанiя на существованiе передѣловъ. Въ сочиненiи проф. Виноградова приведенъ любопытный разсказъ, сохранившiйся въ древней описи одного прiората, въ которомъ ясно рисуется процессъ распредѣленiя земли между вилланами. Распредѣленiе земли производится въ общинномъ собранiи, въ присутствiи лордовъ и при помощи точныхъ измѣренiй и указанiй стариковъ. Надѣльныя земли распредѣляются на крупныя площади въ зависимости отъ географическаго положенiя и качества почвы—то, что у насъ зовется «коны», «столбы», въ германской маркѣ «Gewann»—и въ каждой изъ этихъ площадей каждый изъ надѣловъ получаетъ свою долю [3]).

Кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ источниковъ, доказательствами широкаго распространенiя общиннаго владѣнiя землей въ средневѣковой Англiи служатъ многочисленные остатки его, сохранявшiеся въ Англiи до недавняго времени и тщательно обработанные Нассе. Еще въ 40 годахъ настоящаго столѣтiя, по свидѣтельству спецiальной парламентской коммиссiи, въ очень многихъ мѣстностяхъ Англiи пахатныя земли отдѣльныхъ общинъ не были раздѣлены между отдѣльными собственниками,

---

1) Ibid. 70. 2) Виноградовъ 110—112. 3) Виноградовъ 114—118.

при чемъ владѣнія каждаго отдѣльнаго собственника состояли изъ многихъ узкихъ и черезполосныхъ участковъ. Съ момента посѣва до жатвы эти земельные участки находились въ частномъ пользованіи отдѣльныхъ хозяевъ; послѣ же жатвы они выходили изъ этого исключительнаго пользованія отдѣльныхъ лицъ и поступали подъ общинный выгонъ (commonable, open, lammas, lands)[1]). На такомъ же общинномъ началѣ происходило пользованіе лугами и постояннымъ выгономъ[2]). Предъ началомъ сѣнокоса лугъ подвергался передѣлу, такъ что отдѣльные члены общины не знали разъ навсегда отведенныхъ участковъ. Передѣлы, по свидѣтельству свѣдущихъ лицъ, практиковались иногда и по отношенію къ пахатной землѣ, но съ тѣмъ отличіемъ отъ луговъ, что передѣлъ не повторялся ежегодно, а каждый удерживалъ выпавшій ему по жребію участокъ на полный періодъ сѣвооборота[3]).

Любопытная особенность первобытныхъ порядковъ состоитъ въ томъ, что они повторяются почти въ одномъ и томъ же видѣ у всѣхъ народовъ, находящихся на одной и той же ступени развитія. Мало вѣроятно, чтобы такое сходство было слѣдствіемъ заимствованія; гораздо больше основанія предположить, что оно вытекаетъ изъ сходства условій, въ которыхъ пришлось жить населенію разныхъ странъ, изъ тождества главныхъ основъ, на которыхъ устроился ихъ соціальный бытъ. Натуральное барщинное хозяйство и общинное землевладѣніе подвластныхъ, составляющія характерныя черты земледѣльческаго быта средневѣковой Англіи, встрѣчаются и въ другихъ странахъ Европы, и притомъ съ поразительно похожими и даже тождественными чертами. Возьмемъ ли мы Германію или Францію, вездѣ мы встрѣтимъ то же дѣленіе полей на господскія и крестьянскія, ту же обработку господскихъ земель обязательнымъ трудомъ крѣпостныхъ; тѣ же три, четыре дня въ недѣлю барщинной работы, не считая чрезвычайныхъ подмогъ въ нужное время и неопредѣленныхъ поборовъ. Кто знаетъ состояніе помѣщичьей Россіи, тотъ при чтеніи англійской исторіи неизбѣжно вспомнитъ родные образы.—Это избавляетъ насъ отъ необходимости говорить о строѣ феодальнаго хозяйства въ другихъ странахъ.

Ремесло и городскіе промыслы въ средневѣковой Англіи. Мы видѣли, что средневѣковая Англія представляла систему замкнутыхъ хозяйствъ, изъ которыхъ каждое жило обособленной жизнью, добывая все необходимое въ собственныхъ своихъ предѣлахъ. Конечно, для переработки предметовъ, доставляемыхъ хозяйствомъ, требовалось не мало труда, но этотъ трудъ доставлялся членами той же крестьянской семьи или господскаго

---

[1]) Насse 34. [2]) Hasse 67. [3]) Ibid. 16.

именія, которые добывали и матеріалъ. Первоначальная обработка сырыхъ матеріаловъ на раннихъ ступеняхъ экономической исторіи повсюду строго пріурочена къ домашнему хозяйству и возложена преимущественно на женщину. Намъ, русскимъ, хорошо знакома эта первобытная форма обрабатывающей промышленности. Еще недавно въ нашемъ крестьянскомъ дворѣ покупныхъ вещей почти не было. Изъ продуктовъ собственнаго поля и стада крестьянинъ съ семьей производилъ одежду зимнюю и лѣтнюю; изъ своего льна ткалъ бѣлье; изъ своей шерсти выдѣлывалъ сукно, шляпу, рукавицы; изъ добытыхъ самимъ лыкъ плелъ лапти; дома же приготовлялъ телѣгу, сани, веревку, лопату, борону и пр.; освѣщалъ себя лучиной; самъ варилъ пиво и брагу. При подобномъ строѣ жизни знаніе всѣхъ ремеслъ и промысловъ входило въ практическое образованіе каждаго крестьянина; каждый являлся для семьи немного плотникомъ, немного столяромъ, печникомъ, сапожникомъ, портнымъ, шорникомъ; каждая крестьянка—пряхой, ткачихой и красильщицей. Конечно, эти первобытныя издѣлія - не совершенны, но и требованія отъ нихъ, при простотѣ нравовъ и вкусовъ, не велики.

Однако, на Западѣ уже съ раннихъ поръ домашняя промышленность перестаетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ, и изъ среды ея начинаютъ выдѣляться нѣкоторыя спеціальныя занятія. Исторія культуры свидѣтельствуетъ, что отъ земледѣлія и домашней промышленности прежде всего отдѣлились такія занятія, которыя требовали особой силы или особаго искусства,—первыя потому, что были недоступны женщинамъ, имѣвшимъ на своей обязанности переработку матеріаловъ, а послѣднія — вслѣдствіе развитія вкуса, переставшаго удовлетворяться самодѣльной одеждой и предметами домашней обстановки, приготовлявшимися въ семьѣ[1]). Въ древнѣйшихъ отрывкахъ индійской Веды упоминается только два рода ремесленниковъ: кузнецъ, который при помощи мѣха плавитъ на огнѣ желѣзную руду и приготовляетъ наконечники стрѣлъ и домашнюю посуду, и производитель колесницъ, хотя простыя колесницы приготовлялись дома. Въ священныхъ книгахъ иранцевъ, Авестѣ, единственный родъ упоминаемыхъ ремесленниковъ - кузнецы[2]) Въ Европѣ тоже самымъ раннимъ промысломъ былъ, повидимому, кузнечный. Первобытность этого промысла, по свидѣтельству Рошера, доказывается тѣмъ, что въ скандинавскомъ языкѣ всякая переработка матеріаловъ и даже духовная работа обозначается словомъ «ковать» и его производными. Въ Салической правдѣ, кромѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, упоминается только кузнецъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ (faber ferrarius aurifex)[3]). Найденныя въ Бри-

[1]) Roscher. System d. Volkswirthschaft III. § 102. [2]) Schmoller. Въ Jahrb. für National и Stat. 1889, 3 H. 96. [3]) Roscher § 102, прим. 2.

таніи надписи упоминаютъ лишь о кузнецѣ и дровосѣкѣ [1]). Въ нѣмецкихъ сагахъ вождямъ и королевскимъ сыновьямъ обыкновенно приписывается особое искусство въ кузнечномъ дѣлѣ. Нельзя считать, что выдѣленіе кузнечнаго ремесла современно первому ознакомленію народа съ желѣзомъ и вызвано необходимостью имѣть особыя приспособленія, недоступныя отдѣльной семьѣ, въ родѣ доменной печи и наковальни. Первобытныя общества находили выходъ въ устройствѣ общихъ кузницъ, которыми пользовалась каждая семья по мѣрѣ надобности. Такъ, по сѣверо-германскимъ преданіямъ на кораблѣ Викинговъ стоитъ наковальня для всеобщаго употребленія; въ древнѣ-баварскомъ правѣ кузница представляетъ общинную собственность [2]). Если выдѣленіе совершилось, то, значитъ, оно было вызвано не техническими требованіями кузнечнаго промысла, а экономическими причинами. Въ англо-саксонскомъ періодѣ въ Англіи, кромѣ кузнецовъ, упоминаются еще другія занятія: серебряныхъ и мѣдныхъ дѣлъ мастера, плотники, кровельщики, кожевники, красильщики, пекари, рыбаки [3]).

Промыслы, выдѣлившіеся отъ земледѣлія, вначалѣ не имѣли того характера свободныхъ занятій, производимыхъ по заказу каждаго желающаго, который они пріобрѣли впослѣдствіи. Первоначальные ремесленники были, скорѣе, служилыми людьми у феодальнаго владѣльца и въ сельской общинѣ, нежели свободными предпринимателями. Въ деревняхъ и селахъ средневѣковой Англіи обыкновенно находились кузнецъ и плотникъ, которые обязаны были исполнять порученія господскаго двора и крестьянъ; былъ также нерѣдко пекарь и мельникъ; но услуги этихъ первобытныхъ ремесленниковъ оплачивались не тѣмъ способомъ, съ какимъ мы встрѣчаемся теперь и который господствовалъ въ Англіи впослѣдствіи. Кузнецъ надѣлялся земельнымъ участкомъ, наряду съ обыкновеннымъ земледѣльцемъ, но взамѣнъ барщинной работы онъ долженъ былъ выдѣлывать и чинить господскіе и крестьянскіе плуги. На подобныхъ же условіяхъ работали плотникъ, мельникъ, красильщикъ, впослѣдствіи кровельщикъ соломой, кожевникъ и другіе. Въ Domesday book (перепись поземельныхъ владѣній, произведенная въ 1083—86 г.) упоминается цѣлый рядъ земельныхъ держаній, которыя передавались ремесленникамъ подъ условіемъ работъ, такъ, напримѣръ: «кузнецъ держитъ 12 акровъ за изготовленіе желѣзныхъ частей для плуговъ»; «плотникъ—за свою службу (pro suo servitio)» [4]). Но главный контингентъ первоначальныхъ ремесленниковъ несъ службу при господ-

[1]) Спенсеръ. Описательная соціологія. Англія. Прил. 1. [2]) Schmoller. Тамъ же 91. [3]) Спенсеръ. Тамъ же 306. [4]) Ashley 34 и прим. 106.

скомъ дворѣ. Каждый землевладѣлецъ имѣлъ крѣпостныхъ, обученныхъ наиболѣе необходимымъ искусствамъ. Самые ловкіе ремесленники встрѣчались у монастырей, гдѣ изстари можно было встрѣтить отличныхъ архитекторовъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, иконописцевъ, а также плотниковъ, кузнецовъ, сапожниковъ, мельниковъ и поваровъ. Въ Германіи, какъ извѣстно, образовались цѣлыя мастерскія при монастыряхъ еще въ очень раннюю эпоху среднихъ вѣковъ. — То, чего не могли выполнить доморощенные мастера, производилось странствующими ремесленниками, которые переходили изъ одной деревни и изъ одного господскаго двора въ другіе, перенося съ собой свои немногосложныя орудія. Такими странствующими ремесленниками были[1]) каменьщики, кровельщики черепицей и шиферомъ и вообще ремесленники, имѣвшіе отношеніе къ постройкѣ прочныхъ зданій. Это и естественно, такъ какъ каменныя зданія строились рѣдко, и названнные ремесленники не могли быть постоянно заняты работой въ одномъ селеніи. Такимъ образомъ, обработывающіе промыслы въ первоначальной формѣ еще не обособились отъ земледѣлія и не пріобрѣли характера самостоятельныхъ занятій, которымъ люди посвящали бы всю свою жизнь и изъ которыхъ извлекали бы пропитаніе.

Однако, этотъ порядокъ измѣнился еще задолго до конца среднихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ основанія городовъ. Въ Англіи съ раннихъ поръ начали появляться города. Городскія поселенія обыкновенно возникали вдоль старыхъ римскихъ дорогъ (streets) или около бродовъ на рѣкахъ (fords); отсюда множество городовъ въ Англіи, оканчивающихся на «street» и «ford» (Стаффордъ, Оксфордъ, Уатфордъ, Гетфордъ, Честерстритъ и т. д.[2]). Первоначальные города представляли собою ничто иное, какъ укрѣпленныя деревни. По числу жителей и характеру занятій они почти не отличались отъ простыхъ деревень; такимъ отличіемъ служили развѣ только окружавшіе ихъ земляные валы и рвы. Первые города основывались преимущественно лордами и монастырями на началахъ крѣпостного права. Какъ видно изъ Domesday book, жители большинства бурговъ были крѣпостными, несли барщину, натуральные сборы и прочіе платежи, свойственные крѣпостнымъ. Лишь въ небольшомъ числѣ бурговъ эти повинности были переведены на деньги; таковы Стаффордъ, Кентербери[3]). Но постепенно владѣльческіе города начинають пріобрѣтать характеръ свободныхъ. Они сдѣлались центрами внутренней торговли, куда свозились земледѣльцами излишки ихъ продуктовъ и гдѣ сбывались издѣ-

---

[1]) Rogers. B. 1, 254. — [2]) Спенсеръ. Опис. соціол. 277. — [3]) Ковалевскій. 339, 393.

лія господскихъ или монастырскихъ мастерскихъ. Владѣльцы считали для себя выгоднымъ поощрять развитіе рынковъ, которые доставляли немаловажные доходы отъ отдачи въ наемъ лавокъ, складовъ, городскихъ вѣсовъ, чеканки монеты и пр. Съ возрастаніемъ доходовъ этого рода, вотчиники стали находить въ нихъ для себя гораздо большій интересъ, нежели въ личной зависимости горожанъ. Заботы господъ направляются на привлеченіе возможно большаго числа жителей и на расширеніе торговыхъ оборотовъ, такъ какъ то и другое обѣщало вѣрное приращеніе дохода. При такихъ условіяхъ владѣльцы начинаютъ переводить натуральныя повинности на деньги и воообще освобождать крѣпостныхъ горожанъ за денежный выкупъ. Мало того: владѣльцы начинаютъ отдавать самимъ городскимъ общинамъ на откупъ пошлины съ рынковъ и ярмарокъ, что освобождаетъ горожанъ отъ послѣднихъ остатковъ господской опеки, отъ фискальнаго надзора за поступленіемъ доходовъ. Такимъ образомъ, городскіе обыватели вполнѣ или частью превращались изъ зависимыхъ въ свободныхъ. Лондонскіе горожане уже грамотою Вильгельма Завоевателя зачислены въ категорію свободныхъ владѣльцевъ. Къ числу мѣстечекъ съ некрѣпостнымъ населеніемъ рано причисляется Іоркъ [1]). — Освобожденіе городовъ было ускорено привилегіями королей, которые находили для себя въ горожанахъ опору при борьбѣ съ феодальной аристократіей. «Чѣмъ хуже были, — говоритъ Адамъ Смитъ, — отношенія королей къ своимъ баронамъ, тѣмъ щедрѣе были они на уступки городамъ. Англійскій король Іоаннъ былъ однимъ изъ самыхъ благодушныхъ покровителей городовъ. Во время неблагополучнаго царствованія государей изъ Швабскаго дома большая часть вольныхъ нѣмецкихъ городовъ получила первыя свои привилегіи и пріобрѣлъ значеніе знаменитый Ганзейскій союзъ». Новая городская свобода привлекала въ города множество различныхъ людей, особенно же ремесленниковъ и купцовъ, которые стекались сюда столько же ради защиты отъ феодаловъ, сколько для пріобрѣтенія болѣе надежныхъ средствъ къ жизни. Изъ господскихъ и монастырскихъ мастерскихъ бѣжали въ города искусные ремесленники и находили тамъ желанное освобожденіе. Въ городахъ выработалось твердое правило, что пребываніе въ ихъ стѣнахъ дѣлаетъ человѣка свободнымъ. «Пѣтухъ не можетъ перелетѣть черезъ стѣны города» [2]). — Эта пословица выражала несовмѣстимость крѣпостной зависимости съ городскимъ гражданствомъ. Разъ крѣпостной убѣжалъ въ городъ, его уже мудрено было вернуть оттуда, а пробывъ въ предѣлахъ города годъ съ днемъ, бѣглый

---

[1]) Ковалевскій. 340. [2]) Поднесеніе пѣтуха было символъ крѣпостной зависимости.

крѣпостной по тогдашнему обычному праву, признававшемуся и королевскими судами, становился свободнымъ.

Занятіе старыхъ горожанъ состояло преимущественно въ земледѣліи и скотоводствѣ. Старые города имѣли свои пастбища, лѣса и всякія другія земли [1]). Торговля и промыслы служили лишь побочнымъ занятіемъ. Но мало-по-малу ремесленный трудъ и торговые заработки стали становиться прибыльнѣе, нежели земледѣліе, и оттѣснять послѣднее на задній планъ. Города сдѣлались средоточіемъ ремеслъ и торговли въ смыслѣ самостоятельныхъ занятій. Самостоятельное ремесло скоро вытѣснило болѣе раннія формы индустріи, пріурочивавшіяся къ господскимъ дворамъ и монастырямъ, и если не уничтожило совершенно прежняго семейнаго производства, то во всякомъ случаѣ пріобрѣло надъ нимъ перевѣсъ и стало давать ему тонъ. Городское ремесло наложило свой отпечатокъ на цѣлый періодъ въ хозяйственной исторіи не только Англіи, но и всей Европы. Посмотримъ, въ чемъ заключались характерныя особенности ремесла въ сравненіи съ предшествующими и послѣдующими формами промышленности.

Ремесло, въ отличіе отъ первобытнаго семейнаго производства отъ мастерскихъ крѣпостного періода, работаетъ на посторонній сбытъ; потребители его издѣлій находятся внѣ круга производителей; его продукты приготовляются для рынка. Но рынокъ, для котораго назначаются товары ремесленника, ограниченъ. Ремесленникъ по большей части трудится по заказу ближайшихъ потребителей, въ точности зная, что именно и сколько чего отъ него потребуется; спросъ здѣсь предшествуетъ предложенію и опредѣляетъ его. Если даже ремесленнику приходится работать безъ заказа, напримѣръ, суконщику, ткачу, то онъ разсчитываетъ все-таки на крайне узкіе предѣлы сбыта, именно, на жителей города и ближайшихъ его окрестностей. Рынокъ ремесленника—въ строгомъ смыслѣ мѣстный. Эта крайняя ограниченность рынка придавала устойчивость ремесленному производству и устраняла тѣ рѣзкія, нерѣдко непредвидѣнныя колебанія въ спросѣ, отъ которыхъ такъ страдаетъ современная промышленность.

Дальнѣйшимъ общимъ признакомъ ремесленныхъ порядковъ являются простыя и немногочисленныя, большею частью ручныя орудія труда, вслѣдствіе чего затрата постояннаго капитала играетъ здѣсь крайне малую роль. Чтобы завести самостоятельно предпріятіе, ремесленнику нужно было только купить или нанять домъ, пріобрѣсти недорогой комплектъ инструментовъ и обладать небольшой суммой денегъ для покупки мате-

[1]) Свиньи и коровы до XII вѣка разводились и паслись въ самомъ Лондонѣ. Ashley, 74 и прим 24.

ріаловъ. Что ремесленнику средневѣкового періода требовался очень небольшой капиталъ, это, по мнѣнію Охенковскаго [1]), доказывается короткимъ срокомъ, который давался ремесленникамъ, оставшимся безъ занятія, на выборъ новаго ремесла. Такъ, напримѣръ, въ Лондонѣ городской совѣтъ, при раздробленіи цеха, приготовлявшаго лукъ и стрѣлы, на два отдѣльные цеха, предоставилъ отдѣльнымъ членамъ для рѣшенія, къ какому изъ названныхъ цеховъ они желаютъ принадлежать, лишь время съ 12 марта до Пасхи.

Господствующее значеніе въ ремесленномъ производствѣ имѣетъ трудъ, именно техническая ловкость и искусство работы. Виртуозность труда и многочисленныя мелкія изобрѣтенія дѣлаютъ здѣсь то же, что въ позднѣйшій періодъ достигается сложными механическими приспособленіями. Произведенія ремесленнаго труда достигаютъ высокаго, ни прежде, ни послѣ небывалаго совершенства; во многихъ отрасляхъ простое ремесло граничитъ съ искусствомъ. Стоитъ посѣтить любой промышленный музей Германіи, а еще больше приглядѣться къ утвари и церковнымъ принадлежностямъ въ старинныхъ германскихъ и англійскихъ храмахъ, чтобы воочію увидѣть, какъ высоко въ техническомъ отношеніи стояла средневѣковая ремесленная работа. Не даромъ средневѣковой орнаментъ, средневѣковыя рѣзныя или столярныя издѣлія служатъ любимыми образцами для современной промышленности, которая ищетъ въ нихъ источника вкуса и вдохновенія.

Въ соотвѣтствіи съ узкими предѣлами сбыта, ограниченностью капитала, преобладающей ролью труда —находится и самая организація ремесленныхъ предпріятій. Во главѣ предпріятія стоитъ самостоятельный мастеръ, который самъ закупаетъ сырые матеріалы, самъ пріобрѣтаетъ орудія, который является собственникомъ изготовляемыхъ продуктовъ и самъ же непосредственно сбываетъ ихъ потребителямъ. Этотъ самостоятельный предприниматель не ограничивается одною функціей управленія дѣломъ, какъ въ позднѣйшій періодъ, а непремѣнно лично участвуетъ въ механическихъ работахъ своихъ подмастерьевъ. Онъ въ одно и то же время и чернорабочій, и техникъ-спеціалистъ, и предприниматель, и купецъ. Умственный трудъ въ ремесленномъ періодѣ еще не отдѣляется отъ физическаго. Въ силу тѣхъ же причинъ въ ремеслѣ нѣтъ строгаго дѣленія между предпринимателемъ и рабочимъ. Подмастерья и ученики отличаются отъ мастера лишь по возрасту и по меньшей подготовкѣ къ дѣлу. Каждый подмастерье имѣлъ твердую надежду по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ сдѣлаться мастеромъ: ручательствомъ

[1]) Ochenkowski. Englands wirhschaftliche Entwickelung. 108.

за это служилъ ограниченный размѣръ производства и потребнаго капитала. Помѣхи къ переходу подмастерьевъ въ мастера, возникшія въ концѣ среднихъ вѣковъ, характеризуютъ уже время упадка ремесленной формы производства и составляютъ переходную ступень къ слѣдующему періоду.

Ремесло возникло черезъ отдѣленіе обработки сырыхъ матеріаловъ отъ ихъ производства. Дифференціація занятій, давшая происхожденіе ремеслу, проходитъ затѣмъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ ступеней. На первыхъ стадіяхъ ремесленнаго производства предприниматель обыкновенно ведетъ нѣсколько сродныхъ, а иногда даже и не очень сродныхъ отраслей дѣла. Изъ раннихъ ремесленныхъ законовъ Англіи видно, что кузнецы занимались вмѣстѣ съ тѣмъ и плотничествомъ, сапожники обыкновенно были также кожевниками, т.-е. вели весь процессъ приготовленія обуви отъ начала до конца. Подобнымъ же образомъ въ суконной промышленности пряденіе шерсти, тканье, валянье и окраска сукна были соединены въ одномъ и томъ же предпріятіи. Едва ли нужно прибавлять, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ продажа издѣлій находилась также въ рукахъ производителя. Такое соединеніе разнообразныхъ операцій прямо указываетъ на ограниченность спроса, на невозможность найти достаточный сбытъ издѣліямъ въ случаѣ спеціализаціи отдѣльныхъ частей промысла. Ремесленнику на первыхъ порахъ самостоятельнаго существованія приходится совмѣщать всѣ операціи по той же причинѣ, по которой въ болѣе раннюю эпоху онъ вынужденъ былъ не только соединять въ одномъ лицѣ разныя спеціальности, но даже странствовать изъ одного мѣста въ другое, — по той же причинѣ, по которой лавка въ небольшой деревнѣ соединяетъ въ себѣ и хлѣбъ, и мясо, и мануфактурные товары, а раньше, чѣмъ завелась постоянная лавка, торговецъ переѣзжалъ со своими товарами изъ одной деревни въ другую. По мѣрѣ расширенія спроса съ возрастаніемъ мѣстнаго населенія, ремесло начинаетъ дробиться. Кожевенное производство отдѣляется отъ сапожнаго; по суконному дѣлу въ законахъ царствованія Эдуарда IV (средина XV в.) упоминаются какъ спеціальныя отрасли: чесальщикъ, прядильщикъ, ткачъ, валяльщикъ, стригачъ и красильщикъ. Въ металлическомъ производствѣ одинъ и тотъ же кусокъ металла долженъ былъ пройти различныя мастерскія прежде, нежели изъ него получится окончательное издѣліе [1]).

Раздѣленіе труда, доставившее ремеслу самостоятельную роль въ народномъ хозяйствѣ, возложило на общество цѣлый рядъ неизвѣстныхъ прежде экономическихъ задачъ. Производство отдѣлилось отъ потребленія и само раздробилось на множество отдѣльныхъ спеціальностей. Но ни

[1]) Ochenkowski 106, 107.

отдѣльный человѣкъ, ни цѣлое общество не могутъ существовать, если не будетъ обезпечено правильное и регулярное доставленіе тѣхъ предметовъ, въ которыхъ они нуждаются. Современное общество предоставляетъ каждому отдѣльному человѣку самому заботиться объ обезпеченіи себя всѣмъ необходимымъ. Каждый теперь устраиваетъ свои занятія, какъ хочетъ, продаетъ свои издѣлія и пріобрѣтаетъ взамѣнъ ихъ все необходимое на какихъ ему угодно условіяхъ. Но не таковъ былъ взглядъ на индивидуума въ средніе вѣка. Отдѣльный человѣкъ казался слишкомъ слабымъ, слишкомъ поддающимся обману и беззащитнымъ отъ него: онъ и самъ всегда склоненъ обмануть другого и легко можетъ потерпѣть отъ обмана. Оттого въ средніе вѣка тѣ задачи, которыя нынѣ достигаются индивидуальной дѣятельностью, считались общественною функціей. Промышленность и торговля признавались такимъ же общественнымъ дѣломъ, какъ и государственная служба: онѣ совершались подъ постояннымъ и всестороннимъ контролемъ общества. Главная цѣль этого контроля заключалась въ томъ, чтобы приноровить раздробленное производство къ интересамъ потребленія, чтобы координировать совмѣстную работу отдѣльныхъ отраслей производства и, главное, чтобы обезпечить спокойное и безбѣдное существованіе спеціализировавшимся производителямъ. Для достиженія такого контроля средневѣковому обществу необходимы были подходящіе органы и соотвѣтственное законодательство.

Органомъ для регулированія торговли и промысловъ является средневѣковой городъ. Тогдашній городъ въ извѣстной степени представляетъ аналогію съ сельской общиной, съ которою онъ связанъ своимъ происхожденіемъ. Какъ въ сельской общинѣ всѣ члены находятся по отправленію хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ подъ непрерывнымъ надзоромъ другъ друга, такъ и жители средневѣкового города тѣснѣйшимъ образомъ соединены были между собою цѣлой сѣтью отношеній, имѣвшихъ цѣлью обезпечить взаимные ихъ матеріальные и нравственные интересы. Возможность такого всесторонняго контроля обусловливалась особенностями средневѣкового города по сравненію съ современнымъ. Въ наши дни городъ, со всѣми его производителями и потребителями, какъ бы онъ ни былъ многолюденъ и значителенъ, представляетъ лишь нераздѣльную составную часть одного великаго цѣлаго, именуемаго народнымъ хозяйствомъ,—часть, которая, поневолѣ, живетъ одною жизнью съ этимъ цѣлымъ. Жители города производятъ продукты не только другъ для друга, но находятся въ непрерывной связи по пріобрѣтенію и сбыту товаровъ съ отдаленнѣйшими частями страны. Цѣна городскихъ издѣлій опредѣляется не одностороннимъ усмотрѣніемъ мѣстныхъ производителей, а законами общенароднаго, а иногда даже всемірнаго рынка.

Не то въ средніе вѣка. Національнаго хозяйства, которое связывало бы отдѣльныя экономическія единицы цѣпью взаимныхъ сношеній, въ то время не существовало, да и не могло существовать при крайне жалкомъ состояніи средствъ сообщенія. Каждый городъ представлялъ обособленный хозяйственный организмъ, подобный столь же изолированнымъ господскимъ помѣстьямъ и сельскимъ общинамъ того времени. Неудивительно, поэтому, что каждый городъ могъ безпрепятственно и вполнѣ по-своему направлять производство, распредѣленіе и потребленіе товаровъ и регулировать цѣны и сбытъ [1]).

Цеховое устройство. Контроль надъ промыслами въ предѣлахъ отдѣльныхъ ремеслъ велся цехами. Посмотримъ на внутреннюю организацію цеховъ.

Полными правами въ предѣлахъ цеха пользовались лишь мастера, законно принятые въ его составъ. Пріемъ новаго мастера въ цехъ обставлялся строгими требованіями: кандидатъ въ члены цеха долженъ былъ пріобрѣсти въ городѣ право гражданства и доказать свою честность и ловкость въ ремеслѣ. Если дѣло шло о пріемѣ чужака (Fremden), то онъ долженъ былъ представить городскимъ властямъ поручителей изъ гражданъ, которые приняли бы на себя отвѣтственность за его познанія и нравственныя качества. Чтобы быть зачисленнымъ въ цехъ, кандидатъ долженъ былъ, кромѣ того, представить свидѣтельство отъ того мастера, у котораго онъ раньше занимался, и подвергнуться испытанію чрезъ свѣдущихъ людей. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ цеховыя власти рѣшали, слѣдуетъ ли принять новое лицо или нѣтъ? Разъ допущенный мастеръ вступалъ во всѣ права цеха. Члены цеха время отъ времени сходились на общія собранія, что въ особенности облегчалось обычаемъ жить по сосѣдству другъ съ другомъ. Такъ, въ Лондонѣ сѣдельники жили вокругъ церкви св. Мартина, ткачи—въ Коннонстритѣ, кузнецы—въ Смитсфильдѣ [2]) и т. п. На этихъ общихъ собраніяхъ ежегодно выбирались управляющіе и надзиратели цеха, которые вели текущія дѣла.

Личный составъ отдѣльнаго цехового предпріятія слагался изъ мастера, подмастерьевъ и учениковъ. Мастеръ былъ хозяиномъ всего дѣла, которому были подчинены рабочія силы предпріятія. Однако же отношенія мастера къ подмастерьямъ и ученикамъ не слѣдуетъ представлять подобными отношеніямъ предпринимателя къ рабочимъ въ наши дни. Это было скорѣе отношеніе высшаго работника къ низшему, болѣе знающаго къ менѣе знающему. Мастеру принадлежала дисциплинарная

---

1) Schönberg. Jahrb. für Nat. и St. 1867, I Heft, 13. 2) Aschley, 96.

власть надъ подмастерьями и учениками, объяснявшаяся, кромѣ его хозяйскаго положенія, еще тѣмъ, что онъ несъ передъ городскими властями отвѣтственность за поведеніе и качество работы подчиненныхъ, — отвѣтственность, которая отнюдь не была пустымъ словомъ. Подмастерья подвергались наказаніямъ за непослушаніе хозяину, за неуваженіе къ нему, за то, что работали безъ его вѣдома.

Чтобы сдѣлаться мастеромъ, нужно было прожить извѣстное число лѣтъ въ ученьи, по закону—7 лѣтъ. Семилѣтнее ученичество представляется старымъ учрежденіемъ въ англійскихъ ремеслахъ. По мнѣнію Охенковскаго [1]) въ Лондонѣ оно существовало съ незапамятныхъ временъ, а законъ Елизаветы прямо называетъ этотъ институтъ старымъ учрежденіемъ. Обыкновенно молодые люди, покончившіе годы ученичества, старались устроиться въ качествѣ самостоятельныхъ мастеровъ, но если это не удавалось, они поступали на извѣстный срокъ въ подмастерья. По цеховымъ постановленіямъ подмастерья не могли оставлять хозяина ранѣе условленнаго срока; но частыя напоминанія, оставшіяся въ цеховыхъ памятникахъ, чтобы никто не принималъ къ себѣ на службу подмастерьевъ другого хозяина, отошедшихъ ранѣе условленнаго срока, показываютъ, что договоры не всегда соблюдались.

Обратимся къ цеховому законодательству.

Одною изъ важнѣйшихъ принадлежностей цехового строя было признаніе права на трудъ. За извѣстнымъ кругомъ лицъ, принадлежащихъ къ цеху, признавалось исключительное полномочіе на веденіе извѣстнаго промысла въ данномъ округѣ. Это право цехъ ревниво оберегалъ отъ посягательствъ какъ со стороны чужихъ ремесленниковъ, такъ и со стороны мѣстныхъ купцовъ и членовъ другихъ цеховъ. Праву производителей соотвѣтствовала обязанность потребителей обращаться съ своими заказами исключительно къ нимъ (Zunftzwang). Строгое различіе между своими и чужими составляло постоянную особенность права цеховъ, вытекавшую изъ ихъ монопольнаго характера. Однако, обязывая обращаться за исполненіемъ работъ непремѣнно къ спеціалисту-ремесленнику, цеховые законы установляли и нѣкоторый противовѣсъ противъ чрезмѣрныхъ притязаній ремесленниковъ. Такимъ противовѣсомъ служило право каждаго безпрепятственно производить предметы для собственнаго потребленія. Съ другой стороны, если цеховые мастера не умѣли или были не въ силахъ производить извѣстные роды издѣлій, городскія власти разрѣшали вести промыселъ стороннимъ ремесленникамъ. Этимъ объясняется возможность возникновенія въ новыхъ отрасляхъ промыш-

---

[1]) Ochenkowski, 69.

ленности предпріятій, стоявшихъ внѣ цеховой организаціи,—фактъ, который, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, расшаталъ самые цеховые порядки. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ, въ интересахъ огражденія городскихъ потребителей, заводились правильные рынки, на которыхъ могли продавать свои издѣлія и посторонніе ремесленники, подъ условіемъ, конечно, чтобы эти издѣлія удовлетворяли требованіямъ, установленнымъ для городскихъ мастеровъ. Въ нѣмецкихъ городахъ, напримѣръ, въ Любекѣ, существовалъ, по словамъ Шенберга, старый обычай дозволять посторонним лицамъ или «гостямъ», какъ они называются въ источникахъ, выставлять ихъ товары для продажи въ теченіе трехъ дней въ году [1]).

Но въ особенности существенными коррективами цеховыхъ привилегій на исключительное производство промысла служили разнообразныя постановленія, издававшіяся цехами въ выгодахъ потребителей. Интересъ потребителей и тогда, какъ въ наше время, состоялъ, конечно, въ томъ, чтобы существовала возможность пріобрѣтать товары хорошаго качества по недорогой цѣнѣ. Цехи постоянно стремились обезпечить эти два условія всѣми силами могущественной власти, имѣвшейся въ ихъ рукахъ.

Особенную заботу прилагали англійскіе цехи къ обезпеченію качества товаровъ. Съ этою цѣлью они издавали подробныя предписанія относительно рода и свойства товаровъ. Такъ, напримѣръ, сукна должны были приготовляться извѣстной ширины и вѣса, съѣстные припасы, напримѣръ, хлѣбъ,—извѣстнаго качества. Товары, которые признавались несоотвѣтствующими предписаніямъ, считались фальшивыми въ томъ смыслѣ, какъ монета признается фальшивою. За такіе фальшивые товары производители наказывались штрафами, а послѣ третьяго или четвертаго раза изгнаніемъ изъ цеха [2]). Съ тою же цѣлью во всѣхъ подробностяхъ опредѣлялись самые процессы приготовленія товаровъ. Предписывалось, напримѣръ, что сырой матеріалъ долженъ быть чистый или смѣшанный, сухой или влажный. Строго запрещались примѣси худыхъ матеріаловъ вмѣсто хорошихъ, продажа поправленныхъ издѣлій, вмѣсто новыхъ. Если одинъ и тотъ же продуктъ, напримѣръ, кожа, имѣетъ разныя качества, которыя пригодны для приготовленія различныхъ частей обуви, то правила съ точностью опредѣляли, какія части кожи для какихъ частей обуви должны служить [3]). Чтобы гарантировать исполненіе разнообразныхъ правилъ относительно качества товаровъ и процесса производства, было установлено во многихъ мѣстахъ испытаніе и осмотръ товаровъ раньше передачи ихъ потребителямъ [4]). Иногда этотъ осмотръ велся чрезъ

---

[1]) Schönberg. Ibid. 36. [2]) Примѣры у Ashley 96. [3]) Ochenkowski, 87, 88. [4]) Schönberg, Ibid. 46.

особыхъ надзирателей, которые время отъ времени обходили мастерскія, но большею частью онъ заключался въ контролѣ надъ товарами во время ихъ продажи. Производители обязывались непремѣнно ставить на товарѣ свои знаки, или клейма, по которымъ можно было бы всегда узнать ихъ и въ случаѣ надобности привлечь ихъ къ отвѣтственности. Въ тѣхъ же видахъ запрещалось продавать товары на дому или въ темныхъ углахъ, а требовалось выставлять ихъ въ особо отведенныхъ мѣстахъ и при томъ въ извѣстномъ порядкѣ.

Той же, между прочимъ, цѣли обезпеченія хорошаго качества товаровъ и охраненія доброй репутаціи цеха служили разнообразныя требованія относительно подготовки лицъ, допускаемыхъ къ отправленію ремесла. Принимая новаго члена, или возводя ученика въ званіе мастера, цехъ считалъ себя обязаннымъ убѣдиться въ добросовѣстности новаго лица и въ знаніи имъ своего дѣла. Это испытаніе уже съ раннихъ поръ состояло въ представленіи пробной работы. Въ Германіи такое представленіе составляло общераспространенный обычай, но есть свидѣтельства, что такія работы требовались и въ Англіи.

Хорошее качество товаровъ не есть единственное требованіе потребителя: ему нужна еще невысокая цѣна товаровъ. Въ нынѣшнее время цѣна вырабатывается на рынкѣ чрезъ свободное соперничество продавцевъ и покупателей. Такой способъ опредѣленія цѣнъ былъ совершенно чуждъ средневѣковымъ воззрѣніямъ. Тогдашніе законы безъ всякой церемоніи назначали таксы, по которымъ должны продаваться товары: не только хлѣбъ, мясо, вино и прочіе предметы необходимаго продовольствія продавались по назначенной цѣнѣ, но даже ремесленныя издѣлія имѣли цѣну, выше которой они не могли быть сбываемы.

Однако, главный предметъ заботъ были интересы производителей. Обезпечивая имъ вѣрный сбытъ черезъ исключеніе постороннихъ конкурентовъ, цехи прилагали всяческія старанія, чтобы происходящія отсюда выгоды были распредѣлены между всѣми членами цеха по началамъ равенства и братства. Проведеніе въ жизнь этихъ двухъ основныхъ принциповъ цеховой организаціи влекло за собою цѣлую сложную систему постановленій. Внутри цеха вполнѣ и всецѣло устранялась взаимная конкуренція и предписывались во всѣхъ отношеніяхъ одинаковыя условія веденія промысловъ. Въ цѣляхъ достиженія равенства установлялся по возможности одинаковый для всѣхъ размѣръ производства. Цеховые уставы строго ограничивали число подмастерьевъ и учениковъ, которые могутъ быть содержимы въ одномъ промыслѣ. По большей части число подмастерьевъ не должно было превышать 4, при которыхъ

могли, кромѣ того, находится 1 или 2 ученика[1]). Прямою цѣлью этого ограниченія было обезпеченіе ремесла отъ попытокъ поставить его на болѣе широкую ногу, придать ему капиталистическій характеръ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по самому существу работы, требовалось соединеніе многихъ рабочихъ силъ и большая масса матеріаловъ, какъ, напримѣръ, при крупныхъ постройкахъ, цеховая организація противодѣйствовала расширенію предпріятія при помощи разныхъ сложныхъ обходовъ: или примѣнялась къ дѣлу ассоціація многихъ самостоятельныхъ мастеровъ, или воспрещалось одному мастеру заразъ браться больше, чѣмъ за одно дѣло, или не допускалась поставка матеріаловъ самими строителями, а поручалась другимъ лицамъ, или, наконецъ, въ случаѣ непригодности перечисленныхъ способовъ, постройку брала на себя сама городская община и отъ себя уже передавала ее членамъ однородныхъ цеховъ на равныхъ правахъ[2]). Для той же цѣли противодѣйствія расширенію промысла практиковалось иногда прямое установленіе максимальныхъ размѣровъ производства. Такая мѣра имѣла мѣсто преимущественно въ Германіи и притомъ въ промыслахъ, относительно которыхъ не встрѣчается въ источникахъ указаній на ограниченіе числа рабочихъ[3]).

Существовали также разнообразныя ограниченія относительно рабочаго времени. Почти во всѣхъ статутахъ воспрещается ночной трудъ, говорится, что никто не имѣетъ права работать дольше, чѣмъ отъ начала дня до вечера, запрещается работать ночью при свѣтѣ свѣчей. Впрочемъ, это постановленіе имѣетъ скорѣе цѣлью обезпечить благосостояніе членовъ цеха и исполненіе домашнихъ и общественныхъ обязанностей, предупредить, чтобы чрезмѣрное напряженіе подъ давленіемъ соперничества не убило радостной жизни. По той же причинѣ воспрещалось работать въ праздничные дни. Дальнѣйшими мѣрами къ обезпеченію равномѣрности производства служили: воспрещеніе соединеній мастеровъ одного цеха и строгое запрещеніе пріобрѣтать покупкой чужіе товары для перепродажи ихъ на рынкѣ; ремесленникъ могъ продавать только предметы, изготовленные имъ самимъ.

Однако, одно отсутствіе различій въ размѣрахъ производства еще не обезпечивало равенства въ положеніи производителей: эти послѣдніе могли получать различный доходъ вслѣдствіе неодинаковости издержекъ производства. Цехи хорошо сознавали это, и отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ мѣръ объ уравненіи издержекъ производства. Первымъ дѣломъ въ этихъ видахъ было установленіе равныхъ условій для пріобрѣтенія сырого матеріала. Матеріалъ иногда добывался сообща черезъ особыхъ довѣ-

1) Schönberg, 105. 2) Schönberg, 106. 3) Schönberg, Ibid 114.

ренныхъ лицъ и затѣмъ распредѣлялся между членами цеха или поровну или по мѣрѣ надобности отдѣльныхъ лицъ; иногда, хотя и допускалась покупка матеріала порознь, но купившій долженъ былъ увѣдомлять о ней своихъ товарищей по ремеслу и, если они пожелаютъ, уступать имъ часть его [1]). Та же цѣль достигалась еще назначеніемъ мѣстъ или опредѣленнаго времени для закупки сырыхъ матеріаловъ, чтобы дать возможность всѣмъ членамъ цеха принять въ ней участіе.—На ряду съ цѣной матеріала, цеховое право заботилось о равенствѣ стоимости наемнаго труда. Въ цеховыхъ уставахъ на всѣ виды труда обыкновенно установлялись опредѣленныя таксы, которыя касались какъ поштучной, такъ и повременной платы. Такъ какъ значительная доля вознагражденія подмастерьевъ получалась ими отъ мастера въ формѣ содержанія, то цеховые обычаи и уставы выработывали однообразныя нормы для продовольствія подмастерьевъ и учениковъ. Къ той же цѣли уравненія условій производства клонились предписанія о качествѣ продуктовъ. Мы уже говорили, что эти предписанія имѣли цѣлью интересы потребителей; но тѣ же правила обезпечивали и равенство выгодъ производителей, такъ какъ безъ того наиболѣе добросовѣстные ремесленники могли бы нести ущербъ по сравненію съ менѣе добросовѣстными. Цехи шли даже дальше: они запрещали примѣненіе усовершенствованій, которыя могли бы обогатить отдѣльныхъ производителей. Такъ, напримѣръ, цехи долго противодѣйствовали употребленію валяльныхъ мельницъ, когда онѣ начали появляться, и искусственно поддерживали употребленіе стариннаго процесса топтанія сукна ногами [2]).

Тѣмъ же цѣлямъ, наконецъ, служило обезпеченіе равенства сбыта. Уставы предписывали способъ, мѣсто и время продажи. Такъ, напримѣръ, на ярмаркѣ въ Бостонѣ Лейчестерскіе торговцы сукномъ должны были становиться на южной сторонѣ рыночной площади, а продавцы шерсти—на сѣверной, и притомъ каждый на опредѣленномъ привычномъ мѣстѣ [3]). Все это установлялось частію съ цѣлью контроля, частію съ тѣмъ, чтобы одинъ ремесленникъ не отбивалъ у другого покупателя.

Мы привели цѣлый рядъ постановленій цехового права, обезпечивающихъ промышленные интересы производителей и потребителей. Едва ли нужно прибавлять, что цехи, кромѣ того, были дѣятельными учрежденіями для взаимной помощи. Если членъ цеха впадалъ въ бѣдность вслѣдствіе старости или неспособности къ работѣ, то ему назначалось извѣстное небольшое содержаніе изъ общей цеховой кассы. Такое же недѣльное содержаніе получала вдова обѣднѣвшаго мастера, пока она

---

[1]) Примѣръ у Brentano, Arbeitergilden, 24. [2]) Ochenkowski, 107. [3]) Achley, 74.

снова не выходила замужъ. Были еще и другія проявленія братской помощи, — такъ, напримѣръ, по нѣкоторымъ англійскимъ уставамъ, если членъ цеха не въ состояніи былъ окончить порученнаго ему заказа, то, чтобы не потерять заказа, ему обязывались помочь другіе члены цеха. Сюда же относится запрещеніе работать на заказчика, который не заплатилъ денегъ товарищу по цеху, запрещеніе порицать работу товарища, запрещеніе обращаться по долговымъ и другимъ спорамъ въ судъ, если раньше не была сдѣлана попытка примиренія цеховыми властями и т. д.

Въ результатѣ изложенной организаціи получалось сравнительно скромное, но устойчивое и въ цѣломъ достаточно обезпеченное существованіе. Члены цеха спокойно вели свое дѣло, будучи вполнѣ увѣрены, что никакая случайность не лишитъ ихъ вѣрнаго заработка, хотя и не дастъ способа значительно возвыситься надъ другими. Такъ какъ обогащеніе не могло быть цѣлью честолюбія, то это послѣднее направлялось на улучшеніе качествъ работы и на возвышеніе чести цеха. Репутація ремесленника, выдающагося по своему искусству, разносилась далеко за предѣлы города и создавала славу не только ему, но и всему его цеху. Этимъ объясняется возможностъ существованія тѣхъ чудныхъ произведеній средневѣкового ремесла, граничащихъ съ искусствомъ, которыя встрѣчаются, напримѣръ, въ средневѣковыхъ церквахъ западной Европы. Цѣлые годы трудился иногда безвѣстный ремесленникъ надъ гробницей святого или надъ украшеніями церковной каѳедры и находилъ свое удовлетвореніе лишь въ томъ, что гдѣ-нибудь въ незамѣтномъ уголкѣ вырѣжетъ свой портретъ или отмѣтитъ эмблему своего цеха. Цеховыя мастерскія были своего рода воспитательными учрежденіями, которыя пріучали распущенный средневѣковой рабочій людъ къ порядку, дисциплинѣ и добрымъ нравамъ. По понятіямъ того времени, это была школа не только труда, но и добродѣтели.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ УЧЕНІЯ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА [1]).

Въ предшествующемъ изложеніи были отмѣчены характеристическія черты средневѣкового строя. Особенности этого строя отразились и на экономическихъ ученіяхъ того времени. Хозяйственныя теоріи вообще находятся въ тѣсной зависимости отъ среды, въ которой онѣ возни-

[1]) Главными источниками для настоящаго отдѣла служили: Ashley, ch. III. Endemann. Die nationalökonomischen Grundsätze der Canonistischen Lehre въ Hildebrand's jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. B. I.

каютъ. Если на воззрѣніяхъ философовъ, на трудахъ ученыхъ, на созданіяхъ художниковъ опытный глазъ можетъ нерѣдко подмѣтить явные слѣды окружающей обстановки, то тѣмъ въ большей степени должно отражаться вліяніе среды на способахъ рѣшенія тѣхъ чисто-житейскихъ, бытовыхъ вопросовъ, которые составляютъ обычное содержаніе экономической теоріи. Но, какъ всякія произведенія человѣческаго ума, экономическая теорія никогда не бываетъ лишь снимкомъ съ дѣйствительности, словеснымъ выраженіемъ того, что происходитъ въ жизни. Кромѣ того содержанія, которое даетъ теоріи окружающая обстановка, на ней невольно отражаются умственныя теченія эпохи, тѣ высшіе духовные интересы, которыми въ данный періодъ времени живетъ человѣчество.

Особенностью экономическаго строя въ разсматриваемый періодъ было, какъ много разъ говорилось раньше, господство натуральнаго хозяйства и мелкой промышленности. Сельское населеніе, составлявшее большинство страны, жило почти исключительно произведеніями своихъ рукъ, добывая внутри собственныхъ хозяйствъ все необходимое и сбывая на сторону лишь ничтожные излишки. Правда, въ городахъ въ концѣ среднихъ вѣковъ выросла цвѣтущая ремесленная промышленность, расчитанная на посторонній сбытъ. Но работа тодашняго ремесленника была строго ограничена предѣлами мѣстнаго спроса и во всѣхъ подробностяхъ урегулирована постановленіями цехового права. Это было мелкое производство, которое въ теченіе цѣлыхъ поколѣній вращалось въ тѣсныхъ рамкахъ, установленныхъ обычаемъ и закономъ. Обмѣнъ и торговля едва зарождались въ нѣкоторыхъ благопріятно расположенныхъ пунктахъ, для цѣлой же страны не имѣли никакого жизненнаго значенія. Эта простая, скромная, трудовая жизнь нашла свое отраженіе въ тогдашнихъ теоріяхъ, тѣмъ болѣе, что она гармонировала и съ духовнымъ настроеніемъ той эпохи.

Извѣстно, что вся умственная жизнь среднихъ вѣковъ пріурочивается къ церкви. Ученость, литература, поэзія того времени связаны съ религіозными интересами; философія и экономія среднихъ вѣковъ неразрывно переплетены съ богословіемъ. Естественно, поэтому, что экономическія ученія должны были носить на себѣ черты воззрѣній, господствовавшихъ въ тогдашней церкви.

Высшіе идеалы христіанства лежали внѣ предѣловъ земной жизни: истинную задачу вѣрующаго составляетъ исканіе царства Божія; забота же о мірскихъ благахъ можетъ лишь помѣшать выполненію этой конечной цѣли. Самое помышленіе о матеріальныхъ интересахъ представлялось дѣломъ грѣховнымъ, выраженіемъ отсутствія живой вѣры. («Нельзя служить Богу и маммонѣ»). Съ другой стороны, христіанской доктринѣ

свойственно представленіе о равенствѣ всѣхъ людей. Въ противоположность языческому міровоззрѣнію, основанному на естественномъ различіи людей, оно установляло принципъ единства и равенства всѣхъ: предъ высшей благодатью нѣтъ разницы между богатыми и низкими.

Изъ этихъ двухъ основныхъ идей вытекали и взгляды христіанскаго ученія на хозяйственную жизнь. Источникомъ средствъ существованія для человѣка долженъ быть лишь личный трудъ. «Въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой». «Тотъ, кто не трудится, не долженъ ѣсть». Въ противоположность античному міросозерцанію, которое презирало простой хозяйственный трудъ, какъ занятіе низкое и рабское, христіанство признаетъ трудъ непреложною обязанностью каждаго человѣка. Трудъ является единственнымъ, нравственно допускаемымъ источникомъ дохода. «Достоинъ дѣлатель своей награды»: то, что трудящійся человѣкъ добываетъ на своемъ полѣ или въ своей мастерской, то, что онъ получаетъ, нанимаясь на работу къ другому, — есть его естественное и справедливое вознагражденіе. Всякій иной способъ обогащенія, кромѣ личнаго труда, всякій доходъ, происходящій отъ обмѣна или ссуды капитала, непремѣнно влечетъ за собою эксплуатацію ближняго, создаетъ неравенство и разжигаетъ грѣховную страсть къ богатству.

Однако, даже результаты труда не могутъ, по ученію церкви, присвоиваться исключительно самимъ трудящимся человѣкомъ: они должны раздѣляться съ ближними. Такимъ образомъ, понятіе труда приводитъ къ ученію о благотворительности. Выраженіемъ благотворительности считалась милостыня. Церковь рекомендовала раздачу милостыни не только какъ нравственную заповѣдь, но даже какъ законную обязанность (debitum legale); состоятельныя лица могли быть прямо вынуждаемы церковными властями къ пожертвованіямъ на пользу бѣдныхъ [1]). Церковь считала себя уполномоченною посредницей между богатыми и бѣдными. Она являлась управительницей имуществъ, назначаемыхъ для бѣдныхъ, она постоянно отвлекала часть средствъ отъ богатыхъ, чтобы передавать ихъ бѣднымъ.

Таковы тѣ факторы, изъ которыхъ слагалось средневѣковое экономическое ученіе, — факторъ реальный, заключавшійся въ особыхъ чертахъ тогдашней жизни, и факторъ идеальный — воззрѣнія церкви. Посмотримъ, въ чемъ состояло самое ученіе. Для этого предстоитъ обратиться къ двумъ источникамъ, — къ богословской литературѣ конца среднихъ вѣковъ и къ каноническому праву.

Мы напрасно стали бы искать въ средніе вѣка чего-либо въ родѣ

---

1) Endemann. 713.

той систематической обработки экономическихъ вопросовъ, къ какой привыкли въ наше время. Въ то время еще не совершилось раздѣленія наукъ на отдѣльныя спеціальности: все человѣческое знаніе являлось въ слитномъ видѣ, въ формѣ одной науки, которая, соотвѣтственно духу времени, была всецѣло проникнута религіознымъ элементомъ.

Величайшимъ представителемъ средневѣковой богословской и схоластической науки былъ Ѳома Аквинскій [1]). Онъ родился около 1225 г. въ богатомъ семействѣ, въ Неаполѣ, и на 16 году жизни вступилъ въ монашескій орденъ доминиканцевъ. Увлекаемый непреодолимой жаждой знанія, онъ отправился въ Кёльнъ, гдѣ много лѣтъ учился у знаменитаго схоластика Альберта Великаго, а затѣмъ въ Парижѣ. Долго онъ занимался въ Парижѣ преподаваніемъ и, наконецъ, вернулся въ Италію, гдѣ восемь лѣтъ работалъ надъ знаменитымъ сочиненіемъ: «Сущность богословія». (Summa theologiae). Какъ въ названномъ сочиненіи, такъ и въ другихъ многочисленныхъ трудахъ, Ѳома Аквинскій является посредникомъ между классической философіей Аристотеля и идеями христіанской церкви. Еще при жизни онъ былъ признанъ величайшимъ изъ средневѣковыхъ учителей-богослововъ. Данте отводитъ ему самое видное мѣсто въ раю на ряду съ Альбертомъ изъ Кёльна. Положеніе Ѳомы Аквинскаго въ средневѣковой литературѣ, по словамъ Ashley, отлично иллюстрируется картиною, находящейся въ Флорентійкой церкви Богоматери. Суровая фигура Ѳомы помѣщена на возвышенномъ тронѣ; этотъ тронъ съ двухъ сторонъ поддерживается духовными и свѣтскими науками въ лицѣ лучшихъ ихъ представителей, а у подножія трона лежатъ поверженными главные еретики.

Соотвѣтственно идеѣ времени, истиннымъ идеаломъ Ѳомы Аквинскаго является натуральное хозяйство, въ которомъ не было бы надобности въ обмѣнѣ. Каждое общежитіе должно быть, по его мнѣнію, самостоятельнымъ, самодовлѣющимъ цѣлымъ, которое въ состояніи было бы снабжать своихъ членовъ всѣмъ необходимымъ при помощи собственнаго внутренняго производства. Въ этомъ замкнутомъ государствѣ онъ отводитъ самыя широкія полномочія общественной власти. Задача власти состоитъ во всестороннемъ контролѣ надъ земледѣліемъ и внутреннею промышленностью. Въ государствѣ, мысленно предносившемся Ѳомѣ Аквинскому, единственнымъ правомѣрнымъ источникомъ богатства и дохода служитъ трудъ. Въ силу Евангельскаго изреченія — «достоинъ дѣлатель своей награды» — трудъ самъ по себѣ имѣетъ цѣнность и сообщаетъ ее другимъ предметамъ. Трудъ даруетъ человѣку пропитаніе и

[2]) Изложено преимущественно по Ashley. § 16.

средство помогать другимъ: въ земледѣліи и скотоводствѣ онъ заставляетъ землю давать плоды и превращаетъ сѣмена въ новую жатву; въ ремеслѣ или художествѣ онъ создаетъ изъ сырого матеріала полезныя и цѣнныя вещи. Трудъ, прилагаемый къ перевозкѣ вещей, оправдываетъ даже прибыль въ торговлѣ, дѣлая справедливыми надбавки въ цѣнѣ, зависящія отъ стоимости передвиженія.

Признавая трудъ единственнымъ допустимымъ источникомъ дохода, Ѳома Аквинскій всѣ силы своей діалектики обратилъ на доказательство несправедливости другихъ способовъ обогащенія. Два источника кромѣ труда, могли въ то время вести къ богатству: а) барышъ, происходящій отъ продажи вещей по болѣе дорогой цѣнѣ, нежели сколько онѣ стоятъ владѣльцу, и б) доходъ отъ отдачи капитала въ ссуду изъ процентовъ. На оба эти источника обрушивается Ѳома Аквинскій съ самою рѣзкой критикой.

Несправедливый барышъ при обмѣнѣ происходилъ отъ неправильнаго назначенія цѣны товара. Естественно поэтому, что борьба противъ такого барыша привела Ѳому Аквинскаго къ его знаменитому ученію о справедливой цѣнѣ (justum pretium). Условія жизни естественно выдвигали этотъ вопросъ на первый планъ. Возрастаніе городовъ, расширеніе рынковъ все чаще и чаще стали ставить людей лицомъ къ лицу въ качествѣ продавцевъ и покупателей. Въ городахъ возникъ классъ ремесленниковъ, который могъ существовать только при условіи сбыта своихъ произведеній. Такимъ образомъ, отношенія между продавцемъ и покупателемъ пріобрѣли великій жизненный интересъ. Готовый отвѣтъ на означенный вопросъ данъ былъ незадолго до начала литературной дѣятельности Ѳомы возрожденіемъ римскаго права въ Западной Европѣ. Извѣстно, что въ концѣ XI вѣка въ Италіи, преимущественно въ Болоньѣ, основалась знаменитая школа глоссаторовъ римскаго права, которая скоро пріобрѣла величайшій авторитетъ, привлекла цѣлыя толпы учениковъ и послѣдователей изъ всѣхъ странъ и оказала неотразимое вліяніе на законодательство и судебную практику. Римское право, въ его наиболѣе выработанной формѣ, въ Юстиніановомъ кодексѣ, признавало неограниченную свободу договора. Римскій законъ допускалъ по отношенію къ цѣнѣ вполнѣ свободное соглашеніе договаривающихся сторонъ. Юристъ III вѣка Павелъ прямо говоритъ, что «въ покупкѣ и продажѣ человѣкъ имѣетъ естественное право купить за малую цѣну то, что въ дѣйствительности стоитъ дешевле». Этотъ принципъ свободнаго соперничества встрѣтилъ рѣзкую оппозицію въ средневѣковой церкви, которая выдвинула понятіе справедливой цѣны, независимое отъ временныхъ разсчетовъ торгующихся сторонъ.

Первые слѣды ученія о справедливой цѣнѣ встрѣчаются еще у св. Августина, но полное его развитіе составляетъ заслугу Ѳомы Аквинскаго. Ѳома излагаетъ свое ученіе въ рядѣ вопросовъ, къ рѣшенію которыхъ прилагаетъ обычный въ схоластикѣ пріемъ,—именно сначала сообщаетъ въ подробности всѣ аргументы въ пользу оспариваемаго мнѣнія, а затѣмъ разбиваетъ ихъ одинъ за другимъ. Послѣдуемъ за этими аргументами. Первый вопросъ состоитъ въ томъ, позволительно-ли продавать вещь дороже, чѣмъ она стоитъ. «Повидимому,—говоритъ Ѳома Аквинскій,—позволительно. Во-первыхъ, справедливымъ въ житейскихъ дѣлахъ считается то, что согласуется съ гражданскимъ закономъ; по законамъ же гражданскимъ продавцу и покупателю дозволяется обманывать другъ друга. Съ другой стороны, каждый желаетъ покупать дешевле и продавать дороже, а то, что обще всѣмъ, мы должны признать естественнымъ, естественное же не можетъ быть грѣховнымъ».—Однако, всѣ эти соображенія, по словамъ Ѳомы, ясно опровергаются словами Евангелія: «Еже аще хощете да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде». Никто не захочетъ добровольно заплатить за вещь больше, чѣмъ сколько она стоитъ; слѣдовательно, никто не имѣетъ права и требовать больше, нежели сколько стоитъ вещь. Но, кромѣ противорѣчія божественному слову, покупка и продажа товаровъ не по справедливой цѣнѣ есть, сама по себѣ, по самой природѣ вещей, дѣйствіе непозволительное и недопустимое. Учрежденіе покупки и продажи введено для общей выгоды человѣческаго рода, а если такъ, то выгода должна быть одинакова для обѣихъ сторонъ. Это условіе выполняется лишь въ томъ случаѣ, когда каждая сторона пользуется равною цѣной; равной же цѣны быть не можетъ, когда кто-либо получаетъ за свой товаръ больше, чѣмъ сколько онъ стоитъ. Ссылка на римскіе законы и на естественное право не можетъ поколебать, по мнѣнію Ѳомы, только что изложеннаго заключенія: порокъ не лишается свойствъ порока только отъ того, что онъ общъ всѣмъ, «т.-е. всѣмъ,—прибавляетъ Ѳома,—которые идутъ широкою дорогой».

Уже изъ сказаннаго видно, что Ѳома предполагаетъ существованіе извѣстной справедливой цѣны, независящей отъ случайныхъ взглядовъ продавца и покупателя. Эта мысль заслуживаетъ того, чтобы остановить на ней вниманіе. Справедливая цѣна есть нѣчто объективное, постоянное, не подчиняющееся случайнымъ колебаніямъ спроса и предложенія, нѣчто, присущее самой вещи, существующее въ ней помимо понятій и желаній производителей. Такой взглядъ на цѣну противорѣчитъ привычнымъ взглядамъ нашего времени, которое видитъ въ рыночной борьбѣ единственный способъ къ установленію мѣновыхъ пропорцій товаровъ, и

не можетъ смотрѣть иначе въ виду безконечнаго раздѣленія занятій и широкихъ границъ обмѣна, но онъ совершенно согласовался съ экономическими особенностями той эпохи. Земледѣлецъ, сбывавшій свой хлѣбъ, ремесленникъ, приготовлявшій товары для ближайшаго рынка, очень хорошо знали, чего стоитъ каждому изъ нихъ продаваемый предметъ. Сами производители и общественныя власти имѣли твердое убѣжденіе, что такая справедливая цѣна дѣйствительно существуетъ, и стремились закрѣпить ее въ формѣ таксъ.

Другой вопросъ, рабираемый Ѳомою Аквинскимъ, состоитъ въ томъ, дѣлается ли продажа незаконною вслѣдствіе существованія какого-либо скрытаго недостатка въ проданномъ товарѣ. Разсмотрѣвши соображенія за и противъ, Ѳома рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что человѣкъ, совершившій такого рода продажу, виновенъ въ обманѣ, учиняетъ грѣхъ, который преслѣдуется божественнымъ закономъ, если бы даже и допускался закономъ человѣческимъ. Но долженъ ли продавецъ открывать недостатки въ своемъ товарѣ? Ѳома приходитъ къ тому заключенію, что хотя человѣкъ и не обязанъ кричать по всему городу о слабыхъ сторонахъ своего товара и тѣмъ отталкивать покупателей, но онъ долженъ объявить объ этомъ каждому, кто выразитъ желаніе купить товаръ, чтобы покупатель могъ сравнить хорошія и дурныя качества товаровъ. Это въ особенности обязательно, если скрываніе недостатка въ товарѣ можетъ причинить покупателю какой-либо вредъ или опасность.

Болѣе трудный вопросъ касается торговца, не имѣющаго собственнаго производства. Справедливо ли въ торговлѣ покупать дешево и продавать дорого? Ѳома ссылается въ подтвержденіе мысли о грѣховности торговли на слова Златоуста. «Кто покупаетъ вещь съ цѣлью перепродать ее ради барыша безъ всякой переработки, есть торговецъ, подобный тѣмъ, которые нѣкогда были изгнаны Спасителемъ изъ храма». Однако, онъ прибавляетъ, что торговля грѣховна лишь въ томъ случаѣ, если конечною ея цѣлью служитъ барышъ; но какъ скоро торговая сдѣлка совершается въ интересахъ полученія необходимыхъ предметовъ существованія, то она дозволительна. Точно также дозволительно купить товаръ съ тѣмъ, чтобы, подвергнувъ его большей или меньшей переработкѣ, продать за высшую цѣну; надбавка въ цѣнѣ является здѣсь только вознагражденіемъ за прибавленный трудъ. Равнымъ образомъ, надбавка допускается въ случаѣ перевозки товаровъ съ одного мѣста на другое; здѣсь также вознаграждается трудъ по передвиженію предметовъ. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ прежнихъ моралистовъ, Ѳома осуждаетъ торговлю не безусловно, а въ зависимости отъ мотива, по которому она совершается. Если торговая сдѣлка предпринимается не

столько ради барыша, сколько для снабженія себя самого и своей семьи или, чрезъ посредство себя, бѣдныхъ предметами необходимаго продовольствія, если она ввозитъ въ страну блага, въ которыхъ существуетъ дѣйствительная потребность, если получаемая надбавка въ цѣнѣ есть лишь вознагражденіе за приложенный трудъ, —во всѣхъ этихъ случаяхъ торговля достойна одобренія. Лишь спекулятивная торговля, которая стремится ловко воспользоваться мѣняющимся настроеніемъ рынка и этимъ путемъ привести къ обогащенію безъ труда, подвергается у Аквината безусловному осужденію.

Другимъ существеннымъ пунктомъ экономическаго ученія Ѳомы Аквинскаго, поскольку оно касается народнаго хозяйства, служитъ борьба противъ процента съ капитала. Нужно замѣтить, что сами жизненныя условія того времени благопріятствовали враждѣ противъ процента. Не только въ болѣе ранній періодъ среднихъ вѣковъ, но даже въ XIII и XIV вѣкѣ было еще слишкомъ мало случаевъ для производительнаго приложенія капитала. Земледѣльческій классъ велъ свое хозяйство изъ поколѣнія въ поколѣніе по однимъ и тѣмъ же пріемамъ, не помышляя о возможности добиться высшей доходности путемъ увеличенія затратъ. Ремесленникъ, быть можетъ, и готовъ былъ бы воспользоваться силою капитала, но цеховая политика препятствовала ему расширять производство. Поэтому, ссуды капитала обыкновенно предназначались лишь для цѣлей потребленія. Занималъ деньги обыкновенно человѣкъ, находившійся въ нуждѣ: дворянинъ, разорившійся на войнѣ, крестьянинъ, пораженный неурожаемъ или падежемъ скота, семья ремесленника, оставшаяся безъ средствъ послѣ смерти кормильца. Кредиторъ, какъ общее правило, бывалъ богатъ, а должникъ бѣденъ. Неудивительно, поэтому, что кредиторъ казался человѣкомъ, который въ видѣ процента выжимаетъ послѣдніе соки изъ бѣдняка, чтобы увеличить свое и безъ того значительное имущество. Отсюда, уже въ античномъ мірѣ замѣтно недоброжелательство къ проценту, которое у лучшихъ писателей доходило до полной ненависти. Катонъ Старшій сравнивалъ ростовщика съ убійцей. Катонъ Младшій считалъ его хуже вора. Аристотель называлъ отдачу денегъ въ ростъ занятіемъ, недостойнымъ свободнаго и просвѣщеннаго человѣка[1]). Мысль Аристотеля опирается на томъ главномъ основаніи, что деньги по своей природѣ не способны приносить плоды: «деньги не рождаютъ денегъ». Прибыль, которую получаетъ кредиторъ отъ своей ссуды, проистекаетъ, поэтому, не изъ собственной хозяйственной силы денегъ, а изъ эксплуатаціи должника[2]).

[1]) Böhm-Bawerk, Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien, 16.
[2]) Böhm-Bawerk, 17.

Въ христіанскомъ мірѣ къ указанному источнику недоброжелательства присоединялось справедливое опасеніе, что при помощи процента всего скорѣе можетъ быть нарушено естественное равенство людей и послѣдовать грѣховное обогащеніе безъ труда. Эксплуатація бѣдныхъ должниковъ богатыми кредиторами должна была представляться особенно ненавистною съ точки зрѣнія религіи, считавшей важнѣйшими добродѣтелями человѣколюбіе и милосердіе. Притомъ въ священномъ писаніи прямо находились мѣста, которыя при тогдашнемъ ихъ толкованіи содержали, казалось, прямой божественный запретъ взиманія процентовъ. Мы разумѣемъ здѣсь знаменитое по своимъ послѣдствіямъ мѣсто въ Евангеліи отъ Луки: «Взаймы давайте, не ожидая ничего» (Лук. IV, 35). Хотя истинный смыслъ этого выраженія подлежитъ большому спору[1]), но во всѣ средніе вѣка ему придавалось значеніе прямого отрицанія процентовъ. Ученіе Ѳомы представляетъ попытку построить теорію для отрицанія процента. Первый и важнѣйшій аргументъ противъ процента заключался въ его происхожденіи изъ ссуженной суммы безъ всякаго труда со стороны кредитора. Такъ какъ, по словамъ Аристотеля: «деньги не рождаютъ денегъ», то выходитъ, что получатель процентовъ есть паразитъ, живущій плодами чужого труда. Поэтому, непозволительно и несправедливо требовать чего-либо отъ должника, кромѣ возврата ссуженой суммы. Другой хитросплетенный аргументъ состоялъ въ слѣдующемъ. Когда я даю въ ссуду деньги, хлѣбъ, вино и т. п., то, по понятіямъ юристовъ, передаю ихъ должнику въ собственность, т.-е. предоставляю ему право распоряжаться ими и потреблять ихъ. Поэтому, если даже и допустить, что ссуженныя вещи способны приносить плоды, то эти плоды должны принадлежать истинному собственнику ссуженныхъ вещей, т.-е. должнику, а не какъ не тому, кто пересталъ быть ихъ собственникомъ, т.-е. заимодавцу. Поэтому, кредиторъ, берущій проценты, присвоиваетъ вещи, ему не принадлежащія. Есть и еще одинъ оригинальный аргументъ. «Ростовщики, — говоритъ Ѳома, — желая получить при ссудѣ больше, чѣмъ они дали, ищутъ предлога для того, чтобы придать подобнымъ сдѣлкамъ видъ справедливости. Такимъ предлогомъ является для нихъ время; они представляютъ время равноцѣнностью того излишка, который получается ими въ процентѣ. О такомъ взглядѣ ростовщиковъ прямо свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что они или увеличиваютъ или уменьшаютъ сумму требуемыхъ процентовъ, смотря по продолжительности времени, на которое дается ссуда. Но время есть общее благо, которое не принадлежитъ никому въ осо-

---

[1]) Knies, „Kredit“, 333—335.

бенности, а дано Богомъ равномѣрно для всѣхъ. Поэтому, ростовщикъ, заставляя платить за время, совершаетъ обманъ противъ ближняго, которому продаваемое время принадлежитъ въ такой же степени, какъ и ему самому, и противъ Бога, за свободный даръ котораго онъ требуетъ цѣну»[1]).

Къ изложеннымъ соображеніямъ философскаго характера присоединяется еще цѣлый рядъ моральныхъ мотивовъ. Существованіе процента порождаетъ зависть и раздоры, противорѣчитъ чувству христіанскаго милосердія, обязывающему насъ помогать ближнему не ради выгоды, а изъ любви къ нему, создаетъ пагубное неравенство имуществъ, поддерживаетъ желаніе обогащаться безъ труда въ противность библейскому изреченію: «въ потѣ лица ѣшь хлѣбъ твой», отвращаетъ человѣчество отъ земледѣлія и простого труда къ безполезнымъ денежнымъ оборотамъ и неутолимой жаждѣ наживы.

Кромѣ писателей-богослововъ другимъ важнымъ источникомъ для знакомства съ экономическими идеями въ средніе вѣка служитъ каноническое право. Это—законодательство, которое церковь предлагала для руководства вѣрующимъ въ ихъ поведеніи, и въ то же время совокупность нормъ, которыя опредѣляли дѣятельность церковныхъ судовъ. Запрещеніе ссужать капиталъ за проценты высказано было первоначально церковью лишь относительно духовенства. Никейскій соборъ въ 325 г. воспретилъ клирикамъ извлекать доходъ изъ этого источника. Послѣдующіе соборы, повторяя запрещенія, грозили клирикамъ, дающимъ деньги изъ процентовъ, лишеніемъ сана. Соборными рѣшеніями IX вѣка взиманіе процентовъ объявлено было грѣхомъ и для мірянъ. Однако, опредѣленное постановленіе каноническаго законодательства противъ взиманія процентовъ относится лишь къ концу XII столѣтія. Папа Александръ III въ 1179 году грозилъ явнымъ ростовщикамъ отлученіемъ отъ церкви и лишеніемъ христіанскаго погребенія, а священникамъ, не исполнявшимъ этихъ предписаній, отлученіемъ отъ должности. Григорій X предписалъ изгонять ростовщиковъ изъ общинъ, корпорацій и городовъ и отнялъ у нихъ право дѣлать завѣщанія. Это движеніе было завершено Климентомъ V въ 1311 г. на Вѣнскомъ соборѣ. Соборъ объявлялъ всякое свѣтское законодательство, несогласное съ постановленіями церкви о процентахъ, недѣйствительнымъ и ничтожнымъ. Запрещеніе процентовъ сдѣлалось абсолютнымъ догматомъ церкви; всякое сомнѣніе въ этомъ догматѣ объявлялось ересью и преслѣдовалось какъ ересь. Въ XVI в. былъ сожженъ въ Пьемонтѣ еретикъ, который, между прочимъ, обвинялся въ

[1]) Böhm-Bawerk, 24.

непризнаванiи ссуды изъ процентовъ грѣхомъ. Всякiй судъ, который въ своихъ приговорахъ нарушалъ законы церкви о процентахъ, навлекалъ на себя страшный гнѣвъ церкви. Такимъ образомъ, то, что въ началѣ было лишь дѣломъ морали и религiознаго убѣжденiя, сдѣлалось въ концѣ концовъ гражданскимъ закономъ. Взиманiе процентовъ стало считаться не только грѣхомъ, но и обыкновеннымъ гражданскимъ преступленiемъ. Основываясь на буквальномъ толкованiи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ отцевъ церкви, которые въ порывѣ негодованiя противъ ростовщиковъ сравнивали ихъ съ ворами, разбойниками и убiйцами, канонисты стали считать отдачу денегъ изъ процентовъ такимъ же тяжкимъ преступленiемъ, какъ воровство, разбой и убiйство. Доходъ отъ процентовъ долженъ былъ непремѣнно возвращаться тому, у кого онъ взятъ, подобно добычѣ отъ всякаго другого преступленiя; безъ этого возмѣщенiя не могло быть и рѣчи о покаянiи и отпущенiи грѣховъ [1]).

На какiя сдѣлки распространялось понятiе роста, такъ упорно преслѣдовавшагося каноническимъ правомъ? Главнымъ основнымъ видомъ была, конечно, денежная ссуда изъ процентовъ, — господствующiй видъ кредита въ ту эпоху. Однако, уже отцы церкви IV и V вѣка давали болѣе широкое толкованiе понятiю роста. «Если ты дѣлаешь кому-либо ссуду, ожидая получить отъ него больше, чѣмъ ты далъ ему, будетъ-ли это въ деньгахъ или въ хлѣбѣ, въ маслѣ, или въ чемъ-либо еще, ты — ростовщикъ», говоритъ св. Августинъ. Iеронимъ называетъ ростовщикомъ даже того, кто за отданныя въ ссуду деньги разсчитываетъ получить мелкiе подарки разнаго рода. Впослѣдствiи понятiе роста становится еще шире. Если я даю взаймы деньги съ обязательствомъ возвратить ссуду товарами, зная, что ко времени уплаты эти товары поднимутся въ цѣнѣ, то я — ростовщикъ. Если я отсрочиваю уплату за проданный товаръ на нѣкоторое время и, пользуясь этимъ, назначаю за товаръ болѣе дорогую цѣну, то я дѣлаю то же самое, что и заимодавецъ, выговаривающiй себѣ процентъ [2]).

Такимъ образомъ, каноническое право въ сущности вовсе уничтожило продажу въ кредитъ и договоръ о поставкѣ товаровъ. Если бы эти требованiя были проводимы съ полной послѣдовательностью, то весь мѣновой процессъ въ тогдашнемъ обществѣ долженъ былъ бы ограничиться простой мѣной наличныхъ товаровъ на товары же или на деньги. Отсрочка платежа могла быть при этомъ взглядѣ простой любезностью, дружеской услугой, а не какъ не кредитомъ. Замѣчательно, что признакомъ грѣховной ростовщической сдѣлки считалось не только дѣйстви-

[1]) Изложенiе исторiи законодательства о процентахъ сдѣлано по Enbemann 31–41. [2]) Ashley 158–159.

тельное полученіе барыша отъ нея, но даже простое намѣреніе получить его; каждый договоръ, какое бы имя онъ не носилъ, будетъ-ли это мѣна, купля и продажа, наемъ и т. д., могъ считаться ростовщическимъ, если только кредиторъ надѣялся получить что-либо сверхъ переданнаго капитала. Возможность отыскать грѣхъ роста въ каждой сдѣлкѣ давала поводъ церкви съ ея учрежденіями контролировать весь гражданскій оборотъ. Церковь приняла на себя широкую задачу предупреждать несправедливость и грѣховность во всей массѣ мѣновыхъ и кредитныхъ сношеній, которыхъ, несмотря на натуральный характеръ эпохи, все-таки было не мало въ тогдашнемъ хозяйствѣ. Если принять во вниманіе, какимъ могуществомъ пользовалась средневѣковая церковь, то можно себѣ представить, насколько тягостенъ былъ этотъ постоянный мелочной надзоръ за всѣми подробностями обыденной жизни, тѣмъ больше, что понятіе наказуемаго ростовщичества, сведенное къ намѣренію кредитора, выражалось въ неопредѣленныхъ и неуловимыхъ признакахъ.

ПЕРЕХОДЪ ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ КЪ НОВОМУ ВРЕМЕНИ.

Многовѣковое зданіе натуральнаго хозяйства начало колебаться еще съ середины среднихъ вѣковъ. Первымъ толчкомъ къ преобразованію установившагося склада общественной жизни послужило развитіе мѣновыхъ сношеній подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ [1]). Изъ многочисленныхъ послѣдствій этой эпохи прежде всего слѣдуетъ отмѣтить расширеніе границъ торговли. До того времени торговля вращалась въ узкихъ предѣлахъ тогдашнихъ западно-европейскихъ государствъ. Сношенія съ Востокомъ были ничтожны, потому что Византійская имперія, лежавшая на перепутьи между странами Востока и Запада и представлявшая наиболѣе удобный путь для сношеній между ними, систематически замыкала свои границы для европейцевъ. Крестовые походы пробили эту преграду; благодаря имъ, установились оживленныя торговыя сношенія между побережьемъ Средиземнаго и Чернаго морей и странами Востока. Эти моря съ ихъ удобными для мореплаванія заливами, островами и берегами оставались главнымъ поприщемъ торговыхъ сношеній до самаго открытія Новаго Свѣта.

Крестовые походы произвели крупную перемѣну въ самыхъ нравахъ и вкусахъ. Грубая простота европейскихъ народовъ смягчилась чрезъ соприкосновеніе съ утонченною византійской цивилизаціей. Европейцы

---

1) О послѣдствіяхъ крестовыхъ походовъ ср. Scherer. Histoire du commerce, trad. par Richelot et Vogel. T. I.

узнали вкусъ въ произведеніяхъ Востока, его колоніальныхъ продуктахъ, тканяхъ,—и тѣмъ дали новое направленіе роскоши и новую пищу торговлѣ. Сами жители Востока, познакомившись съ произведеніями европейскихъ странъ, стали предъявлять на нихъ спросъ, что, въ свою очередь, содѣйствовало развитію обширныхъ мѣновыхъ сношеній европейскихъ государствъ съ Левантомъ. Соприкосновеніе двухъ цивилизацій способствовало распространенію новыхъ техническихъ знаній въ Западной Европѣ и повело къ основанію нѣсколькихъ знаменитыхъ впослѣдствіи отраслей промышленности. Такъ какъ ткани и прочія издѣлія Востока обходились очень дорого, — то явились попытки водворить у себя, въ предѣлахъ собственной страны, производство тѣхъ вещей, которыя раньше привозились съ Востока.

Кромѣ возстановленія сношеній съ Востокомъ, крестовые походы содѣйствовали оживленію обмѣна между самими государствами Запада: въ Черномъ морѣ встрѣчались и знакомились между собою Бременъ и Любекъ съ Венеціей и Генуей. Нельзя, наконецъ, не признать, что романтическія похожденія крестоносцевъ пробудили вкусъ къ отдѣльнымъ экспедиціямъ, которыя ознаменовали собою XIV и XV вѣка и повели къ открытію Америки.

Крестовые походы сразу выдвинули на первый планъ торговое значеніе приморскихъ городовъ. Города фландрскіе и итальянскіе достигли высокой степени процвѣтанія и торговаго могущества. На Сѣверѣ получаетъ небывалое дотолѣ въ исторіи развитіе могущественный Ганзейскій торговый союзъ, на Югѣ еще болѣе выдающееся значеніе достается на долю Генуи, Амальфи, Пизы и Венеціи. Со времени взятія Константинополя крестоносцами и до самаго открытія Америки Венеція владѣла почти исключительной монополіей торговли съ Востокомъ. Эти два вѣка (XIII и XIV) представляютъ самую цвѣтущую эпоху развитія Венеціанской республики. Нѣсколько позднѣе первоклассное знаніе въ торговлѣ сѣверной Европы получаютъ голландскіе города Брюгге и Антверпенъ.

Развитіе городовъ внесло въ экономическую жизнь новый факторъ,— движимый капиталъ, сдѣлавшійся причиной радикальнаго переворота въ установившейся градаціи общественныхъ классовъ. Характерною чертой средневѣкового общественнаго строя было всеобщее господство земельной собственности. Благодаря крайне слабому развитію мѣнового хозяйства, земля въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ считалась единственнымъ источникомъ богатства; она составляла въ то же время главное цѣнное имущество, которымъ оплачивались разнаго рода услуги. Быстрое обогащеніе итальянскихъ городовъ указало на новый источникъ народнаго богат-

ства, — на торговлю, и рядомъ съ этимъ выдвинуло на первый планъ значеніе движимой собственности. На мѣсто поземельной родовой аристократіи выступила буржуазія, представительница движимаго капитала, явилась шелковая и шерстяная знать. Такое положеніе дѣлъ, въ свою очередь, еще болѣе усиливало вѣсъ и значеніе денежнаго капитала. Такимъ образомъ, уже въ концѣ средневѣкового періода вполнѣ ясно выразилась та новая экономическая сила, которая послужила направляющимъ началомъ дальнѣйшаго хозяйственнаго развитія и легла въ основаніе современнаго хозяйства.

Переходъ къ новому времени, именно XV вѣкъ, ознаменовался вліяніемъ цѣлаго ряда новыхъ агентовъ, которые произвели окончательное разложеніе средневѣковыхъ формъ жизни. Возрожденіе занятій классической древностью, вызванное паденіемъ Византійской имперіи, отвлекло человѣческій умъ отъ схоластики. Это пробужденіе мысли представляетъ едва ли не самое блестящее и утѣшительное зрѣлище, которое мы можемъ наблюдать въ исторіи. Умственное возбужденіе эпохи возрожденія по бодрости и энергіи мысли можно сравнить развѣ съ лучшими моментами XVIII в.; другой подобной эпохи не знаетъ исторія человѣчества. «Науки процвѣтаютъ, умы пробуждаются, весело жить», — восклицаетъ герой реформаціи, Гуттенъ, о своемъ времени. «Читая произведенія, вышедшія въ первой четверти XVI столѣтія, — говоритъ Грановскій въ своей чудной характеристикѣ Бэкона, — нельзя не замѣтить въ нихъ какой-то свѣтлой радости, какого-то юношескаго чувства надежды. Такою надеждой пропитана духовная атмосфера той эпохи: великія событія, которыми ознаменованы конецъ XV и начало XVI в., казались людямъ только предвѣстниками чего-то еще большаго, небывалаго въ исторіи. Во всѣхъ сферахъ науки и жизни пробуждается веселая, исполненная вѣры въ достиженіе своихъ цѣлей дѣятельность» [1]).

Припомнимъ блестящій рядъ великихъ открытій этой эпохи и, главнымъ образомъ, открытіе Америки и морского пути въ Индію [2]). Эти событія являются основнымъ агентомъ, передѣлавшимъ весь экономическій строй. Прежде всего они широко раздвинули границы торговли и указали для нея новое направленіе. Прежняя каботажная торговля смѣнилась обширной океанической, которая направилась теперь на снабженіе отдаленной Америки и Индіи европейскими товарами и на вывозъ оттуда сырыхъ произведеній. Подъ вліяніемъ этой перемѣны гегемонія въ морской торговлѣ перешла съ побережья Средиземнаго моря къ Атлантическимъ городамъ. Венеція и Генуя должны были уступить свое ком-

---

1) Грановскій. Соб. соч. т. I, 373.

2) О послѣдствіяхъ открытія Америки см. Beer. Geschichte des Welthandels. B. 3.

мерческое значеніе Испаніи и Португаліи. Измѣнившіеся характеръ и направленіе торговли произвели рѣзкія перемѣны въ мореплаваніи и судостроеніи. Вкусъ къ отдаленнымъ морскимъ путешествіямъ пробудился съ неудержимою силой: вслѣдъ за Христофоромъ Колумбомъ потянулись за море цѣлыя вереницы отважныхъ мореплавателей.—Но едва ли не всего важнѣе былъ громадный наплывъ благородныхъ металловъ въ европейскія страны, сопровождавшій открытіе Новаго Свѣта. Золото и серебро притекали огромными массами изъ новооткрытыхъ земель въ Европу и преимущественно въ тѣ европейскія страны, изъ которыхъ вышли смѣлые мореплаватели, виновники заатлантическихъ открытій. Легкое обогащеніе Испаніи и Португаліи, получившихъ, благодаря наплыву золота, значеніе первоклассныхъ державъ, не давало покоя другимъ странамъ. Главная цѣль тогдашняго мореплаванія заключалась въ стремленіи отыскать новыя мѣстонахожденія благородныхъ маталловъ, главнымъ образомъ—золота. Къ золоту обратились всѣ помыслы тогдашняго міра. Люди искренно вѣрили, что счастье народовъ зависитъ отъ золота и откровенно высказывали свою вѣру во всемогущество золота, Но золото, помимо того, что оно способствовало обогащенію европейскихъ державъ и вызвало энергическую торговую дѣятельность, производило ликвидацію средневѣковыхъ порядковъ еще и другимъ путемъ, — путемъ переворота въ отношеніяхъ цѣнъ на всѣ товары. Въ теченіе среднихъ вѣковъ отношенія цѣнъ были однообразны и мало колебались; послѣ же открытія Америки обнаружилось небывалое вздорожаніе продуктовъ; въ небольшой сравнительно промежутокъ времени, не больше какъ въ 50 — 60 лѣтъ, цѣны на товары поднялись въ 5, 6 и 10 разъ противъ прежняго уровня; особенно рѣзкая разница создалась между цѣнами на продукты земли и произведеніями мануфактуръ. Такія перемѣны естественно должны были измѣнить взгляды на относительную важность отраслей промышленности.

Изложенныя выше обстоятельства, вызвавшія паденіе средневѣковаго хозяйства, обнаружили свое дѣйствіе въ Англіи сильнѣе, нежели въ какой-либо иной странѣ. Благодаря своему островному положенію и превосходнымъ внутреннимъ воднымъ путямъ, Англія съ раннихъ поръ начала вести заграничную торговлю. Шерсть составляла въ Англіи предметъ значительнаго вывоза съ самаго норманскаго завоеванія, а въ XIV столѣтіи эта торговля уже достигла процвѣтанія. Кромѣ шерсти, вывозились еще кожи, молочные продукты, олово, свинецъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ вывозная торговля Англіи производилась преимущественно заграничными купцами; особенными привилегіями на англійскихъ рынкахъ пользовалась Ганза. Непрерывныя сношенія съ заграничными странами естественно дѣлали Англію отзывчивою къ перемѣнамъ, происхо-

дившимъ на всемiрномъ рынкѣ. Оживленiе торговли, а въ особенности наплывъ металловъ, вызвали въ Англiи въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ огромный подъемъ цѣнъ, который выразился во всеобщемъ вздорожанiи жизни и возвышенiи заработной платы. Цѣна пшеницы, которая въ XIII, XIV и XV столѣтiи держалась на 5 — 6 шиллингахъ за квартеръ, къ серединѣ XVI столѣтiя поднялась до 8 шил., въ 1574 г. дошла до 22 шил., а въ концѣ XVI столѣтiя возвысилась до 40 шил. Плата обыкновеннаго рабочаго, состоявшая въ XIV столѣтiи изъ $1^1/_2$ шиллинга въ недѣлю, въ XVI столѣтiи возвысилась до $2^1/_4 - 2^1/_2$ шиллинговъ [1]). Цѣна шерсти, которая въ теченiе 140 лѣтъ (съ 1401 по 1540 годъ) держалась въ среднемъ выводѣ на 6 шиллингахъ за тодъ (28 фунтовъ), поднялась въ перiодъ 1541—1550 гг. до 20 шиллинговъ и хотя понизилась въ послѣдующее десятилѣтiе, но не спускалась ниже 16 шил. за тодъ. Рѣзкiя перемѣны въ цѣнахъ, вызванныя частiю наплывомъ золота, частiю порчей монеты, вызвали цѣлый рядъ послѣдствiй въ общественной экономiи, и въ частности передѣлали прежнiй аграрный строй.

ПЕРЕМѢНЫ ВЪ АГРАРНОМЪ СТРОѢ АНГЛIИ.

Паденiе крѣпостного права [2]). Въ началѣ настоящаго курса было представлено положенiе средневѣкового англiйскаго помѣстья. Мы видѣли, что всѣ земли этого помѣстья дѣлились на два класса,— на господскiе и крестьянскiе, изъ которыхъ послѣднiе находились во владѣнiи лицъ, обязанныхъ поставлять свой трудъ для обработки первыхъ. Люди, поселенные на земляхъ, принадлежащихъ къ помѣстьямъ, отправляли въ пользу владѣльца разнообразныя натуральныя повинности, размѣръ которыхъ опредѣлялся обычаемъ, но по праву зависѣлъ отъ воли владѣльца. Въ этомъ устройствѣ, державшемся въ теченiе многихъ столѣтiй, въ концѣ среднихъ вѣковъ произошли крупныя перемѣны.

Первая изъ такихъ перемѣнъ восходитъ почти къ временамъ норманскаго завоеванiя. Англiйскiе историки, касающiеся поземельнаго права, показываютъ, что уже съ раннихъ поръ владѣльцы маноровъ находили для себя выгоднымъ точно опредѣлять барщину и натуральные сборы, возлагающiеся на крѣпостныхъ, такъ какъ при помощи этого средства становилось возможнымъ болѣе или менѣе точное вычисленiе дохода съ помѣстья, а это облегчало контроль за управителями. Но, тѣмъ не менѣе, отъ произвола владѣльцевъ всегда зависѣло увели-

---

1) Cunningham. 458, 456.
2) Главные источники: М. Ковалевскiй, Hacce, Ashley.

чить крестьянскія службы и повинности и отнять земли у крѣпостныхъ держателей, перевести послѣднихъ въ разрядъ безземельныхъ рабовъ. Такъ какъ подобныя проявленія помѣщичьяго произвола нерѣдко вызывали волненія въ помѣстьяхъ, то, въ интересахъ обезпеченія мира, Вильгельмъ Завоеватель запретилъ помѣщикамъ на будущее время отступать въ своихъ отношеніяхъ къ держателямъ крѣпостныхъ земель отъ тѣхъ правилъ, которыя были установлены ими самими или унаслѣдованы отъ прежнихъ владѣльцевъ. Съ этого момента владѣльцы стали считать себя связанными обычаями помѣстій, а крѣпостные начали видѣть въ копіяхъ съ вотчинно-судебныхъ протоколовъ (court rolls), въ которыхъ были помѣчены инвентарь владѣнія, характеръ и размѣръ ихъ крѣпостныхъ службъ, какъ-бы письменное доказательство своихъ правъ на землю. Хотя эти права долгое время лишены были исковой охраны, и на ихъ нарушеніе можно было жаловаться единственно въ вотчинный судъ самого помѣщика, но могучая сила обычая дѣлала то, что крестьяне несли лишь тѣ повинности, которыя были обозначены въ выданныхъ имъ копіяхъ вотчинныхъ протоколовъ. Къ этому присоединяется преднамѣренное попустительство королевскихъ судовъ, которые стали принимать отъ крестьянъ жалобы на помѣщиковъ за нарушеніе установленныхъ порядковъ владѣнія землею [1]). Укрѣпленіе и повсемѣстное распространеніе этого обычая превратило прежнихъ крѣпостныхъ держателей земли въ такъ называемыхъ копигольдеровъ, «инвентарныхъ обывателей», какъ ихъ называетъ князь Васильчиковъ, — держателей господской земли по условіямъ, копіи съ которыхъ имъ выдаются на руки. Отличіе этихъ послѣднихъ отъ первыхъ состоитъ въ опредѣленности службъ и въ зависимости срока владѣнія землей не отъ произвола помѣщика, а отъ постановленій мѣстнаго обычая.

Одновременно съ указаннымъ преобразованіемъ совершается другая важная перемѣна, именно переводъ натуральныхъ повинностей крестьянъ въ денежныя. Еще въ XIII-мъ в. во многихъ ренталяхъ, одновременно съ перечисленіемъ повинностей крѣпостныхъ, встрѣчается обозначеніе денежнаго эквивалента, напримѣръ, указывается, что дневной трудъ извѣстнаго рода стоитъ пенсъ, $^1/_2$ пенса и т. п. Такое обозначеніе, по всей вѣроятности, дѣлалось съ цѣлью болѣе точнаго учета, а главное — опредѣленія штрафовъ, платимыхъ крѣпостными въ случаѣ неисполненія работы. Какъ скоро подобный переводъ сдѣлался всеобщимъ, какъ скоро разныя формы барщины сведены къ извѣстному среднему типу, и имъ найденъ денежный эквивалентъ, то оставался

[1]) М. Ковалевскій, 337.

одинъ шагъ къ полному или частичному переводу натуральныхъ повинностей обязанныхъ крестьянъ на деньги. Существовало не мало побужденій для владѣльцевъ манора стремиться къ такому переходу. Обязательный трудъ крѣпостныхъ требовалъ хлопотливаго надзора и многосложнаго управленія. Неловкость и недобросовѣстность управляющихъ, при частомъ уже въ тѣ времена отсутствіи лордовъ изъ своихъ помѣстій для военной или придворной службы, дѣлали непрочными и ненадежными доходы съ помѣстья. При сравненіи доходовъ, которые очищались помѣщику при барщинномъ трудѣ съ денежнымъ оброкомъ, выгода оказывалась на сторонѣ послѣдняго. Къ сказанному нужно прибавить еще устраненіе необходимости заботиться о пропитаніи крѣпостныхъ во время неурожая хлѣба, по обычаю лежавшемъ на вотчинникахъ,—обязанности, которая особенно тяжело чувствовалась во время голодовъ, часто посѣщавшихъ Англію.

Если, такимъ образомъ, замѣна натуральныхъ повинностей денежными оброками была выгодна вотчинникамъ, то въ еще болѣе радужномъ свѣтѣ представлялась она крѣпостнымъ крестьянамъ. Переводъ на денежный оброкъ устранялъ тяжесть ежеминутной личной зависимости отъ помѣщика и его управляющихъ, освобождалъ отъ необходимости постоянно отрываться отъ собственнаго поля для барщинныхъ работъ и представлялъ возможность свободно распоряжаться своимъ временемъ и вести самостоятельное хозяйство. Онъ закрѣплялъ собою переходъ въ классъ копигольдеровъ и приближеніе къ типу тѣхъ вольныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, фригольдеровъ, на которыхъ всегда съ завистью смотрѣлъ крѣпостной держатель помѣщичьихъ земель. Подъ вліяніемъ такихъ обоюдныхъ выгодъ переводъ натуральныхъ повинностей на денежные оброки, вначалѣ встрѣчавшійся въ качествѣ единичныхъ примѣровъ, преимущественно въ королевскихъ доменахъ и церковныхъ имѣніяхъ, постепенно распространяется и становится всеобщимъ. Первыя точныя извѣстія о превращеніи издѣльной повинности въ опредѣленные денежные платежи (adaeratio) встрѣчаются въ серединѣ XIII вѣка въ поземельныхъ книгахъ церкви св. Павла и Ворчестерскаго монастыря[1]). Къ началу XIV вѣка, къ царствованію Эдуарда II, этотъ обычай распространяется, а къ концу первой четверти XIV вѣка, подъ вліяніемъ сильнѣйшихъ голодовъ 1315 и 1316 годовъ, становится, по свидѣтельству Роджерса, почти всеобщимъ [2]).

Замѣна натуральныхъ повинностей денежными ставилась на первыхъ порахъ въ зависимость отъ воли самого помѣщика (ad voluntatem do-

---

[1]) Hacce 82. [2]) Rogers, Works and Wages. 4.

mini), которому предоставлялось на выборъ или довольствоваться полученіемъ ежегоднаго, напередъ выговореннаго, денежнаго эквивалента, или требовать возврата крестьянъ къ ихъ вѣковымъ обязательствамъ. Въ раннихъ ренталяхъ, напримѣръ, земельной книгѣ Ворчестерскаго монастыря второй половины XIII вѣка, послѣ перечисленія стоимости повинностей, переведенныхъ на деньги, постоянно прибавляется «ad voluntatem domini»,—«на волю господина», показывающее, что помѣщикъ выговариваетъ право вернуться къ натуральнымъ повинностямъ. Но чѣмъ ближе мы подходимъ къ концу среднихъ вѣковъ, тѣмъ рѣже встрѣчается въ ренталяхъ упоминаніе о предоставленіи помѣщику такого права и тѣмъ болѣе, слѣдовательно, переводовъ натуральныхъ повинностей на деньги принимаетъ характеръ безповоротныхъ соглашеній [1]. Копигольдеры, образовавшіеся этимъ путемъ, пріобрѣтаютъ свойство частью пожизненныхъ, а въ большинствѣ случаевъ, наслѣдственныхъ оброчныхъ владѣльцевъ.

Съ другой стороны, въ первое время, чтобы не лишить имѣніе необходимыхъ рабочихъ рукъ, владѣльцы маноровъ переводятъ на деньги лишь часть натуральныхъ повинностей, именно обыкновенно лишь барщину (daily works), оставляя въ формѣ издѣльной повинности «помочи», которыя лежали на крѣпостныхъ, особенно во время сѣнокоса и жатвы и другихъ экстренныхъ работъ. Съ другой стороны, лишь часть крѣпостныхъ крестьянъ переводится на денежные оброки, остальные же несутъ натуральную барщину. Но чѣмъ дальше, тѣмъ большее число крестьянъ переходитъ на денежный оброкъ, и переводится на деньги не часть повинностей, какъ прежде, а почти всѣ повинности. Тогда какъ въ XIII столѣтіи въ имѣньяхъ церкви св. Павла и Ворчестерскаго монастыря часть крестьянъ находится на издѣльной повинности, а часть на оброкѣ, и притомъ послѣдніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязаны дать «помочи»; въ ренталяхъ временъ Эдуарда IV (во второй половинѣ XV вѣка) почти всѣ повинности крестьянъ переведены на деньги и притомъ безповоротно, безъ указанія на право помѣщика возвратиться къ натуральнымъ повинностямъ [2].

На ряду съ пріобрѣтеніемъ опредѣленныхъ правъ на землю крестьянинъ получаетъ и личную свободу. Правда, по закону вилланъ все еще считается несвободнымъ, но онъ уже можетъ самостоятельно искать въ судѣ противъ каждаго, за исключеніемъ своего господина, а при наличности нѣкоторыхъ условій можетъ даже жаловаться на господина. Съ теченіемъ времени королевскіе суды начинаютъ покровительствовать

[1]) Нассе, 83. Ковалевскій, 72. [2]) Ковалевскій, 76, 77. Нассе, 83.

крестьянамъ, нерѣдко принимая отъ нихъ жалобы на помѣщиковъ, а съ XV-го в. прямо признаютъ за ними право иска противъ владѣльцевъ, нарушающихъ условія съ крестьянами. Такимъ образомъ, положеніе крѣпостныхъ постепенно сравнивается съ положеніемъ свободныхъ держателей земли.

Очевидно, владѣльцу манора не было бы разсчета согласиться на переводъ натуральной повинности въ денежный оброкъ, если бы онъ не имѣлъ возможности располагать въ достаточномъ количествѣ наемными рабочими или сдавать господскую землю въ аренду. Въ разсматриваемый нами періодъ явилась та и другая возможность. Съ одной стороны, выросъ классъ свободныхъ наемныхъ работниковъ, образовавшійся естественно отъ размноженія крестьянскаго населенія и уменьшенія ихъ надѣловъ. Земледѣльцы должны были, вслѣдствіе прироста населенія, ощущать недостаточность земли и искать дополнительнаго заработка въ наемной работѣ. Земельный надѣлъ въ предѣлахъ помѣстья, равно какъ пользованіе общиннымъ пастбищемъ, привязывали ихъ къ данному помѣстью и обезпечивали этому послѣднему предложеніе ихъ рабочей силы. Въ XIV-мъ столѣтіи помѣщичье земледѣльческое хозяйство основывалось уже почти всецѣло на вольнонаемной работѣ. Точныя записи, о которыхъ упоминаетъ Роджерсъ, и сравнительно большіе оборотные капиталы, встрѣчающіеся въ этихъ записяхъ, указываютъ на преобладаніе денежнаго хозяйства [1]).

Преобразованіе стараго крестьянскаго строя вызвало раннее возниковеніе временно арендныхъ отношеній. Въ XIII-мъ столѣтіи въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Ворчестерскаго монастыря вилланы арендовали за опредѣленную денежную плату всю господскую землю. Граматы, относящіяся къ имѣніямъ церкви св. Павла, указываютъ въ началѣ XIV-го столѣтія множество срочныхъ арендныхъ контрактовъ, по которымъ арендаторъ принималъ на себя обязательство уплачивать въ деньгахъ точно опредѣленную разъ навсегда годичную плату. Контракты заключались первоначально на всю жизнь арендатора, потомъ на опредѣленные сроки. Особенное распространеніе получило фермерство во второй половинѣ XIV-го в. послѣ знаменитой моровой язвы. Значительное повышеніе заработной платы послѣ моровой язвы сдѣлало убыточнымъ собственное хозяйничанье помѣщиковъ, прежнія же обязательныя работы прекратились; землевладѣльцы сдѣлали было попытку вернуться къ прежнимъ отношеніямъ при помощи законовъ, запрещавшихъ рабочимъ перемѣнять мѣсто жительства, отказываться отъ предлагаемыхъ занятій и переходить отъ земледѣлія къ ремеслу, но эти попытки оста-

---

[1]) Ochenkowsky, 11. Ashley, 32.

лись безуспѣшными. Такимъ образомъ, помѣщикамъ не оставалось ничего болѣе, какъ сдавать господскія земли въ аренду. Въ ближайшій періодъ ко времени моровой язвы помѣщичьи земли сдавались съ господскимъ инвентаремъ и изъ доли продукта, на манеръ половничества, долго господствовавшаго въ Западной Европѣ, но такой порядокъ, по словамъ Роджерса, продержался не больше 50 лѣтъ и замѣнился заарендованіемъ земель безъ инвентаря и на короткіе сроки [1]).

Убыточность собственнаго хозяйничанья привела не только къ арендѣ, но и къ полному отчужденію господскихъ земель мелкимъ свободнымъ землевладѣльцамъ. Это отчужденіе, по предположенію Роджерса, совершалось на условіи уплаты помѣщику опредѣленной ежегодной денежной суммы (quit—rents). Въ концѣ среднихъ вѣковъ число такихъ вольныхъ землевладѣльцевъ повсюду въ огромной степени увеличилось [2]).

Изображенный ходъ перемѣнъ, совершившійся въ аграрномъ строѣ Англіи, показываетъ, что въ теченіе трехъ вѣковъ, протекшихъ со времени норманскаго завоеванія, въ средневѣковомъ помѣстьѣ произошелъ величайшій переворотъ. Прежнее натуральное хозяйство перешло въ денежное, крѣпостной трудъ замѣнился вольно-наемнымъ, обязанные крестьяне превратились въ наслѣдственныхъ арендаторовъ своихъ надѣловъ, а частью даже, при помощи покупки помѣщичьей земли, въ свободныхъ собственниковъ. Но что всего замѣчательнѣе и характернѣе, этотъ переворотъ совершился какъ-бы самъ собой, путемъ перемѣны въ обычаяхъ и нравахъ. Такая самостоятельность процесса дѣлаетъ его особенно интереснымъ для историка и экономиста.

До сихъ поръ реформа средневѣкового аграрнаго строя была вообще выгодна для положенія мелкихъ земледѣльцевъ; но съ конца XV в. начинается поворотъ въ ихъ судьбѣ, характеризующій собою переходъ къ современному аграрному строю и послужившій началомъ новой эпохи въ хозяйственной исторіи Англіи.

Процессъ обезземеленія сельскаго населенія. Ранѣе было показано, что сельское населеніе Англіи состояло изъ зависимыхъ крестьянъ, пользовавшихся земельнымъ надѣломъ на господской землѣ, за который они были обязаны отбывать барщину и оброки въ пользу землевладѣльца. Мы видѣли, что крѣпостное право постепенно смягчалось и отмѣнялось въ концѣ средневѣкового періода: натуральныя повинности были преобразованы въ денежныя, зависимые крестьяне превратились въ наслѣдственныхъ оброчныхъ владѣльцевъ и пріобрѣли личную свободу. Однако, это преобразованіе на первое время не произвело перемѣнъ въ земель-

---

[1]) Нассе, 89. Ковалевскій, 88. — [2]) Нассе, 89.

номъ обезпеченіи прежнихъ крѣпостныхъ. Копигольдеры владѣли тѣми же надѣлами, но лишь на иномъ юридическомъ основаніи. Помѣщичья земля, вмѣсто прежнихъ крѣпостныхъ, обработывалась наемными руками, которыя съ избыткомъ поставлялись крестьянами въ свободное отъ своихъ работъ время, и отчасти спеціальными наемными рабочими. Однако же, и эти послѣдніе вели собственное хозяйство, такъ какъ они, кромѣ наемной платы, получали обыкновенно небольшой участокъ земли съ дворомъ и вмѣстѣ съ прочими крестьянами пользовались правомъ на участіе въ общинномъ пастбищѣ и въ общинномъ лѣсѣ. Такимъ образомъ, даже послѣ эмансипаціи сельское хозяйство Англіи находилось въ рукахъ мелкихъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ. Но съ половины XV в. начинается въ изображенномъ положеніи переворотъ, заключающійся въ захватѣ общинныхъ пастбищъ и пустошей и въ сосредоточеніи крестьянскихъ надѣловъ въ рукахъ сравнительно немногихъ фермеровъ.

Извѣстно, что въ средніе вѣка крѣпостные крестьяне имѣли общія пастбища съ господскимъ дворомъ. Каждый крестьянинъ могъ свободно выпускать свой скотъ на поля господина. Однако, уже съ давнихъ поръ помѣщикъ пользовался правомъ отбирать часть общиннаго пастбища въ собственное пользованіе, лишь бы отъ этого не страдали права общинниковъ. Это право сначала держалось только на обычаѣ, а потомъ было признано закономъ (Мертонскій статутъ 1235, Вестминстерскій статутъ 1285)[1]. Право обращать часть общиннаго пастбища подъ обработку, въ первое время, при огромной площади выгонной земли, не могло имѣть большого значенія. Отнятая отъ общиннаго выгона земля употреблялась вначалѣ подъ парки и сады или отчасти подъ особыя пастбища помѣщика; но чѣмъ большее значеніе получало скотоводство, тѣмъ большій интересъ стало пріобрѣтать право помѣщика на захватъ общинныхъ пастбищъ. Между тѣмъ, обстоятельства сложились такъ, что въ концѣ среднихъ вѣковъ земледѣліе въ англійскомъ хозяйствѣ сдѣлалось менѣе выгоднымъ, нежели скотоводство. Невыгодность земледѣлія зависѣла отъ значительнаго поднятія заработной платы послѣ «черной смерти» (1349) при неподвижности цѣнъ на хлѣбъ. Напротивъ того, скотоводство начинало становиться все болѣе и болѣе прибыльнымъ. Овцеводство встрѣчалось въ широкихъ размѣрахъ въ англійскихъ помѣстьяхъ еще со времени Вильгельма Завоевателя и держалось въ теченіе всей послѣдней половины среднихъ вѣковъ. Но выгодность его особенно усилилась въ концѣ XV столѣтія, когда, подъ вліяніемъ процвѣтанія шерстяныхъ мануфактуръ во Фландріи, обнаружился сильный спросъ на англійскую шерсть, поднявшій цѣны на нее. Овцевод-

[1]) Нассе, 77.

ство при такихъ условіяхъ сдѣлалось самою прибыльной отраслью хозяйства, такъ какъ оно, благодаря дороговизнѣ шерсти, доставляло высокій доходъ и не требовало въ то же время большого числа вздорожавшихъ рабочихъ рукъ. Выгодность овцеводства дала сильнѣйшій толчекъ огораживанію общинныхъ земель. Въ XV в. процессъ сокращенія общинныхъ земель сталъ принимать грандіозные размѣры, насколько можно судить изъ петицій общинъ и издававшихся по поводу ихъ законовъ.

Такъ какъ огораживаніе лишало крестьянъ возможности вести самостоятельное хозяйство, то оно сопровождалось эмиграціей сельскаго населенія въ города и запущеніемъ крестьянскихъ дворовъ. При исчезновеніи крѣпостного права и неудачѣ попытокъ къ его возстановленію помѣщики потеряли интересъ удерживать крестьянъ на своей землѣ. Напротивъ, вызванное развитіемъ скотоводства увеличеніе цѣнности выгоновъ и пастбищъ и невозможность легальнаго устраненія крестьянъ отъ пользованія ими иначе, какъ при условіи удаленія послѣднихъ, должны были естественно располагать помѣщиковъ къ уменьшенію числа крестьянскихъ надѣловъ. Въ эпоху феодализма, когда крестьянскій трудъ былъ существеннымъ условіемъ процвѣтанія господского хозяйства, предметомъ постоянныхъ желаній владѣющаго класса была не только земля, но и люди; теперь же всѣ помыслы сосредоточились лишь на одной землѣ, и, напротивъ, явилось стремленіе уменьшить число людей, такъ какъ оказался разсчетъ замѣнить культуры, требовавшія большого числа рукъ,— иными, гдѣ этихъ рукъ нужно было гораздо меньше. Если, какъ видно изъ сказаннаго, интересъ побуждалъ землевладѣльцевъ освобождать свои владѣнія отъ бывшихъ крѣпостныхъ, то обстоятельства, въ которыхъ находились эти послѣдніе, помогали осуществлять такое стремленіе. Лишенный общиннаго пастбища и стѣсненный въ пользованіи общиннымъ лѣсомъ, крестьянинъ не могъ держать достаточно скота и, естественно, попадалъ въ нужду. Стоило случиться плохой жатвѣ или какому-либо несчастью,—и крестьянину не оставалось ничего больше, какъ уступить свой небольшой надѣлъ господину, который присоединялъ его къ своему владѣнію. Еще проще совершалось такое присоединеніе въ томъ случаѣ, когда крестьянинъ уходилъ изъ помѣстья; прямой разсчетъ при этомъ заставлялъ его передать свой участокъ помѣщику. Наконецъ, не было недостатка въ случаяхъ, когда бывшіе владѣльцы, пользуясь правомъ сильнаго и дороговизной процессовъ, присоединяли ихъ участки и помимо ихъ согласія [1]).

---

[1]) Подробности объ измѣненіяхъ въ земледѣльческомъ строѣ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ можно найти въ книгѣ Н а с с е: „О средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи“, стр. 90 и сл.

Одновременно съ изложеннымъ происходитъ другое важное измѣненіе: на земляхъ помѣщиковъ водворяется крупное фермерство. Уже въ XIV в. подъ вліяніемъ дороговизны рабочихъ рукъ помѣщики стали замѣнять собственное хозяйствованіе сдачей своихъ земель въ аренду. Первыми арендаторами были тѣ же самые освобожденные крестьяне, которые раньше обработывали господскую землю въ качествѣ крѣпостныхъ. Даже въ первой половинѣ XV в. въ ренталяхъ постоянно встрѣчается упоминаніе о томъ, что лица, уже владѣющія участками въ предѣлахъ помѣстья, держатъ въ арендѣ часть господскихъ земель. Вначалѣ этотъ мелкій съемщикъ снабжался отъ лендлорда сѣменами, скотомъ и земледѣльческими орудіями, которыя еще сохранялись отъ прежняго господскаго хозяйства. Впослѣдствіи арендаторы начинаютъ снимать господскія земли на началахъ половничества, причемъ съемщикъ поставляетъ одну часть земледѣльческаго капитала, а землевладѣлецъ—другую, раздѣляя за то въ извѣстныхъ, условленныхъ пропорціяхъ получаемый продуктъ. Однако, эта половническая форма быстро исчезаетъ, уступая мѣсто фермерству въ собственномъ смыслѣ слова, при которомъ арендаторъ употребляетъ на хозяйство исключительно собственный капиталъ. Въ ренталяхъ второй половины XV в. уже замѣчается образованіе посредствующаго класса между помѣщикомъ и его крѣпостными [1]). Этотъ классъ въ XVI столѣтіи укрѣпился и обогатился вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ того времени. Въ ту эпоху были въ обычаѣ долгосрочные контракты. Постоянный упадокъ цѣнности денегъ послѣ открытія Америки приносилъ фермерамъ золотую жатву. Платя ренту въ прежнемъ размѣрѣ, но обезцѣненными деньгами, фермеръ получалъ громадный барышъ на вздорожавшемъ хлѣбѣ, шерсти, мясѣ и прочихъ земледѣльческихъ продуктахъ, а такъ какъ заработная плата, въ силу общаго закона, обыкновенно отстаетъ въ своемъ ростѣ отъ поднятія товарныхъ цѣнъ, то фермеръ имѣлъ, кромѣ того, барышъ на сравнительно дешевыхъ рабочихъ рукахъ [2]). Къ этому источнику обогащенія присоединялся еще барышъ отъ торговли скотомъ и шерстью, которою обыкновенно занимались фермеры. Такимъ путемъ къ концу XVI в. начинаетъ появляться классъ богатыхъ фермеровъ-капиталистовъ, который становится на мѣсто прежнихъ мелкихъ земледѣльцевъ. «Крестьянинъ, сдѣлавшійся лично свободнымъ, вынужденъ былъ покинуть землю своихъ отцевъ и искать заработковъ въ городскихъ промыслахъ; его мѣсто заняли денежные арендаторы, скупщики и торговцы скотомъ и шерстью. Земледѣліе отступило на задній планъ, передавъ первенство скотоводству. Самый

---

[1]) Ср. М. Ковалевскій: „Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ", 118 и дальше. [2]) K. Marx. „Das Kapital". 1, 777.

видъ англійской деревни измѣнился: крестьянскія усадьбы были снесены, мѣсто ихъ было оставлено или совершенно свободнымъ или застроено несравненно болѣе помѣстительными и удобными фермерскими коттеджами» [1]).

Было бы ошибочно думать, что изображенный переворотъ встрѣченъ равнодушно англійскимъ населеніемъ. Напротивъ, начиная съ XV вѣка въ теченіе двухъ столѣтій идутъ непрерывныя жалобы на уменьшеніе числа мелкихъ землевладѣльцевъ, на огораживаніе полей и распространеніе пастбищнаго хозяйства. Въ книгѣ Охенковскаго приводится любопытное свидѣтельство Россуса, автора малоизвѣстной «Исторіи англійскихъ королей», относящейся къ серединѣ XV вѣка. Онъ жалуется, что крестьянскіе дворы разрушены, страна обезлюдена, земледѣліе сокращено, а на развалинахъ его возникло пастбищное хозяйство. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ хроникеръ приводитъ сравнительную статистику поземельныхъ держаній цѣлаго ряда селъ временъ Эдуарда I и средины XV столѣтія. Изъ нея видно, что въ Варвикскомъ графствѣ, родинѣ лѣтописца, тамъ, гдѣ прежде было до 80 крестьянскихъ усадьбъ, къ его времени не осталось и четвертой доли: гдѣ ихъ было 21—осталась одна, гдѣ было 12 —ни одной. На мѣстѣ снесенныхъ деревень стоятъ лишь одинокіе помѣщичьи дворы. «Въ чемъ заключается причина этого бѣдствія?»—спрашиваетъ Россусъ. Причиной всѣхъ этихъ золъ служитъ жадность; «язва скупости заразила нашъ вѣкъ—пишетъ онъ,—и ослѣпила людей». Россусъ предрекаетъ гибель государства отъ запустѣнія деревень и преобладанія пастбищъ: обезлюдѣвшая страна не въ состояніи будетъ сопротивляться нашествію враговъ [2]). Въ законахъ XV вѣка, напримѣръ, въ законѣ 4-го года царствованія Генриха VII прямо говорится, что множество домовъ и деревень въ королевствѣ опустѣли, принадлежащая къ нимъ пахотная земля огорожена и обращена въ пастбище, а благодаря этому усилилась праздность,—эта мать всѣхъ золъ. Въ законѣ Генриха VIII 1533 года говорится, что въ послѣдніе годы разныя лица сосредоточили въ своихъ рукахъ какъ множество поземельныхъ владѣній, такъ и массу скота, особенно овецъ; нѣкоторые имѣли до 10 тысячъ и даже до 24 тысячъ овецъ; хлѣбопашество вслѣдствіе этого вытѣснено, и деревни обезлюдѣли. Подобно писателямъ того времени, законодательство XV и XVI в. считаетъ главнымъ источникомъ неблагопріятныхъ перемѣнъ въ народномъ хозяйствѣ—корыстолюбіе, отъ котораго бѣднѣетъ населеніе, гибнетъ добродѣтель, умножаются преступленія и создается опасность для государства. Усматривая вредныя

---

1) Ковалевскій, 132 2) Ochenkowski, 36—37.

послѣдствія отъ происходящихъ перемѣнъ, законодатель прямо предписываетъ вернуться къ прежнему состоянію,— именно возстановить разрушенные крестьянскіе дворы и снабдить ихъ опредѣленнымъ количествомъ земли. Однако, строгое предписаніе плохо исполнялось, о чемъ свидѣтельствуютъ непрекращавшіяся жалобы [1]).

Въ половинѣ XVI-го в. недовольство измѣненіемъ аграрныхъ отношеній достигаетъ чрезвычайныхъ размѣровъ. Замѣчательнѣйшіе тогдашніе проповѣдники осуждаютъ происшедшія перемѣны, какъ ужасный грѣхъ времени. «Гдѣ раньше было множество жилищъ и ихъ обитателей, тамъ теперь остался одинъ овчаръ и его собака»,—жаловался епископъ Батимеръ въ своей знаменитой «Рѣчи о плугѣ», произнесенной при дворѣ Эдуарда VI въ 1549 г. Онъ называетъ дворянъ, его слушавшихъ, «огораживателями», «луговодами», и бросаетъ имъ тотъ упрекъ, что изъ англійскихъ іоменовъ они сдѣлали ничего не стоющихъ рабовъ. Еще рѣзче выражается приводимый Нассе Бернардъ Гильпинъ: «Джентльмены не считаютъ за преступленіе изгонять бѣдныхъ людей изъ ихъ владѣній. Напротивъ, утверждая, что земля принадлежитъ имъ, выбрасываютъ бѣдныхъ изъ-подъ крова, какъ какихъ-нибудь гадинъ. Въ Англіи въ настоящее время тысячи людей, которые раньше были частными домохозяевами, просятъ милостыню, шатаясь отъ одной двери къ другой» [2]).

Какъ ни могущественны были изложенныя выше причины преобразованій въ аграрномъ строѣ Англіи, однако же онѣ не сразу обнаружили свое дѣйствіе. Несмотря на громкія жалобы, о которыхъ упоминалось выше, Англія до самаго начала XVIII-го вѣка была страною преимущественно мелкаго землевладѣнія. Еще въ началѣ XVII-го столѣтія лордъ Кокъ выразился въ одномъ приговорѣ, что третья часть населенія Англіи состоитъ изъ копигольдеровъ [3]). Даже въ послѣднія десятилѣтія XVII-го в. независимые крестьяне были многочисленнѣе, нежели классъ арендаторовъ. Маколей, на основаніи показаній тогдашнихъ статистиковъ, считалъ, что мелкихъ собственниковъ было въ то время не менѣе 160,000, что съ семьями составляло около седьмой части населенія Англіи [4]). Григорій Кингъ, писатель конца XVII-го в., насчитывалъ около 180,000 фригольдеровъ, что, причисляя семьи, составитъ какъ разъ около 1 мил. на 6 мил. всего населенія. Эти мелкіе землевладѣльцы, сами воздѣлывавшіе свои участки, такъ называемые—«іомены», составляли въ то время зажиточный и полный независимости классъ, который послужилъ главною поддержкой Кромвелю и

1) Нассе, 92—93. 2) Нассе, 94. 3) Нассе, 114. 4) Macaulay, T. I, ch. III.

привелъ къ концу гражданскую войну. Хотя этотъ классъ порядочно убавился по сравненію съ XV-мъ вѣкомъ, вслѣдствіе огораживаній, но, тѣмъ не менѣе, въ началѣ XVIII-го вѣка мелкій землевладѣлецъ представлялъ выдающуюся фигуру въ деревнѣ: это видно изъ картинъ сельскаго быта, имѣющихся въ литературѣ того времени. Дефо въ 1725 г. съ чувствомъ удовлетворенія описываетъ численность и благоденствіе, такъ называемыхъ, «Сѣрыхъ кафтановъ» въ Кентѣ. Чемберленъ въ своей книгѣ о положеніи Великобританіи, изданной въ первый разъ въ концѣ XVII-го вѣка, замѣчаетъ, что «фригольдеры въ Англіи многочисленнѣе и богаче, нежели въ какой бы то ни было иной странѣ. Доходъ въ 40 или 50 фунт. между ними—обычное дѣло и даже 100 и 200 фунтовъ въ нѣкоторыхъ графствахъ—нерѣдкость» [1]). Почти въ такомъ же положеніи стояли мелкіе съемщики помѣщичьихъ земель, которые нѣкоторыми писателями включаются въ классъ «іоменовъ». Такихъ арендаторовъ съ семьями Кингъ насчитывалъ въ 1696 г.—750,000. Если сложить два названные разряда лицъ, то окажется, что большинство земледѣльческаго класса Англіи въ началѣ XVIII-го в. состояло изъ мелкихъ хозяевъ, обработывавшихъ землю при помощи собственныхъ семей. Между тѣмъ, ко второй половинѣ столѣтія этотъ обширный классъ разсѣялся, лишился земли и исчезъ. А. Юнгъ въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка отзывается о классѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, какъ о совершенно погибшемъ въ Англіи. «Человѣкъ, не знающій исторіи Англіи,—говоритъ Тойнби,—можетъ подумать, что въ этой странѣ произошла въ XVIII-мъ вѣкѣ какая-нибудь истребительная война или насильственный соціальный переворотъ, который отнялъ собственность у однихъ и передалъ ее другимъ». Но ничего подобнаго не было. Переворотъ, одинъ изъ самыхъ крутыхъ, какіе когда-либо наблюдались въ исторіи, совершился незамѣтно для современниковъ; они схватились и стали разсуждать объ его послѣдствіяхъ уже тогда, когда онъ окончился и когда вернуть прошлаго было нельзя. Интересно прослѣдить, какъ произошла и чѣмъ объясняется эта совершившаяся перемѣна.

Исчезновеніе мелкихъ независимыхъ собственниковъ произошло подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, которыя дѣйствовали и раньше; но всѣ онѣ, вслѣдствіе стеченія постороннихъ историческихъ обстоятельствъ и совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ факторовъ заразъ, проявили себя съ гораздо большею степенью интенсивности, чѣмъ прежде.

На первомъ мѣстѣ стояло огораживаніе общинныхъ угодій. Огораживанія, какъ было указано выше, происходили съ давнихъ поръ и

---

1) Toynbee, 60. Ср. Macaulay, T. I, ch. III

особенно усилились съ XVI вѣка подъ вліяніемъ спроса на шерсть; но въ XVI и XVII вѣкахъ эта причина замѣтнымъ образомъ оказала свое дѣйствіе лишь въ тѣхъ округахъ (Кентѣ, Эссексѣ, Суффолкѣ и др.), гдѣ были сильно развиты шерстяныя мануфактуры [1]); въ прочихъ же частяхъ страны, какъ и прежде, значительная и даже большая часть находилась подъ общинными угодьями. Эти угодья эксплуатировались, по описаніямъ современниковъ, почти такъ же, какъ нынѣшнія крестьянскія общинныя земли въ большинствѣ трехпольной Россіи: то же дѣленіе на три поля, съ полосками у каждаго общинника въ каждомъ изъ полей, тотъ же паръ на одномъ изъ трехъ полей, то же общее пользованіе лугомъ съ ежегодными передѣлами, та же общая пастьба скота на выгонахъ и на лугахъ послѣ снятія травы. Но въ началѣ XVIII вѣка огораживаніе пошло уже гораздо быстрѣе, хотя и въ это время его движеніе было незначительно по сравненію съ концомъ столѣтія и съ XIX вѣкомъ: въ теченіе пятидесяти лѣтъ между 1790 и 1760 г. было огорожено около 335.000 акровъ [2]). Поводами къ огораживанію, кромѣ указанныхъ ранѣе интересовъ владѣльца, выставлялись сельско-хозяйственныя соображенія. По общему отзыву агрономовъ хозяйство на общинныхъ земляхъ велось очень плохо: ничтожные урожаи, плохіе естественные луга и пастбища; жалкій скотъ;—вотъ, по словамъ А. Юнга, обычные признаки общиннаго хозяйства. Между тѣмъ, съ начала XVIII столѣтія Англія уже быстро шла по пути земледѣльческихъ усовершенствованій. Въ 1645 году былъ введенъ въ Англіи клеверъ сэромъ Ричардомъ Вестономъ, а около того же времени появился впервые турнепсъ, или кормовая рѣпа; во второй половинѣ XVIII столѣтія, въ эпоху путешествій Юнга, воздѣлываніе турнепса было обычнымъ дѣломъ на всемъ югѣ Англіи, а разведеніе клевера, «великаго клевера», какъ выражаются современники, было всеобщимъ на сѣверѣ Англіи [3]). Вводить эти сдѣлавшіяся обычными усовершенствованія было трудно на общинныхъ поляхъ, чѣмъ и объясняется недоброжелательство къ общинному владѣнію со стороны лучшихъ агрономовъ того времени. Конечно, если бы государство или общество своевременно приняли мѣры къ тому, чтобы облегчить общинамъ приспособленіе къ новымъ требованіямъ, то переходъ къ новымъ агрономическимъ порядкамъ совершился бы, быть можетъ, безъ ломки привычной формы пользованія землею; но государственная власть, находившаяся въ рукахъ крупнаго землевладѣльческаго класса, была безучастна къ происходившему перевороту и даже косвенно поощряла его. Результатомъ было исчезновеніе мелкаго крестьянства.

---

[1]) Toynbee, 41. [2]) Toynbee, 39. [3]) Toynbee, 43.

Конечно, огораживаніе общинныхъ земель само по себѣ еще не подразумѣвало непремѣннаго уничтоженія мелкихъ землевладѣльцевъ, но силою вещей рано или поздно оно приводило къ такому результату. Крестьянину съ мелкимъ участкомъ, послѣ разверстанія общинныхъ угодій, было мудрено вести свое хозяйство, и стоило ему попасть въ затрудненіе, какъ поневолѣ приходилось продавать участокъ. Къ тому же естественно приводило стремленіе собственника обезпечить дѣтей послѣ своей смерти, для чего приходилось или дробить участки или обременять наслѣдника долгами для выплаты долей братьямъ и сестрамъ, неполучившимъ наслѣдства. Такъ какъ въ Англіи, вслѣдствіе дороговизны формальнаго укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества, титулы собственности были крайне запутаны, то крестьянинъ, имѣя надобность прибѣгнуть къ займу, вынужденъ былъ платить огромные проценты, которые вели его къ разоренію [1]). Притомъ же, одновременно съ отнятіемъ права пользованія разверстанными общинными полями, у мелкихъ земледѣльцевъ уходили изъ рукъ и дополнительные заработки, облегчавшіе въ прежнее время существованіе небогатаго человѣка. Уничтоженіе кустарныхъ промысловъ и замѣна домашней системы производства мануфактурой, отняли у земледѣльца дополнительный доходъ и обострили кризисъ въ его хозяйствѣ, происшедшій послѣ огораживанія. Въ Кумберландѣ іомены стали исчезать съ тѣхъ поръ, какъ въ крестьянскихъ дворахъ стала выводиться самопрялка. Сокращеніе домашней выдѣлки сукна въ значительной степени содѣйствовало исчезновенію самостоятельныхъ крестьянъ въ Кентѣ [2]). Кромѣ того, съ упадкомъ мелкихъ городовъ, составлявшимъ слѣдствіе начинавшейся концентраціи промышленности, мелкіе земледѣльцы потеряли привычный рынокъ, такъ какъ плохое состояніе путей сообщенія лишало ихъ возможности искать далекаго сбыта.

Въ то время, какъ у мелкаго землевладѣльца открылась возможность и умножились поводы къ отчужденію своихъ участковъ, появился сильнѣйшій спросъ на землю. Со времени революціи 1688 года во главѣ правленія Англіи стала поземельная аристократія; въ ея руки попала какъ общегосударственная власть, такъ и мѣстное управленіе; земля сдѣлалась источникомъ и политическихъ правъ и общественнаго положенія и поэтому, естественно, составляла предметъ всеобщихъ желаній. Особенно жадно стремились къ землѣ въ началѣ столѣтія купцы, сильно богатѣвшіе подъ вліяніемъ расширенія торговыхъ оборотовъ и перемѣнъ въ строѣ мануфактурной промышленности [3]). Для купца, нажившаго со-

---

[1]) Encyclopaedia Britannica vol. XIV. 265. [2]) Toynbee, 65. [3]) Gibbins, Industrial History of England, 115.

стояніе на заграничной торговлѣ или шерстяной мануфактурѣ, единственнымъ способомъ добиться политической власти и общественнаго вліянія было обзаведеніе земельными участками, которые и пріобрѣтались всяческими средствами. Множество знаменитыхъ впослѣдствіи членовъ англійской поземельной аристократіи вступило въ ея составъ въ XVIII в. изъ числа коммерческихъ знаменитостей чрезъ покупку земли [1]). Замѣтимъ, кстати, что такое присоединеніе новыхъ элементовъ къ прежней родовой знати еще болѣе усилило могущество поземельной аристократіи въ Англіи и обусловило совершенно иную судьбу послѣдней по сравненію съ постепенно бѣднѣвшимъ родовымъ дворянствомъ Франціи.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго совпаденія обстоятельствъ мелкому землевладѣльцу мудрено было устоять противъ соблазна поправить въ трудную минуту свои дѣла при помощи продажи участка. Агентъ сосѣдняго землевладѣльца или купца, желавшаго обзавестись землею, зорко слѣдилъ за положеніемъ крестьянина-собственника и въ затруднительную минуту немедленно являлся къ нему съ выгодными предложеніями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда крупному землевладѣльцу приходилось имѣть дѣло съ неподатливыми сосѣдями, дѣло улаживалось нерѣдко съ помощью хитрости и насилія. Управляющій заводилъ процессы, которые обезцѣнивали участокъ фригольдера и побуждали его разстаться съ своей землей. Иногда мелкій землевладѣлецъ нарочно опутывался долгами, которые приводили къ отчужденію имѣнія. Но и кромѣ такихъ искусственныхъ мѣръ существовало не мало естественныхъ, чисто хозяйственныхъ причинъ, заставлявшихъ іомена уступать свою землю. Мелкія фермы, ведшія исключительно зерновое хозяйство по старому образцу, перестали окупать издержки въ ту эпоху быстро идущаго впередъ земледѣльческаго прогресса [2]). Крестьянскій участокъ не приносилъ почти никакого дохода, а, между тѣмъ, въ рукахъ крупнаго владѣльца, который примѣнялъ къ нему улучшенный сѣвооборотъ, сильное удобреніе и болѣе совершенную обработку, онъ давалъ вдвое большую ренту. Понятно поэтому, что помѣщику было выгодно предлагать мелкому землевладѣльцу за его участокъ такую цѣну, передъ которой послѣдній не могъ устоять.

Между тѣмъ, какъ подъ совокупнымъ вліяніемъ изложенныхъ многочисленныхъ причинъ мелкіе землевладѣльцы съ каждымъ годомъ съ каждымъ поколѣніемъ теряли часть земли, находившейся въ ихъ распоряженіи, крупные лендлорды, стягивавшіе эти земли, позаботились о томъ, чтобы разъ попавшіе къ нимъ участки уже не могли выйти изъ ихъ рукъ.

---

[1]) Toynbee, 63.

[2]) Яркую картину земледѣльческихъ усовершенствованій въ XVIII в. можно найти у T. Rogers, Eight chapters on the history of Work and Wages, 120 и д.

Система заповѣдныхъ имѣній (entails) была введена еще статутомъ Эдуарда I, но вскорѣ была поколеблена судами. Впослѣдствіи была придумана система пожизненныхъ владѣній, которая въ связи съ первою и донынѣ служитъ средствомъ къ охраненію недѣлимости крупныхъ имѣній. Правило закона состоитъ въ томъ, что всѣ лица, находящіяся въ живыхъ въ моментъ установленія заповѣдности, могутъ быть ограничены въ своихъ правахъ на землю чрезъ предоставленіе имъ лишь пожизненнаго пользованія съ отнятіемъ права отчуждать имѣніе. Такимъ путемъ сынъ, который наслѣдуетъ отцу, находится въ положеніи пожизненнаго владѣльца и обыкновенно ставитъ своего сына въ такія же условія. Этотъ процессъ, повторяясь отъ поколѣнія въ поколѣніе, установилъ на практикѣ въ Англіи систему заповѣдности, хотя суды упорно отвергали ее, какъ противную общественному благу. Подобные же законы были введены въ Шотландіи и, какъ получившіе начало позднѣе, предоставляли собственнику болѣе неограниченныя права; начиная съ 1680 года, земля могла быть тамъ свободно передаваема цѣлому ряду послѣдующихъ поколѣній лишь въ пожизненное владѣніе. Изложенная система, господствовавшая въ Англіи въ теченіе многихъ столѣтій, объясняетъ, почему крупныя владѣнія постепенно поглощали мелкіе участки іоменовъ.

Какъ скоро тѣми или иными способами удавалось присоединить владѣнія мелкихъ іоменовъ, послѣднія немедленно превращались въ крупныя фермы, и на нихъ заводилось усовершенствованное земледѣльческое хозяйство. Вмѣсто мелкихъ фермъ отъ 40 до 100 акровъ, которыми была покрыта Англія въ началѣ XVIII в.,—фермъ съ исключительными зерновыми посѣвами, съ плохими глинобитными постройками, покрытыхъ на большей части площади болотами, заводились хозяйства отъ 100 до 500 акровъ, съ плодоперемѣннымъ сѣвооборотомъ, съ солидными зданіями, превосходнымъ скотомъ и усовершенствованными орудіями. Зрѣлище этой перемѣны, бросавшейся въ глаза всякому наблюдателю, располагало многихъ прославлять совершавшуюся перемѣну, какъ великій прогрессъ націи. Но уже въ то время находились люди, которые ясно видѣли оборотную сторону медали. Извѣстный ученый конца XVIII в., докторъ Прайсъ, говоритъ: «Такъ какъ страна переходитъ въ руки немногихъ крупныхъ фермеровъ, то мелкіе самостоятельные земледѣльцы, которые раньше содержали себя и семьи продуктами земли, ими же самими обработанной, и не имѣли надобности покупать что-либо для своего пропитанія, превращаются теперь въ людей, вынужденныхъ добывать средства существованія работою на другихъ и итти на рынокъ за всѣмъ, что имъ нужно». «Конечно,— продолжаетъ Прайсъ,—вслѣдствіе концентраціи фермъ выростутъ города и мануфактуры, такъ какъ нужда будетъ гнать къ

нимъ больше людей, ищущихъ занятій»; но вообще, по словамъ его, происшедшая перемѣна ухудшила почти со всѣхъ сторонъ положеніе низшаго класса, низвела мелкихъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ въ положеніе поденщиковъ и наемныхъ рабочихъ, и въ то же время для этихъ послѣднихъ затруднила заработокъ [1]).

Такъ совершилось обезземеленіе англійскихъ іоменовъ и превращеніе ихъ въ наемныхъ рабочихъ для крупныхъ фермъ. Въ англійскомъ земледѣліи на мѣсто прежнихъ мелкихъ земледѣльцевъ, которые были одновременно и землевладѣльцами, и капиталистами, и рабочими, появилось три раздѣльныхъ класса: крупный землевладѣлецъ, — лендлордъ, который довольствовался полученіемъ ренты, но самъ не велъ сельскаго хозяйства, какъ промысла, а занимался имъ только для удовольствія; крупный фермеръ—капиталистъ, который собственно являлся предпринимателемъ и главнымъ дѣятелемъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, и, наконецъ, наемный рабочій, прилагавшій свою силу по указанію и подъ надзоромъ фермера. Этотъ новый оригинальный строй земледѣльческаго хозяйства неуклонно предносился авторамъ первыхъ научныхъ системъ политической экономіи и наложилъ неизгладимую печать на ихъ построенія.

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ОБРАБОТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Выше были отмѣчены разнообразныя вліянія, вызвавшія разрушеніе средневѣкового строя и переходъ къ новому времени. Изъ этихъ вліяній на первомъ мѣстѣ по значенію для хозяйства нужно поставить расширеніе мѣновыхъ сношеній и переворотъ въ цѣнахъ, вызванный въ XVI в. наплывомъ золота въ Европу. Уже было изложено, какимъ преобразованіямъ, подъ вліяніемъ преимущественно двухъ указанныхъ причинъ, подверглось сельское хозяйство и бытъ сельскаго населенія въ Англіи. Еще болѣе рѣзкія измѣненія внесены означенными причинами въ обрабатывающую промышленность и положеніе занятаго ею городского люда. Раньше были подробно указаны характеристическія черты средневѣкового ремесла и цехового устройства. Мы видѣли, что ремесленникъ приготовлялъ простыя издѣлія преимущественно на заказъ или близкій сбытъ, при помощи простыхъ, большею частью ручныхъ орудій труда, вслѣдствіе чего на первомъ планѣ въ ремеслѣ стоялъ трудъ, а не капиталъ. Въ ремесленномъ періодѣ нѣтъ строгаго дѣленія между предпринимателемъ и рабочимъ, такъ какъ мастеръ самъ принималъ участіе въ испол-

[1]) K. Marx. Das Kapital. I. 756.

нительныхъ работахъ, и каждый подмастерье или ученикъ, при ограниченности потребнаго капитала, всегда могъ надѣяться сдѣлаться мастеромъ. Цеховая организація строго охраняла эти особенности ремесленнаго производства, всѣми мѣрами предупреждая усиленіе роли капитала и превращеніе мастера въ предпринимателя. Цеховое законодательство достигало этой цѣли посредствомъ всесторонняго контроля надъ веденіемъ промысловъ и регулированія условій производства, сбыта и цѣнъ.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ стройное зданіе средневѣкового ремесленнаго производства стало расшатываться со всѣхъ сторонъ. Первый толчекъ данъ былъ перемѣнами, происшедшими въ самой техникѣ ремесленнаго производства. Ремесла съ теченіемъ времени все больше и больше начинаютъ специализироваться. Операціи, первоначально соединенныя въ одномъ предпріятіи, начинаютъ раздѣляться между нѣсколькими самостоятельными ремеслами. Тогда какъ въ раннее время въ Англіи кожевникъ былъ въ то же время и сапожникомъ, а суконщикъ выполнялъ всѣ операціи дѣла, начиная отъ пряденія шерсти и кончая окраской готоваго сукна, къ концу среднихъ вѣковъ, именно въ срединѣ XV в., кожевенное производство отдѣляется отъ сапожнаго, а по суконному дѣлу упоминается какъ спеціальныя отрасли: чесальщикъ, прядильщикъ, ткачъ, валяльщикъ, стригачъ и красильщикъ. Подобное же дѣленіе функцій замѣчается въ XIV и, особенно, въ XV в. и въ другихъ отрасляхъ промышленности [1]).

Благодаря дробленію производства, ускорился оборотъ занятаго въ немъ капитала, вслѣдствіе чего ремесленникъ, при томъ же размѣрѣ капитала, какимъ онъ владѣлъ прежде, получилъ возможность вести свое дѣло въ болѣе широкомъ размѣрѣ. Въ XV и XVI столѣтіи существуетъ цѣлый рядъ законовъ, которые стремятся противодѣйствовать расширенію ремесленныхъ предпріятій. Однако же изъ этихъ законовъ видно, что ремесленное производство начало вестись въ большихъ размѣрахъ, нежели въ эпоху процвѣтанія цеховыхъ порядковъ. Тогда какъ въ цвѣтущую пору цеховъ ремесленникъ не могъ держать больше 2—3 подмастерьевъ, какъ, напримѣръ, установляетъ Liber albus Лондона, законъ Генриха VIII въ первой половинѣ XVI в. запрещаетъ Оксфордскимъ ремесленникамъ держать больше 10 подмастерьевъ [2]).

Еще важнѣе для судебъ ремесленнаго производства была другого рода дифференціація, происходившая въ его средѣ. Въ цвѣтущую эпоху ремесла производство товаровъ и сбытъ ихъ обыкновенно сливались въ одномъ лицѣ. Ремесленникъ, какъ общее правило, обыкновенно самъ и

---

[1]) Ochenkowski, 106, 107. [2]) Ochenkowski, 109, 110.

сбывалъ собственныя издѣлія, и цеховые статуты строго оберегали это соединеніе функцій. Цеховые регламенты своими постановленіями о порядкѣ сбыта, своими таксами на всѣ товары всячески противодѣйствовали превращенію ремесленника въ торговца. Но съ теченіемъ времени торговая операція начинаетъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Такое значеніе раньше всего проявляется въ промыслахъ, изготовлявшихъ предметы для отдаленнаго сбыта, каково, напримѣръ, въ Англіи производство кожъ и шерстяныхъ издѣлій, которыя съ раннихъ поръ начинаютъ вывозиться за границу. Ремесленникъ, которому удалось пріобрѣсти знакомство на отдаленныхъ рынкахъ, получалъ перевѣсъ надъ прочими и, естественно, сосредоточивалъ свое вниманіе по преимуществу на той отрасли дѣла, которая обезпечивала ему большія выгоды [1]).

Кромѣ отдѣльныхъ предпринимателей, такое болѣе выгодное положеніе пріобрѣтали и цѣлыя отрасли раздробившихся ремеслъ. Тѣ изъ дифференцированныхъ ремеслъ, которыя производили уже готовые продукты и, слѣдовательно, состояли въ прямыхъ сношеніяхъ съ рынкомъ, получили преобладаніе надъ ремеслами, только подготовлявшими матеріалъ. Такъ, напримѣръ, въ суконномъ промыслѣ прядильщики, валяльщики и даже ткачи стали занимать по отношенію къ отдѣлывателямъ и красильщикамъ сукна подчиненное, второстепенное положеніе [2]). Такъ, въ Лондонѣ выдвинулись надъ всѣми прочими 12 ремесленныхъ гильдій, въ число которыхъ входили представители ремеслъ, занимавшихся по преимуществу торговлей. Эти, такъ называемыя «ливрейныя компаніи» (по особому покрою платья, усвоеннаго ихъ членами), захватили въ свои руки власть въ городскомъ совѣтѣ и пріобрѣли господство надъ своими собратьями. Ремесленники, подготовлявшіе матеріалы, стояли сравнительно ниже въ общественной іерархіи: они называются служителями (servingmen) высшаго промысла. Повидимому, они даже находились какъ бы въ нѣкоторомъ подчиненіи послѣднимъ, такъ какъ уплачивали въ ихъ пользу сборы. Такъ, напримѣръ, дубильщики кожъ, обязаны были подготовлять матеріалы и сбывать ихъ только лондонскимъ кожевникамъ [3]).

Выгоды ремесленниковъ, производившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ торговлю, привели современемъ къ полному спеціализированію торговой операціи. Появился особый классъ торговцевъ, который сталъ посредникомъ между ремесленникомъ и потребителемъ его издѣлій. Такое выдѣленіе обусловливалось постепеннымъ расширеніемъ границъ обмѣна. Для сбыта товаровъ на отдаленныхъ рынкахъ требовалось столько спеціальныхъ знаній, связей и хлопотъ, что простому ремесленнику заниматься сбытомъ сдѣла-

---

[1]) Cunningham, 246—248. [2]) Cunningham, 212. [3]) Ochenkowski, 113—114.

лось не подъ силу, и онъ охотно уступалъ эту функцію явившемуся посреднику, который самъ пересталъ уже заниматься ремесломъ. По мѣрѣ того, какъ развивается товарный характеръ промысла и мѣсто потребленія ремесленныхъ издѣлій отодвигается отъ пунктовъ ихъ производства, растетъ и участіе скупщика. Сначала онъ является случайнымъ покупателемъ, потомъ, на ряду съ потребителемъ, становится постояннымъ участникомъ торга, затѣмъ почти вовсе оттѣсняетъ потребителя, пока, наконецъ, не сдѣлается единственнымъ лицомъ, имѣющимъ сношенія съ ремесленниками. Вмѣстѣ съ указаннымъ измѣненіемъ формы сбыта растетъ роль самого скупщика. На первыхъ порахъ онъ торгуетъ на равныхъ правахъ съ прочими потребителями и пріобрѣтаетъ издѣлія по обыкновенной рыночной цѣнѣ. Но съ расширеніемъ района сбыта и вмѣстѣ съ тѣмъ съ удлиненіемъ періода, проходящаго между производствомъ товара и доставкой его къ потребителю, является необходимость займа у скупщика, создающая зависимость должника отъ кредитора. Эта зависимость начинается съ пріобрѣтенія въ долгъ матеріаловъ, которое влечетъ за собой обязательство продавать готовыя издѣлія кредитору. Дальше—посредникъ является уже участникомъ въ производствѣ; ему принадлежитъ матеріалъ, а кустарю только орудія труда. Такимъ путемъ мы переходимъ къ новой формѣ промышленности—къ домашней системѣ крупнаго производства. Въ домашней системѣ производства есть тоже мелкіе мастера съ учениками и подмастерьями или безъ нихъ; эти мастера работаютъ въ собственныхъ помѣщеніяхъ и являются собственниками орудій. Но они не покупаютъ сырыхъ матеріаловъ и не сбываютъ продуктовъ сами потребителямъ. Матеріалы доставляетъ капиталистъ-торговецъ, который выплачиваетъ мастеру договоренное напередъ вознагражденіе за переработку доставляемаго ему сырья и которому принадлежитъ выработанный продуктъ. Такъ называемый мастеръ еще остается господиномъ въ своемъ дѣлѣ, сохраняетъ свободу въ распредѣленіи времени и самостоятельно распоряжается техникой производства; но онъ продаетъ уже не продуктъ на рынкѣ, а свою рабочую силу извѣстному хозяину. Появленіе домашней промышленности уже есть признакъ возникновенія крупнаго капитала. На этой ступени крупный капиталъ, т.-е. группа богатыхъ торговцевъ, отдѣляется отъ технической работы и выступаетъ въ промышленной жизни, какъ самостоятельная господствующая сила. Это усиленіе крупнаго капитала въ формѣ домашней системы производства является важнѣйшимъ моментомъ для возникновенія современной организаціи промышленности вопреки прежнему мнѣнію, которое утверждало, что современная форма производства явилась лишь съ изобрѣтеніемъ машинъ; изобрѣтеніе ма-

шинъ было въ сущности лишь второстепеннымъ актомъ, а первымъ было появленіе крупнаго торговаго капитала[1]). Домашнее производство представляетъ собой уже крупную форму промышленности, съ тѣмъ только различіемъ, что работники сосредоточены не въ одной мастерской, а въ нѣсколькихъ десяткахъ и сотняхъ мастерскихъ. Это появленіе крупнаго капитала въ роли организатора въ обрабатывающей промышленности представляетъ собой моментъ, съ котораго начинается роль крупной промышленности.

Появленіе торговцевъ, которые не вели самостоятельнаго ремесла, влекло за собою многочисленныя жалобы; понятно, насколько эти жалобы должны были усилиться, когда торговецъ вступилъ въ роль предпринимателя и началъ господствовать надъ ремесленниками. Историкъ Фраудъ приводитъ любопытную петицію, поступившую въ парламентъ отъ шерстяныхъ ткачей въ царствованіе Филиппа и Маріи (1555). Они жаловались, что многіе богатые торговцы шерстяными матеріями сильно притѣсняютъ ихъ, что они сами содержатъ помногу ткацкихъ станковъ, для которыхъ нанимаютъ за дешевую цѣну неискусныхъ поденщиковъ, что отъ этого достоинство тканей проигрываетъ, а они, ткачи, разоряются. Уже множество небогатыхъ ремесленниковъ, по словамъ прошенія, занимавшихся ткачествомъ съ своими семействами, въ настоящее время приведены въ невозможность продолжать свое занятіе, благодаря возросшей конкуренціи большихъ капиталистовъ. Эти послѣдніе отдаютъ станки въ наемъ и притомъ за такую неразумную плату (unreasonable rents), что тѣ не могутъ за свой трудъ содержать даже себя, не говоря о женахъ и дѣтяхъ. Наконецъ, все это, вмѣстѣ съ уменьшенной заработной платой, ставитъ въ опасность самое существованіе промышленности, такъ какъ многіе начинаютъ покидать ихъ занятіе и переходить къ другому дѣлу. На этомъ основаніи ткачи ходатайствовали передъ парламентомъ о законодательномъ вмѣшательствѣ; они просили издать актъ, запрещающій какому бы то ни было лицу держать или отдавать въ наемъ болѣе, чѣмъ одинъ ткацкій станокъ внѣ городовъ и два станка въ чертѣ ихъ; нарушившій этотъ законъ долженъ подвергаться штрафу по 20 шиллинговъ въ недѣлю за каждый лишній станокъ[2]).

Мы изложили глубокое преобразованіе, которое совершилось въ характерѣ средневѣкового ремесленнаго производства, и показали, какимъ путемъ самостоятельный ремесленникъ превратился, въ сущности, въ работника, подчиненнаго торговцу-предпринимателю, хотя и сохранив-

---

[1]) A. Held. Zwei Bücher der socialen Geschichte England 547 и далѣе.

[2]) Froude, History of England I, 35. Цит. по Янжулу. Англійская свободная торговля, I, 15.

шаго внѣшній видъ прежней самостоятельности. Одновременно съ этой перемѣной произошли глубокія преобразованія въ самомъ строѣ ремесленно-цеховой организаціи, которыя отчасти обусловили предшествовавшую перемѣну, отчасти были вызваны ею.

До половины XIV-го в. въ средѣ ремесленниковъ не было класса рабочихъ, обособленнаго отъ мастеровъ. Ученики послѣ окончанія срока ученья прямо становились мастерами, что, какъ мы имѣли случай говорить раньше, облегчалось малымъ размѣромъ требуемаго капитала. Такіе случаи, когда человѣкъ, вышедшій изъ ученичества, не имѣлъ возможности сдѣлаться самостоятельнымъ мастеромъ и долженъ былъ поступать за плату въ подмастерья, были сравнительно рѣдки, а если встрѣчались, то каждый подмастерье непремѣнно разсчитывалъ черезъ недолгій промежутокъ времени сдѣлаться самостоятельнымъ мастеромъ. Цехи въ тѣ времена еще не были замкнуты, такъ какъ не существовало ни ограниченія числа мастеровъ, ни какихъ-либо стѣсненій къ пріобрѣтенію званія мастера. Поэтому у подмастерьевъ, какъ будущихъ мастеровъ, не было относительно этихъ послѣднихъ какой-либо постоянной противоположности интересовъ. Споры бывали, конечно, во всѣ времена, но они не приводили къ какому-либо серьезному антагонизму классовъ.

Однако, со второй половины XIV-го в. начинаютъ проявляться признаки перемѣны. По мѣрѣ того, какъ цеховыя ремесла достигали процвѣтанія, они привлекали къ себѣ все въ большей и въ большей степени рабочія руки со стороны, преимущественно изъ деревень, благодаря освобожденію крѣпостныхъ. Этимъ притокомъ новыхъ силъ создался избытокъ рабочихъ рукъ. Такъ какъ каждый рабочій, пройдя установленныя стадіи цеховой подготовки, могъ сдѣлаться мастеромъ и, слѣдовательно, явиться конкурентомъ прежнимъ мастерамъ, то у этихъ послѣднихъ стало являться стремленіе оградить себя отъ соперничества. Широкія полномочія, которыхъ цеховымъ ремесленникамъ послѣ долгой борьбы съ первоначальными гражданами удалось добиться въ городовомъ управленіи, давали возможность вводить въ законъ постановленія, затруднявшія для учениковъ и подмастерій переходъ въ званіе мастеровъ и тѣмъ создавшія для послѣднихъ выгодную монополію. Постепенно на мѣсто прежняго единственнаго требованія отъ будущаго мастера—искусства въ ремеслѣ и безукоризненной нравственности — стали выступать зажиточность и семейныя связи. Высокая плата за ученье, длинное время ученичества, а на континентѣ даже обязательный періодъ нахожденія въ подмастерьяхъ, обязательное странствованіе подмастерьевъ, дорогія пробныя работы, цѣнныя угощенія мастеровъ при пріемѣ въ цехъ,—

все это были разнообразныя условія, имѣвшія то общее свойство, что они крайне затрудняли вступленіе новыхъ лицъ въ цехъ. Впослѣдствіи дѣло прошло еще дальше: кандидатъ въ мастера долженъ былъ выдержать испытаніе относительно благородства своихъ предковъ и, кромѣ того, такъ какъ мастеръ, основывая собственное хозяйство, обыкновенно вступалъ въ бракъ, то долженъ былъ указать цеху, кто его невѣста, и у этой невѣсты также изслѣдовалось цехомъ благородство происхожденія. Все это давало поводъ ко всевозможнымъ несправедливостямъ. Если подмастерье намѣчалъ себѣ для женитьбы дочь или вдову мастера, то цехъ оказывалъ ему всяческое покровительство; сыновей мастеровъ цехъ освобождалъ по большей части отъ странствованій и отъ прочихъ стѣснительныхъ условій къ достиженію званія мастера [1]).

Подъ вліяніемъ такого направленія подмастерьямъ стало все труднѣе и труднѣе переходить въ мастера, и между ними начало зарождаться сознаніе противоположности ихъ интересовъ съ мастерами. Выраженіемъ такой противоположности является устройство особыхъ братствъ подмастерьевъ, которыя преслѣдовали цѣли, отличныя отъ цеховой организаціи мастеровъ. Братства подмастерій первоначально устроивались для цѣлей совмѣстныхъ богослуженій, общихъ празднествъ, погребенія умершихъ и помощи больнымъ. Пока братства преслѣдовали только эти цѣли, цехи охотно разрѣшали ихъ и даже оказывали имъ покровительство. Но какъ скоро начались изображенныя выше притѣсненія подмастерій, то послѣдніе воспользовались достигнутымъ при помощи братствъ сближеніемъ, чтобы сплотиться и начать борьбу противъ мастеровъ; поэтому отношеніе цеховъ къ братствамъ существенно измѣняется. Уже въ концѣ XIV-го в. раздаются рѣзкія жалобы мастеровъ на то, что подмастерья, подъ предлогомъ соединенія для цѣлей взаимной помощи, пользуются своими братствами для того, чтобы вынуждать поднятіе платы. Вмѣстѣ съ этими жалобами замѣчаются стремленія подавить братства подмастерьевъ. Дѣйствительно, изъ свидѣтельствъ о братствахъ подмастерьевъ видно, что они ведутъ политику, обособленную отъ интересовъ мастеровъ. Они стремятся всѣми мѣрами охранить честь своего класса противъ произвола и насилія, выработать особое право подмастерій и для поддержки этого права стремятся къ пріобрѣтенію законнаго мѣста въ цеховомъ управленіи и ремесленномъ судѣ. Особеннымъ предметомъ ихъ заботъ и служитъ пріобрѣтеніе вліянія на условія работы у мастеровъ, главнымъ образомъ, на регулированіе заработной

---

[1]) L. Brentano, въ Schonbergs, Handbuch der politischen Oeconomie, I, 908, 909.

платы. Съ цѣлью ослабить зависимость высоты вознагражденія отъ произвола отдѣльнаго мастера, братства принимали на себя посредничество въ отысканіи мѣстъ для подмастерій: вновь прибывающимъ находили работу, а тѣмъ, кто не находилъ на мѣстѣ приложенія своему труду, давали средства для выселенія и водворенія на другомъ мѣстѣ. Чтобы достигнуть своихъ цѣлей по обезпеченію платы и поддержанію чести своихъ сочленовъ, союзы подмастерьевъ уже въ средніе вѣка нерѣдко практиковали средство, которое такъ широко примѣняется рабочими въ наши дни, именно — стачки. Брентано указываетъ, что въ промыслахъ, гдѣ особенно великъ былъ численный составъ подмастерій по сравненію съ мастерами, именно—въ строительномъ и шерстяномъ промыслахъ, во второй половинѣ XIV-го в. встрѣчаются стачки подмастерій съ общей пріостановкой работы, которыя отличаются отъ стачекъ XIX-го в. только по времени. Чтобы предупредить повтореніе такихъ стачекъ, цеховые совѣты часто напоминали мастерамъ о необходимости болѣе справедливаго отношенія къ своимъ рабочимъ, а этимъ послѣднимъ представляли возможнымъ жаловаться на мастеровъ бургомистру и членамъ городскаго совѣта [1]). Такимъ образомъ, къ концу среднихъ вѣковъ въ средѣ прежняго нераздѣльнаго ремесленнаго класса начинаютъ зарождаться противоположность и борьба между предпринимателями и простыми представителями рабочей силы,—борьба, которая современемъ повела къ разложенію цеховаго порядка и къ основанію новаго промышленнаго строя.

Кромѣ возникновенія противоположности интересовъ въ предѣлахъ цеховой организаціи, внутри послѣдней обнаруживаются еще другія перемѣны, которыя должны были неизбѣжно повести къ ея разложенію. Такою перемѣной было постепенно усиливающееся дробленіе цеховъ. Въ болѣе раннюю эпоху не только ремесленники, ведущіе однородный промыселъ, входили въ составъ цеха, но въ одинъ же цехъ часто соединялись представители многихъ родственныхъ отраслей занятій. Такъ, напримѣръ, въ Страсбургѣ въ одинъ и тотъ же цехъ входили дубильщики, кожевники, башмачники; къ цеху кузнецовъ вначалѣ принадлежали представители всѣхъ возможныхъ работъ надъ металлами. Но уже въ средніе вѣка изготовители подковъ стали выдѣляться отъ оружейниковъ, оружейники—отъ ножевщиковъ, слесарей и гвоздарей; впослѣдствіи оружейники въ свою очередь раздѣлялись на шлемовщиковъ, щитовщиковъ, броневщиковъ, панцырниковъ и т. д. Однако, статуты не въ состояніи были предупредить столкновеній; споры доходили до судовъ,

---

[1]) L. Brentano, тамъ же, 910—911. Ср. Brentano, Arbeitergilden I, 75 и далѣе.

но еще чаще рѣшались при помощи кровавыхъ свалокъ [1]). Такимъ образомъ, къ борьбѣ внутри цеховыхъ предпріятій присоединялись еще непрерывныя столкновенія между безчисленными самостоятельными цехами.

Мы видѣли, что цеховая организація пришла къ разложенію во всѣхъ своихъ составныхъ элементахъ; между тѣмъ, она налагала на членовъ разнообразные сборы и ограниченія, которые, при исчезновеніи прежняго цеховаго духа, представлялись все болѣе и болѣе стѣснительными. Это было причиной постепеннаго перенесенія промышленности изъ городовъ въ деревни. Раньше главные промыслы, напримѣръ, обработка шерсти, сосредоточивались въ городахъ и въ ярмарочныхъ центрахъ; цеховое право строго заботилось, чтобы ремесла не выходили за предѣлы городской черты. Но такъ какъ въ городахъ промышленность была окружена разными регуляціями, то торговцы, пріобрѣтшіе власть надъ ремеслами, стали стараться переводить ихъ въ сельскіе округа, гдѣ они могли избѣжать цеховыхъ стѣсненій, и потому обезпечить для себя болѣе дешевое производство товаровъ. Уже то одно, что на деревни не распространялись цеховыя ограниченія числа рабочихъ часовъ, количества подмастерій и т. п., располагали богатѣющихъ торговцевъ стремиться по преимуществу въ деревни. Такимъ образомъ, начиная съ XVII вѣка, стало происходить въ Англіи огромное перемѣщеніе промышленности въ новые пункты.

Въ первое время послѣ перемѣщенія промышленность еще сохраняетъ прежній характеръ. Это—тѣ же мелкіе мастера, только переселившіеся въ деревни и освободившіеся отъ стѣсненій цехового права. Въ путешествіи Дефо (Defoe), совершенномъ въ первой четверти XVII в. и вышедшемъ въ свѣтъ въ 1725 году, содержится интересная картина мелкихъ деревенскихъ ткачей сукна въ окрестностяхъ Галифакса. Страна въ окрестностяхъ Галифакса раздѣлена была на небольшія земельныя владѣнія отъ 2 до 6—7 акровъ каждое, съ домиками, расположенными въ срединѣ полей. Почти въ каждомъ домѣ велась выдѣлка сукна. Каждый суконщикъ держалъ лошадь, чтобы отвозить свои издѣлія на рынокъ, и одну или двѣ коровы для прокормленія семьи. Дома были переполнены работниками, изъ которыхъ одни ткали, другіе красили, третьи отдѣлывали сукна; женщины и дѣти чесали и пряли шерсть, такъ что всѣ, отъ мала до велика, были заняты работой [2]). Изъ другихъ извѣстій мы узнаемъ, что въ то время существовали особые рынки для сбыта сукна, куда мастера сносили свои продукты; при чемъ сукно изслѣдовалось и измѣрялось мѣстными властями [3]).

---

1) Н. Зиберъ, Д. Рикардо и К. Марксъ, 424 по Мауреру.
2) Toynbee, 53. 3) Brentano, Arbeitergilden, 1, 97.

Однако, изображенный порядокъ около половины столѣтія началъ замѣняться во всѣхъ главныхъ отрасляхъ промышленности домашнею системой производства. Такъ, богатые мастера-суконщики стали покупать иностранную шерсть прямо отъ импортеровъ, а внутреннюю—отъ овцеводовъ, или оптовыхъ торговцевъ, и затѣмъ передавать ее окрестнымъ рабочимъ для передѣлки; эти же послѣдніе должны были возвращать уже выработанный продуктъ. Признакомъ широкаго распространенія домашней промышленности служатъ постоянныя жалобы хозяевъ на утаиваніе матеріала работающими на нихъ мастерами,—жалобы, которыя тянутся въ Англіи въ теченіе всего XVIII столѣтія [1]). Такія жалобы были невозможны ни въ ремесленномъ періодѣ, когда подмастерья работали на глазахъ мастера, ни въ послѣдующее время, когда наемные рабочіе соединялись въ мастерской предпринимателя. Другимъ признакомъ паденія ремесленной организаціи служатъ извѣстія объ употребленіи сельскими мастерами въ дѣло женщинъ и дѣтей, допущеніе которыхъ къ промысламъ строго воспрещалось прежними цеховыми статутами [2]).

Примѣромъ того, какъ водворилась и распространилась домашняя система производства, можетъ служить промышленность Манчестера. Въ окрестностяхъ Манчестера сельскіе ткачи продавали бумажныя ткани мѣстнымъ купцамъ, которые отдѣлывали ихъ и сбывали въ странѣ. Такимъ образомъ, въ первое время производители тканей были еще на степени ремесленниковъ, находясь въ зависимости отъ купцовъ. Однако, оставался одинъ шагъ до того, чтобы купцы начали раздавать ткачамъ матеріалъ; шагъ этотъ и былъ сдѣланъ въ началѣ XVIII вѣка. Въ первый моментъ раздача матеріаловъ произвела большой прогрессъ въ промышленности, такъ какъ купцы имѣли возможность обезпечивать ткачамъ довольно выгодный заработокъ. Отсюда пошло быстрое преобразованіе въ формахъ производства: въ 1736 г. упоминается одинъ предприниматель, который, вмѣстѣ съ братьями, занималъ до 600 станковъ. Сначала продукты сбывались лишь мѣстнымъ потребителямъ, а потомъ явился и заграничный спросъ. Ткачъ не былъ знакомъ съ условіями заграничнаго сбыта и боялся риска отдаленной торговли. Люди, знакомые съ заграничнымъ вывозомъ, снимали съ ткачей рискъ, но за то отнимали у нихъ самостоятельность, обязывая работать только для нихъ [3]).

Слѣдующимъ шагомъ въ процессѣ преобразованія средневѣковыхъ формъ промышленности было возникновеніе мануфактуры. Какъ скоро сельскій ремесленникъ попалъ въ зависимость отъ торговаго пред-

[1]) Held, 559. [2]) Held, 557. [3]) Held, 562, по Aikin.

принимателя по снабженію сырьемъ и сбыту издѣлій и сдѣлался какъ бы его рабочимъ, но трудящимся на дому, было не мудрено уже додуматься до перемѣщенія кустарей въ мастерскую предпринимателя. Основаніемъ для такого перемѣщенія служило удобство надзора за цѣлостью матеріаловъ и техникой производства. Такъ, напримѣръ, манчестерскіе купцы, которые, какъ мы видѣли, раздавали пряжу деревенскимъ ткачамъ, начали затѣмъ заводить мастерскія въ городѣ, гдѣ ставили по 30—40 и больше станковъ. Артуръ Юнгъ въ своихъ путешествіяхъ, совершенныхъ между 1760—1770 г., упоминаетъ о шелковой мануфактурѣ въ Шеффильдѣ, употреблявшей 152 рабочихъ, включая женщинъ и дѣтей; въ Дарлингтонѣ, по его же словамъ, одинъ мануфактуристъ имѣлъ около 50 станковъ. Въ Ноттингемѣ около 1750 г. существовало 50 чулочныхъ мануфактуристовъ, которые въ совокупности употребляли до 1200 станковъ [1]).

Мануфактура представляетъ въ самой техникѣ производства крупныя отличія отъ прежняго порядка. На первыхъ порахъ она есть лишь расширенное ремесло, соединенное подъ одной крышей многихъ мастеровъ; отличіе первой отъ послѣдняго только количественное. Но въ скоромъ времени устройство труда въ мануфактурѣ совершенно преобразовывается: является раздѣленіе занятій. Опытъ показалъ, что трудъ идетъ гораздо успѣшнѣе, если каждый изъ мастеровъ, соединившихся въ мануфактурѣ, сосредоточивается на какой-либо отдѣльной детали дѣла, вмѣсто того, чтобы изготовлять цѣльные продукты. Дробленіе производительныхъ функцій даетъ возможность дифференцировать работниковъ по ихъ силамъ и познаніямъ. Въ ремесленную эпоху рабочій долженъ былъ одинаково подготовиться ко всѣмъ отраслямъ дѣла, откуда вытекала необходимость продолжительнаго обученія; напротивъ, въ мануфактурѣ извѣстныя сложныя операціи поручаются одному классу рабочихъ, а выполненіе простыхъ отраслей труда возлагается на классъ чернорабочихъ. Появленіе класса неученыхъ рабочихъ составляетъ новость мануфактурнаго періода.

Совершившіяся преобразованія въ организаціи промышленности обусловили полную непримѣнимость существовавшихъ ранѣе разнообразныхъ цеховыхъ ограниченій. Къ мануфактурѣ, соединявшей людей обоего пола и всѣхъ возрастовъ, очевидно, были неприложимы цеховыя правила о числѣ мастеровъ и учениковъ, о годахъ ученичества, о порядкѣ производства и сбыта издѣлій. Удаленная въ глубь деревенскихъ округовъ, мануфактура скрывалась отъ глазъ цеховыхъ надзирателей. Цехи утратили способность выполнять и другую прежнюю ихъ

---

[1]) Toynbee. 53, 54

функцію, — установлять, въ видѣ таксъ, справедливую цѣну на товары и на трудъ. Точно вычислять эту справедливую цѣну возможно было только при строго установившемся и неизмѣнявшемся въ теченіе поколѣній порядкѣ производства. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ мануфактурѣ стали чуть не каждый день мѣняться порядки распредѣленія занятій и техническіе пріемы, даже самые ловкіе спеціалисты стали затрудняться вычисленіемъ стоимости издѣлій: одинъ и тотъ же продуктъ производился съ совершенно различными издержками, смотря по тому, было ли введено и какъ далеко пошло въ мануфактурѣ раздѣленіе занятій.

ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РЕФОРМАХЪ ОБМѢНА.

Мы изложили тѣ перемѣны, которыя, подъ вліяніемъ событій, сопровождавшихъ переходъ къ новому времени, произошли въ земледѣльческомъ быту и въ обработывающей промышленности Англіи. Едва ли нужно говорить, что, одновременно съ преобразованіемъ двухъ упомянутыхъ сферъ народно-хозяйственной жизни, послѣдовали крупныя измѣненія въ формахъ обмѣна.

Мы видѣли, что средневѣковое законодательство и господствовавшія въ то время воззрѣнія ставили препятствія къ распространенію всѣхъ прочихъ формъ обмѣна, кромѣ простой мѣны и купли-продажи за наличныя деньги: вражда къ проценту на капиталъ мѣшала примѣненію кредита въ какомъ бы то ни было видѣ. Но и самый наличный обмѣнъ былъ окруженъ множествомъ стѣсненій, налагавшихся съ цѣлію оградить интересы потребителей и ограничить наживу торговцевъ. Однако, первобытныя формы не могли удержаться послѣ того, какъ завязались между отдѣльными европейскими странами обширныя торговыя сношенія, а тѣмъ болѣе послѣ распространенія мѣновыхъ оборотовъ на вновь открытый Новый Совѣтъ.

Первымъ существеннымъ преобразованіемъ въ формѣ мѣновыхъ сношеній нужно считать введеніе въ торговый оборотъ векселей. Происхожденіе векселей восходитъ въ глубь среднихъ вѣковъ. Самый древній вексель, найденный до сихъ поръ, помѣченъ 1207 годомъ, но довольно совершенная его форма заставляетъ думать, что векселя были въ употребленіи уже и раньше. Изобрѣтеніе векселей, приписываемое итальянцамъ, было вызвано своеобразными условіями средневѣковой торговли. Извѣстно, что въ средніе вѣка каждый феодальный владѣлецъ и каждый городъ чеканили свою монету, при чемъ не только часто измѣняли содержаніе въ ней чистаго металла, но сплошь и рядомъ под-

дѣлывали монету, влагая въ нее меньшее количество золота или серебра противъ показаннаго въ ея наименованіи. Нѣкоторые правители, какъ, напримѣръ, Филиппъ Красивый во Франціи и Генрихъ VIII въ Англіи, пріобрѣли себѣ громкую репутацію грандіозными поддѣлками монеты. Эти особенности средневѣкового монетнаго дѣла вызвали появленіе особаго класса мѣнялъ, знатоковъ монетнаго дѣла, которые размѣнивали одинъ родъ монеты на другой. Мѣнялы, разсѣянные по всѣмъ торговымъ пунктамъ, находились между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ. Такъ какъ въ то время путешествія сопряжены были съ опасностью, то у тогдашнихъ торговцевъ мало-по-малу вошло въ обычай не перевозить съ собою деньги, а передавать ихъ мѣстному мѣнялѣ, который, взамѣнъ полученной суммы, снабжалъ торговца письменнымъ порученіемъ къ мѣнялѣ другого города объ уплатѣ предъявителю письма условленнаго количества денегъ. Такое мѣняльное письмо и есть переводный вексель. Подобныя письма, кромѣ перевода платежей, преслѣдовали еще и другую цѣль. Купецъ, бравшій вексель у лондонскаго мѣнялы, уплачивалъ ему англійскою монетою, а по прибытіи, напримѣръ, въ Венецію получалъ мѣстную монету. Выгода торговца при такой операціи заключалась въ томъ, что онъ былъ обезпеченъ въ полученіи дѣйствительной мѣстной и притомъ полноцѣнной монеты, а мѣняла, кромѣ вознагражденія, которое онъ получалъ за переводъ, имѣлъ еще тотъ барышъ, что производилъ свои сдѣлки безъ дорогой и рискованной пересылки денегъ.

Средневѣковые векселя не представляли кредитнаго обязательства въ собственномъ смыслѣ и служили только для перевода денегъ; они не оставались въ обращеніи долѣе того времени, которое требовалось, чтобы дойти до мѣста назначенія. Съ XVI столѣтія входятъ въ обычай векселя на продолжительные сроки, которые даютъ возможность отсрочивать уплату за купленный товаръ, т.-е. покупать товаръ въ кредитъ. Дальнѣйшая стадія въ исторіи вексельныхъ оборотовъ состояла въ томъ, что былъ допущенъ переходъ векселей изъ рукъ въ руки посредствомъ передаточной надписи (въ началѣ XVII столѣтія). Затѣмъ появился учетъ срочныхъ векселей, т.-е. уплата суммы, означенной въ векселѣ до наступленія срока векселя съ вычетомъ извѣстнаго процента въ пользу лица, учитывающаго вексель. Можно представить себѣ, насколько, благодаря употребленію векселей, облегчилось и упростилось веденіе торговли.

Изъ мѣняльнаго промысла постепенно развилось банковое дѣло. Такъ какъ мѣнялы для цѣлей размѣна денежныхъ переводовъ должны были держать у себя значительные запасы монеты, то при слабомъ тре-

бованіи ея для размѣна, они, естественно, стали выдавать ссуды подъ вѣрное обезпеченіе, преимущественно подъ ручные залоги, на короткій срокъ. Мѣнялы первоначально производили свои операціи на собственные капиталы, но со временемъ къ нимъ стали приливать и постороннія средства. Такъ какъ мѣнялы по роду своихъ занятій должны были имѣть хорошо устроенныя помѣщенія для денегъ, то къ нимъ начали поступать отъ постороннихъ лицъ денежные запасы для храненія. Такимъ путемъ развилась у мѣнялъ особая отрасль дѣятельности,—пріемъ вкладовъ на храненіе. Выгода мѣнялъ отъ этой операціи заключалась въ томъ, что они получали за храненіе вкладовъ опредѣленное вознагражденіе. Этотъ пріемъ вкладовъ производился въ Италіи преимущественно мѣнялами, а въ Англіи—золотыхъ дѣлъ мастерами, въ нѣкоторыхъ же странахъ—особыми учрежденіями, которыя, по сходству ихъ съ дѣятельностью банкировъ, получили названіе банковъ. Такой именно характеръ имѣлъ первый общественный банкъ, о которомъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія,—Венеціанскій, учрежденный въ 1584 году. По всей вѣроятности, этою же операціей ограничивалась дѣятельность ранѣе того существовавшихъ банковыхъ учрежденій, каковы: общество св. Георгія, возникшее въ Генуѣ въ XII вѣкѣ, Барселонскій банкъ, устроенный въ 1401 г., которыя, собственно говоря, основывались кредиторами государства или городовъ и главною своей цѣлью имѣли управленіе государственными доходами. Стягивая въ своихъ рукахъ большія суммы денегъ, эти общества открывали и частнымъ лицамъ, имѣвшимъ надобность хранить деньги, доступъ къ своимъ кладовымъ.

Когда распространился обычай отдавать деньги на храненіе въ одно мѣсто, то къ дѣятельности банковъ присоединилась новая операція, такъ называемая «жиро». Извѣстный кружокъ лицъ, державшихъ деньги у одного и того же банкира, соглашался производить между собою взаимные разсчеты безъ дѣйствительной передачи денегъ, чрезъ простое переписываніе платежа съ вклада одного лица на вкладъ другого. Къ возникновенію названной операціи существовало два главныхъ повода: во-первыхъ, трудность счета тогдашней монеты, которая была чрезвычайно разнообразна по наименованіямъ и по содержанію чистаго металла; во-вторыхъ, желаніе охранить себя, при тогдашней порчѣ монеты, отъ полученія неполновѣсныхъ денегъ. Эти соображенія привели въ 1609 г. къ устройству перваго жиро-банка въ Амстердамѣ, за которымъ вскорѣ послѣдовали и другія учрежденія подобнаго же рода, какъ то: Венеціанскій жиро-банкъ въ—1619 г., Гамбургскій банкъ—въ 1619 г. Каждому вкладчику открывался въ книгахъ банка особый счетъ, въ которомъ записывались на приходъ всѣ полученные отъ него вклады и сдѣланные

ему платежи, а въ расходъ всѣ платежи, произведенные за него другимъ вкладчикамъ. Вкладчикъ получалъ отъ банка свидѣтельство въ томъ, что имъ внесена извѣстная сумма денегъ, которую онъ можетъ потребовать во всякое время обратно.

Жиро-банки первоначально ограничивались пріемомъ вкладовъ только на храненіе. Но, мало-по-малу, опытъ показалъ банкамъ, что требованія на вклады предъявляются по частямъ,—въ одинъ періодъ больше, въ другой меньше, и никогда не предъявляются на всю сумму. Это наблюденіе привело къ мысли употреблять часть денегъ, вложенныхъ на вклады, въ краткосрочныя ссуды. Банки отказались отъ вознагражденія за храненіе принятыхъ ими суммъ, но зато получили право, подъ собственною отвѣтственностью, распоряжаться вкладами, съ обязательствомъ, однако, возвращать ихъ по первому требованію. Для вкладчиковъ такой шагъ банковъ былъ, безъ сомнѣнія, прямою выгодою, ибо они освобождались отъ платежа за храненіе, а, между тѣмъ, попрежнему могли потребовать свои деньги во всякое время; банки же, съ своей стороны, получали барышъ отъ платежей за производимыя ссуды. Этимъ путемъ совершился важный шагъ въ исторіи банковъ: изъ простыхъ хранителей чужихъ капиталовъ, какими являются жиро-банки, они становятся посредниками между лицами, владѣющими капиталами и нуждающимися въ нихъ; жиро-банки превращаются въ такъ называемые «депозитные банки». Убѣдившись въ выгодахъ торговли кредитомъ, банки начинаютъ искусственно привлекать къ себѣ вклады отъ постороннихъ лицъ, сначала чрезъ даровое храненіе, а потомъ даже чрезъ уплату за пользованіе ими извѣстнаго вознагражденія.

Средства банковъ расширились еще болѣе, когда вошелъ въ практику обычай выпуска банковыхъ билетовъ. Первообразомъ этихъ билетовъ служили свидѣтельства на вклады въ жиро-банкахъ, по которымъ во всякое время можно было получить положенную на храненіе сумму. Эти свидѣтельства могли передаваться отъ одного лица къ другому и, такимъ образомъ, служили для расплатъ. Пока свидѣтельства относились только къ лежащимъ на храненіи вкладамъ, выдача ихъ не увеличивала средствъ банка. Но одновременно съ предоставленіемъ банкамъ права пользоваться вкладами для ссудъ произошло превращеніе вкладныхъ свидѣтельствъ въ банковые билеты. Банковый билетъ сталъ свидѣтельствомъ не того, что въ извѣстномъ кредитномъ учрежденіи лежитъ такая-то сумма денегъ, а того, что данная сумма денегъ будетъ выдана предъявителю во всякое время.

Случайное обстоятельство натолкнуло Амстердамскій банкъ на возможность выпустить большое количество банковыхъ билетовъ, чѣмъ какое

существовало въ кладовыхъ въ наличности. Когда началась война Франціи съ Голландіей и французы стали подходить къ Амстердаму (въ 1672 г.), то управляющіе банкомъ, въ виду угрожающей опасности, рѣшились возвратить всѣ внесенные вклады собственникамъ и ликвидировать дѣла, для чего вынули всю монету и слитки, находившіеся въ кладовыхъ банка; къ своему удивленію, они замѣтили, что нѣкоторыя монеты носили ясные признаки пожара, который случился въ банкѣ за 50 лѣтъ до этого, между тѣмъ, какъ билеты были выпущены на всю наличность [1]. Тогда стало очевиднымъ, что выпущенные билеты обращались безъ всякаго отношенія къ банковой наличности, а отсюда вытекало заключеніе о возможности выпускать большее количество билетовъ, чѣмъ сколько лежитъ звонкой монеты въ кладовыхъ банка. Это было важнымъ открытіемъ въ области экономической. Стало ясно, что можно создать такое орудіе обращенія, которое не стоитъ ничего и замѣняетъ звонкую монету. Голландцы воспользовались этимъ открытіемъ. Война съ французами хотя и обошлась имъ очень дорого, но, благодаря новому средству, они скоро залечили болѣзненное состояніе хозяйства. Успѣхъ Амстердамскаго банка вызвалъ подражаніе, и въ 1694 году основанъ былъ Англійскій банкъ, самое крупное кредитное учрежденіе въ цѣломъ мірѣ [2].

Новыя кредитныя учрежденія, появившіяся въ Голландіи и Англіи, были обязаны своимъ развитіемъ особой формѣ торговыхъ товариществъ, такъ называемымъ акціонернымъ компаніямъ. Возможность создавать кредитные капиталы изъ мелкихъ долей была извѣстна еще въ средніе вѣка: капиталы Венеціанскаго банка были составлены изъ взносовъ мелкихъ пайщиковъ. Но эти первоначальныя товарищества существенно отличались отъ акціонерныхъ компаній; лица, вступившія въ эти товарищества, выходя, вынимали часть причитающагося на ихъ долю капитала. Новый акціонерный принципъ заключался въ томъ, что владѣлецъ небольшой доли капитала вноситъ его въ крупное предпріятіе, а взамѣнъ получаетъ документъ, акцію, которая легко можетъ быть передана изъ рукъ въ руки безъ извлеченія изъ дѣла самаго капитала; владѣльцемъ внесенной доли капитала считается тотъ, кому принадлежитъ акція. Эта возможность создавать большіе капиталы изъ мелкихъ долей и передавать свою долю участія другому лицу очень облегчила устройство крупныхъ предпріятій. Первыя компаніи на правильномъ акціонерномъ принципѣ основаны были въ 1600 г. въ Англіи

---

[1]) Blanqui. „Histoire de l'economie politique en Europe", v. II, 43.

[2]) Для исторіи банковъ ср. стат. E. Hasse въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, изд. Конрадомъ и др., а также: Blanqui, „Histoire de l'economie politique" II ch. XXX.

и въ 1602 г. въ Голландіи для торговли съ Остъ-Индіей. Большая часть крупныхъ банковъ и торговыхъ компаній были учреждены на акціонерныхъ началахъ; вся торговля съ внѣ-европейскими странами велась подобнымъ же образомъ. Примѣненіе акціонернаго принципа было, на ряду съ появленіемъ векселей и введеніемъ банковъ, важной реформой въ области торговли и обмѣна.

МЕРКАНТИЛИЗМЪ. ЕГО ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА.

Выше былъ изложенъ постепенный ходъ разрушенія средневѣкового строя въ Англіи. Мы видѣли, какъ разложилось феодальное хозяйство маноровъ и какъ на мѣсто его явились наемныя земельныя отношенія. Мы показали, какимъ путемъ на мѣсто строгаго цехового порядка, регулировавшаго всѣ отношенія производства и потребленія, постепенно водворилось господство предпринимателей-капиталистовъ, которые стояли внѣ цехового права, не подчиняясь никакимъ налагаемымъ имъ ограниченіямъ. Такимъ образомъ, и въ земледѣліи, и въ обработывающей промышленности, и въ обмѣнѣ, старый строгій порядокъ, въ которомъ каждому было указано опредѣленное мѣсто, замѣнился болѣе свободными отношеніями, предоставлявшими предпринимателю гораздо большій просторъ дѣйствій. Однако, было бы ошибочно думать, что мѣсто прежней несвободы сразу заступилъ тотъ безконтрольный произволъ предпринимателей, съ которымъ мы встрѣчаемся въ наше время. Такихъ рѣзкихъ переходовъ въ исторіи не бываетъ. На смѣну цеховымъ порядкамъ явился періодъ регулированной промышленности. Разница этого новаго строя отъ прежняго заключалась лишь въ томъ, что обязанность контроля надъ промышленною жизнью перешла отъ городскихъ и цеховыхъ совѣтовъ къ государству,—разница, конечно, не малая, если принять во вниманіе, что центральной государственной власти было не подъ силу осуществлять такой мелочной и придирчивый надзоръ, какимъ неукоснительно окружали ремесленника и торговца находившіеся въ его непосредственномъ сосѣдствѣ цеховые надзиратели.

Типомъ народнаго хозяйства въ эпоху государственной опеки историки любятъ считать Францію времени Людовика XVI и его знаменитаго министра Кольбера, вслѣдствіе чего самый періодъ регулированной промышленности иногда называютъ «Кольбертизмомъ». Однако, такое пріурочиваніе цѣлаго историческаго періода къ извѣстной странѣ и вѣку не можетъ быть принято иначе, какъ съ большою натяжкой. Конечно, въ эпоху Кольбера государственный надзоръ за промышленностью про-

являлся въ особенно рѣзкой формѣ и, пожалуй, съ самыми выдающимися результатами; но зато система Кольбера возникла уже въ сравнительно поздній періодъ исторіи и явилась завершеніемъ длиннаго ряда подобныхъ же опытовъ въ другихъ странахъ. Притомъ же эта система быстро промелькнула въ исторіи: едва успѣлъ сойти со сцены великій министръ, какъ уже стали пробивать себѣ дорогу противоположныя идеи. Не то мы видимъ въ Англіи. Здѣсь, благодаря раннему развитію королевской власти, еще задолго до конца среднихъ вѣковъ, замѣчаются попытки государственнаго вмѣшательства, имѣющія совершенно самостоятельное происхожденіе и потому проявляющіяся въ весьма оригинальныхъ формахъ. Эта политика держалась здѣсь не одно или два столѣтія, какъ во Франціи, а цѣлыхъ пять столѣтій, до самой половины XVIII вѣка. Поэтому для характеристики періода государственной опеки намъ всего удобнѣе обратиться къ Англіи.

Политика государственнаго вмѣшательства въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, была усвоена государственной властью по естественной традиціи отъ средневѣковаго строя. Феодальный владѣлецъ считалъ себя естественнымъ распорядителемъ надъ всѣми хозяйственными дѣйствіями своихъ подвластныхъ; еще больше полномочій приписывали себѣ цеховыя власти или городскіе совѣты. Тѣмъ въ большей степени считала себя призванною вести всесторонній контроль надъ промышленною жизнью государственная власть; правителямъ того времени не могло притти въ голову никакихъ сомнѣній относительно права на такой контроль и его цѣлесообразности и осуществимости.

Главною областью, на которую распространялся государственный контроль, была торговля, вслѣдствіе чего и самый разсматриваемый періодъ экономической исторіи носитъ названіе меркантилизма. Въ этомъ есть глубокій смыслъ. Въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ условія сбыта господствуютъ надъ производствомъ: они опредѣляютъ возможныя формы послѣдняго; отъ нихъ зависитъ, будетъ ли существовать самостоятельный мелкій производитель, самъ ведущій торговлю своими издѣліями, или же послѣдній долженъ склониться подъ властью крупнаго капитала. Въ особенности такое значеніе сбыта выросло съ тѣхъ поръ, какъ крупный торговый капиталъ сталъ между промысловымъ рабочимъ и потребителемъ въ качествѣ господствующей силы. Каждый капиталистическій предприниматель непремѣнно долженъ быть купцомъ; торговля диктуетъ гдѣ, что и какъ должно быть произведено; каждый предприниматель занимаетъ первенствующее положеніе въ производствѣ лишь постольку, поскольку онъ правильно угадываетъ потребности и средства къ ихъ удовлетворенію. Чѣмъ шире раздвигаются предѣлы

рынка, тѣмъ рѣшительнѣе становится могущество торговли. Неудивительно, поэтому, что государство принимается за регулированіе торговли еще въ тотъ ранній періодъ хозяйственной исторіи, когда надзоръ за промыслами былъ всецѣло довѣренъ самимъ ремесленникамъ и ихъ союзамъ [1]).

Въ области сбыта главнымъ предметомъ вниманія государственной власти было устройство денежной системы. По мѣрѣ того, какъ старое натуральное хозяйство стало разлагаться и замѣняться мѣновымъ, правительства, естественно, стали придавать деньгамъ особое, исключительное значеніе. Являясь эквивалентомъ всѣхъ товаровъ, деньги въ мѣновомъ хозяйствѣ служатъ основнымъ, преимущественнымъ выраженіемъ и содержаніемъ богатства. Зажиточность отдѣльнаго человѣка становится пропорціональною количеству денегъ, которымъ онъ обладаетъ; къ націи, какъ суммѣ отдѣльныхъ лицъ, примѣнялось такое же соображеніе. Но, кромѣ того, правительства переходной эпохи, какъ на континентѣ, такъ, въ особенности, и въ Англіи, имѣли еще особый интересъ ставить денежный вопросъ во главѣ своей хозяйственной политики. Національнымъ государствамъ, образовавшимся на развалинахъ феодализма, приходилось отстаивать свою самостоятельность въ непрерывной борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами; для непрекращавшихся войнъ нужны были деньги, и притомъ большія деньги. Быстрое обогащеніе и политическое усиленіе Испаніи и Португаліи подъ вліяніемъ прилива золота и серебра изъ Новаго Свѣта представляло, повидимому, свидѣтельство опыта въ пользу преобладающаго значенія денегъ. Понятно, поэтому, что къ золоту и средствамъ привлечь его направились всѣ помыслы тогдашнихъ правителей.

Система денежнаго баланса. Политика англійскихъ королей въ отношеніи денегъ представляетъ цѣлую самобытную систему разнообразныхъ мѣръ, связанныхъ одною общею мыслью и клонившихся къ одной цѣли обезпечить странѣ возможно большее изобиліе звонкой монеты [2]). Эта общая тенденція даетъ основаніе наименовать раннее проявленіе политики меркантилизма системой денежнаго баланса.

Законодательство Англіи по части денегъ преслѣдовало двоякую цѣль: во-первыхъ, привлечь какъ можно болѣе монеты изъ-за границы, и во-вторыхъ, не дать ей опять исчезнуть. Съ первой цѣлью устроены были такъ называемыя складочныя мѣста (Staples). Устройство такихъ мѣстъ на континентѣ было первоначально вызвано необходимостью

[1]) A. Held, Soc. Gesch. Englands, 568.

[2]) Изложеніе политики раннихъ стадій меркантилизма сдѣлано преимущественно по книгѣ проф. Янжула, „Англійская свободная торговля“, вып. I. Гл. I.

въ защитѣ торговли отъ разбойниковъ и пиратовъ; но вскорѣ, если не въ одно время, они получили значеніе оффиціальныхъ торжищъ, гдѣ правительство извлекало доходы съ торговцевъ посредствомъ различныхъ пошлинъ и наблюдало черезъ своихъ чиновниковъ за денежнымъ обращеніемъ. Самые замѣчательные изъ такихъ рынковъ, избранныхъ англичанами для торговыхъ сношеній съ иностранными, были Труа (Troyes) въ Шампани, Антверпенъ и Брюгге въ Нидерландахъ. Въ эти складочныя мѣста англійскіе торговцы доставляли свои обыкновенные товары —шерсть, кожи, олово, жесть, рыбу—и получали взамѣнъ ихъ отъ иностранцевъ необходимые продукты, большею частью мануфактурные. Правительственные органы, устроенные при складочныхъ мѣстахъ, должны были: во-первыхъ, смотрѣть за правильностію сбора пошлинъ, подлежащихъ королю при вывозѣ товаровъ за-границу, во-вторыхъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы часть уплачиваемыхъ денегъ при всякой отдѣльной продажѣ за-границу состояла изъ иностранной монеты или металла, которые предназначались для ввоза въ Англію. Пропорція этой уплаты разнилась время отъ времени, но всегда была регулирована. Ограничивъ всю иностранную торговлю немногими пунктами и получивъ черезъ это возможность, посредствомъ своихъ чиновниковъ, слѣдить за всякою продажей товаровъ, англійское правительство обезпечивало постоянное теченіе драгоцѣнныхъ металловъ въ Англію.

Чтобы достигнуть второй цѣли, т.-е. помѣшать деньгамъ уходить изъ страны, самымъ простымъ средствомъ было запрещеніе ихъ вывоза. Дальнѣйшая преграда вывозу денегъ ставилась такъ называемымъ «статутомъ истраченія» (the Statute of Employment), который состоялъ въ требованіи, чтобы всякій иностранецъ, ввозящій товары въ Англію, покидая ее, истратилъ всѣ полученныя за нихъ деньги, т.-е. накупилъ англійскихъ товаровъ на одинаковую цѣнность. Чтобы гарантировать выполненіе упомянутаго закона, былъ учрежденъ строгій контроль за пріѣзжавшими иностранцами. Каждый иностранный купецъ, являвшійся для торговли въ какой-либо портъ Англіи, долженъ былъ состоять подъ присмотромъ такъ называемаго «хозяина» по назначенію администраціи того порта или города. По законодательному акту, изданному въ царствованіе Генриха VI, «хозяева» должны были знать о всѣхъ продажахъ, совершаемыхъ ихъ гостями, и обязывались настаивать на томъ, чтобы въ теченіе восьми мѣсяцевъ гости продали всѣ свои запасы и вырученныя деньги употребили на покупку англійскихъ товаровъ. «Хозяину» поручалось вести въ отдѣльной книгѣ точный списокъ всякой продажѣ и покупкѣ, совершенной иностранцемъ: копію съ этой книги онъ посылалъ два раза въ годъ, на Святой и въ Михайловъ день, въ казначейство.

Во второй половинѣ XV столѣтія надзоръ «хозяевъ» былъ уничтоженъ, но вмѣсто нихъ иностранецъ былъ переданъ въ руки цѣлой арміи правительственныхъ надсмотрщиковъ.

Система торговаго баланса. Политика денежнаго баланса въ томъ грубомъ видѣ, какъ она практиковалась англійскимъ правительствомъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, не могла удержаться послѣ осложненій въ ходѣ хозяйства, которыя стали обнаруживаться съ XVI вѣка. Непрерывный надзоръ правительства за каждою передачей денегъ отъ англичанина иностранцу сдѣлался невозможенъ съ тѣхъ поръ, какъ вошли въ употребленіе векселя и сдѣлки въ кредитъ: вексель могъ много разъ перейти изъ рукъ въ руки, такъ что нельзя было опредѣлить, на кого падетъ окончательная по немъ уплата. Но, и помимо того, самое развитіе торговли должно было привести къ отмѣнѣ запрещеній вывозить золото и серебро изъ страны. Основаніе Остъ-Индской компаніи въ 1660 году повлекло за собою значительный вывозъ монеты изъ Англіи, такъ какъ привозъ товаровъ изъ Индіи, большей частію мануфактурныхъ, превышалъ по цѣнности англійскій вывозъ и разницу приходилось доплачивать наличными деньгами. Повидимому, отъ такого вывоза денегъ должно было бы послѣдовать разореніе, а, между тѣмъ, компанія, очевидно, богатѣла, страна же съ своей стороны тоже ничего не теряла отъ вывоза денегъ [1]).

Указанные опыты произвели перемѣну въ направленіи правительственной политики. Преслѣдуя ту-же цѣль увеличенія количества денегъ въ странѣ, новая система примѣняла уже иныя средства. Между тѣмъ, какъ первая система стремилась не выпускать денегъ изъ страны, вторая старалась поощрить ихъ ввозъ, притянуть деньги въ страну. Первымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли считался благопріятный для страны торговый балансъ. Вслѣдствіе чего и новое направленіе торговой политики получило названіе системы торговаго баланса. Торговый балансъ—терминъ, выработанный меркантилизмомъ, означаетъ отношеніе между цѣнностью товаровъ, вывезенныхъ изъ предѣловъ страны и ввезенныхъ изъ-за-границы; если стоимость отправленныхъ за-границу товаровъ превышаетъ цѣнность вывезенныхъ, то разница должна быть доплачена монетой. Политики меркантилизма ставили главною своей задачей увеличеніе вывоза туземныхъ произведеній и сокращеніе ввоза иностранныхъ. Такъ какъ при тогдашнихъ неудовлетворительныхъ средствахъ сообщенія наибольшія удобства для водворенія на чужеземныхъ рынкахъ представляли болѣе дорогія и легко перемѣщаемыя мануфактур-

---

[1]) Янжулъ, Англ. своб. торг. I, 33, 73.

ныя издѣлія, то государственная власть, естественно, сосредоточила главныя свои заботы на поощреніи городской мануфактурной промышленности. Въ противоположность вѣковымъ традиціямъ, которыя всегда выдвигали на первый планъ земледѣліе, въ эпоху меркантилизма оно было постановлено въ подчиненное положеніе обработывающимъ промысламъ, какъ дѣятельность, хотя и необходимая, но не столь прибыльная для страны. Чтобы водворить у себя обработывающіе промыслы или развить уже существовавшіе раньше, государство прибѣгало къ цѣлой системѣ искусственныхъ мѣръ.

Самымъ любимымъ средствомъ къ развитію мануфактурной промышленности считались таможенныя мѣропріятія. Прямое запрещеніе ввоза и вывоза извѣстныхъ товаровъ, установленіе запретительныхъ и покровительственныхъ тарифовъ на предметы, ввозимые изъ-за границы, назначеніе премій за вывозъ туземныхъ товаровъ, — таковы обычныя средства, которыми пользовались государственные люди того времени для ускоренія промышленнаго прогресса страны. Періодъ меркантилизма былъ эпохою наибольшаго процвѣтанія таможенной системы. Облагая высокими пошлинами ввозимыя заграничныя произведенія, правительство вызывало вздорожаніе ихъ внутри страны и этимъ заставляло потребителей покупать товары внутренняго производства. Затрудненіе вывоза сырыхъ матеріаловъ изъ страны вынуждало къ мѣстной ихъ переработкѣ и, наконецъ, установленіе вывозныхъ премій облегчало конкуренцію туземныхъ товаровъ на заграничныхъ рынкахъ.

Въ Англіи таможенная система была довольно раннимъ учрежденіемъ, но цѣли ея въ средніе вѣка были иныя, нежели въ болѣе позднюю эпоху. Задачею покровительственныхъ мѣръ въ раннее время было по преимуществу обезпеченіе занятія народному труду. Эта цѣль прямо высказывалась въ правительственныхъ заявленіяхъ, равно какъ въ рѣчахъ государственныхъ людей. «Все благосостояніе государства, — говорится въ одномъ изъ актовъ времени Генриха VIII, — происходитъ отъ труда и дѣятельности простого народа. Король имѣетъ своей задачей взвѣсить, какими дарами Богъ надѣлилъ его царство и какимъ путемъ можетъ быть, соотвѣтственно природѣ и свойству этихъ даровъ, приведенъ въ дѣйствіе народный трудъ. Руководители государства должны непрерывно размышлять о томъ, какъ доставить работу народу, какъ занять его безпокойный духъ и какимъ образомъ приготовлять въ предѣлахъ королевства все, что дѣлается внѣ его. Всѣ товары заграничные, не являющіеся безусловно необходимыми для страны, равно какъ всѣ тѣ товары, которые можно приготовлять внутри страны, должны быть запрещены къ привозу даже въ томъ случаѣ, если бы за туземный про-

дуктъ пришлось платить дороже. Англійскіе сырые продукты надлежитъ удерживать въ странѣ и въ ней же переработывать, дабы иностранцы не обогащались на счетъ англичанъ»[1]). Такова программа, которой слѣдовали англійскіе короли относительно народной промышленности: многочисленныя запрещенія вывоза и ввоза товаровъ прямо мотивировались желаніемъ дать занятіе національному труду. Эдуардъ VI устроилъ въ 1548 и 1549 г. пошлину на ввозимыя кожи съ цѣлью предупредить дороговизну ея, противную интересамъ ремесленниковъ и потребителей. Елизавета три раза запрещала вывозъ кожи и сала изъ-за того, что отъ дороговизны этихъ товаровъ проистекаетъ нужда вообще въ народѣ и, въ особенности, въ бѣднѣйшихъ его классахъ[2]). Прядильщики и ткачи шелка при помощи петиціи въ парламентъ выхлопотали законъ, запрещавшій ввозъ заграничныхъ шелковыхъ издѣлій сначала на 5 лѣтъ, а потомъ навсегда. Примѣръ лондонскихъ ткачей и суконщиковъ подѣйствовалъ заразительно: всѣ англійскіе ремесленники пожелали огражденія отъ иностранной конкуренціи[3]).

Во время царствованія Тюдоровъ съ неудержимой силой пробуждается національное чувство въ Англіи. Прекращеніе привилегій Ганзы, которой раньше въ Англіи принадлежала монополія внѣшней торговли, въ особенности же замѣчательный успѣхъ въ войнѣ съ Испаніей, знаменитая гибель непобѣдимой Армады разбудили національное самосознаніе и вызвали непреодолимое желаніе стряхнуть съ себя зависимость отъ иностранцевъ и положить основу промышленному торговому могуществу страны. Англія стала ощущать себя, какъ самостоятельное цѣлое, имѣющее обособленные интересы отъ прочихъ странъ. Въ особенности возбуждала къ себѣ соревнованіе англичанъ могущественная Голландія громадными размѣрами своей торговли и цвѣтущимъ состояніемъ мануфактуръ. Главное средство для поддержанія экономической независимости націи и для борьбы съ иностранною конкуренціей государственная власть видѣла въ таможенныхъ мѣропріятіяхъ. Ввозныя и вывозныя пошлины утратили значеніе способовъ обезпечить занятіе народному труду и получили характеръ боевыхъ средствъ, могучихъ орудій въ экономической войнѣ націй. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1552 году Эдуардъ VI изъ вражды къ Ганзѣ поднялъ съ 1% на 20% пошлины на ввозимые ею товары. Въ 1579 году Ганза, чтобы отмстить Англіи, обложила товары, ввозимые изъ нея въ Ганзейскіе города, лишнею противъ другихъ государствъ таможенною пошли-

---

[1]) F. Schanz, Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters, I. B. 471.
[2]) Ochenkowski, 247. [3]) Schanz, I, 456, 457.

ной въ $7\frac{1}{2}\%$. Елизавета отвѣтила установленіемъ точно такой же пошлины на ввозъ изъ Ганзейскихъ городовъ. Въ отместку за это Ганзеатическая лига предложила на имперскомъ сеймѣ въ 1582 году общее запрещеніе ввоза англійскихъ суконъ, равно какъ изгнаніе всѣхъ англійскихъ купцовъ съ германской территоріи [1]. Подобнымъ же образомъ борьба съ Голландіей велась преимущественно при помощи таможенныхъ пошлинъ, которыя назначало одно изъ борющихся государствъ противъ товаровъ другого. Едва ли нужно упоминать, что подобныя мѣры практиковались не въ одной Англіи. Извѣстна знаменитая таможенная война, которую при Кольберѣ вела Франція съ Голландіей, и которая привела къ настоящему военному столкновенію между двумя странами.

Таможенныя мѣры относительно вывоза туземныхъ произведеній преслѣдовали подобныя же цѣли. Въ Англіи еще съ раннихъ поръ встрѣчаются запрещенія вывоза шерсти и овчинъ, а также и овецъ (1388). Эта послѣдняя мѣра мотивировалась опасностью размноженія и улучшенія стадъ овецъ на континентѣ, вслѣдствіе чего могъ бы произойти ущербъ англійской торговлѣ. При Генрихѣ VI запрещенъ былъ вывозъ шерстяной пряжи; при Генрихѣ VIII сапожники добились запрещенія вывоза кожъ. Подобныя мѣры прямо клонились къ тому, чтобы помѣшать другимъ странамъ воспользоваться выгодами отъ переработки англійскаго сырья и отъ перепродажи выдѣланныхъ издѣлій въ Англію. Еще рѣзче выразились эти эгоистическія мѣры меркантильной политики въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, когда вошли въ моду запрещенія вывоза машинъ и орудій. Первая такая мѣра послѣдовала въ 1696 году, когда были воспрещены къ вывозу чулочно-вязальные станки, незадолго передъ тѣмъ изобрѣтенные Ли. Въ срединѣ XVIII вѣка такое же запрещеніе распространилось на всѣ орудія, употреблявшіяся въ суконной и шелковой промышленности; вскорѣ затѣмъ (1774 г.) на орудія въ бумаго-прядильной и льняной промышленности, затѣмъ въ желѣзномъ и стальномъ промыслахъ. Въ то же время былъ воспрещенъ вывозъ образцовъ, рисунковъ и досокъ для печатанія матерій. Къ этому же разряду мѣръ относятся препятствія къ выселенію обученныхъ рабочихъ. Въ началѣ XVIII вѣка запрещена эмиграція мастеровъ изъ шерстяной, металлической и часовой промышленности; въ 1750 году такія запрещенія еще больше усилены [2]. Понятно, что подобныя мѣры создавали ожесточенную вражду со стороны заинтересованныхъ націй, вызывали

[1] Scherer, Histoire du commerce, II, 343.

[2] A. Held., 531.

репрессаліи, но въ сущности мало достигали цѣли, ради которой предпринимались: запрещенныя орудія, несмотря на всѣ строгости, тайно водворялись въ другихъ странахъ при помощи контрабанды, а эмиграцію рабочихъ нельзя было остановить никакими средствами, какъ скоро предлагалось въ чужихъ странахъ крупное вознагражденіе.

Кромѣ косвенныхъ поощреній мануфактурной промышленности при помощи таможенныхъ пошлинъ, государство прибѣгало къ различнымъ мѣрамъ прямого содѣйствія промысламъ. Одна изъ важныхъ мѣръ этого рода заключалась въ привлеченіи искусныхъ мастеровъ изъ-за границы. Еще при Эдуардѣ III было переселено въ Англію множество ткачей шерстяныхъ матерій изъ Фландріи. Король всячески покровительствовалъ переселенцамъ и достигъ того, что, благодаря ихъ искусству, Англія преобразовала технику суконнаго производства и стала вывозить сукна. Другимъ періодомъ эмиграціи иностранныхъ мастеровъ было время послѣ отмѣны Людовикомъ XIV Нантскаго эдикта. Множество мануфактурныхъ предпринимателей и рабочихъ изъ французскихъ протестантовъ переселились въ Англію при прямомъ поощреніи правительства и тѣмъ способствовали дальнѣйшему процвѣтанію и безъ того развивавшихся ея мануфактуръ. На ряду съ призывомъ мастеровъ, государство старалось водворять лучшіе пріемы производства. Дипломатическимъ агентамъ въ чужихъ краяхъ вмѣнялось въ обязанность вывѣдывать, деньгами и хитростью, о новыхъ усовершенствованіяхъ въ мануфактурной промышленности и доносить о нихъ своему правительству.

Параллельно съ улучшеніемъ техники, правительства стремились возможно удешевить стоимость издѣлій, чтобы такимъ путемъ возвысить спросъ на нихъ на заграничныхъ рынкахъ. Съ этою цѣлью предпринимались различныя мѣры къ пониженію издержекъ производства. Основнымъ элементомъ всякаго производства является трудъ. Чтобы обезпечить предпринимателямъ недорогія рабочія руки, правительство принимало два главныхъ разряда мѣропріятій: во-первыхъ, нормировало цѣны предметовъ продовольствія рабочихъ и, во-вторыхъ, установляло таксы на трудъ. Съ цѣлью удешевленія предметовъ продовольствія, государство запрещало вывозъ за-границу хлѣба и другихъ продуктовъ земледѣлія, то вовсе, то при извѣстномъ уровнѣ цѣнъ. Такъ, при Елизаветѣ вывозъ хлѣба не допускался, какъ скоро цѣна на него на внутреннихъ рынкахъ поднималась выше 10 шиллинговъ; въ концѣ XVI вѣка этотъ предѣлъ поднятъ до 20 шил.[1]). Однако, самою популярною мѣрою для той же цѣли было назначеніе правительственной властью таксъ на разные

[1]) Scherer. II, 348.

питательные продукты. Такъ, напримѣръ, при Генрихѣ VIII цѣна говядины и свинины была опредѣлена въ $^1/_3$ пенса, а баранина въ 3 фартинга за фунтъ; испанскія и португальскія вина должны были продаваться по 1 шиллингу, а французскія и нѣмецкія по 18 пенсовъ за галлонъ. Отклоненіе отъ этихъ таксъ наказывалось высокимъ штрафомъ. Историкъ Фраудъ приводитъ любопытный фактъ относительно примѣненія закона Генриха XIII о товарныхъ таксахъ. Торговцы иностранными винами въ Лондонѣ вздумали самовольно поднять цѣну на вино выше установленной таксы. Чтобы положить предѣлъ такимъ произвольнымъ дѣйствіямъ, парламентъ немедленно издалъ актъ, по которому въ случаѣ отказа торговца продать вино по назначенной закономъ цѣнѣ всякій покупщикъ имѣетъ право немедленно обратиться къ ближайшему мировому судьѣ, который, вмѣстѣ съ покупщикомъ, отправляется въ погребъ купца и отпускаетъ вино по назначенной таксѣ. Деньги, полученныя за вино, судья не отдаетъ купцу, а конфискуетъ въ наказаніе за упорное сопротивленіе существующему закону [1]).

Мы уже имѣли случай упоминать о регулированіи заработной платы. Первые законы по этому предмету относятся еще къ среднимъ вѣкамъ. Въ 1350 г. издано было предписаніе, чтобы рабочіе служили за ту же плату, какая существовала до моровой язвы. Въ 1388 году была вновь установлена такса заработной платы, при чемъ съ дающихъ и получающихъ высшую плату назначенъ высокій денежный штрафъ. Въ концѣ XIV вѣка, вмѣсто назначенія опредѣленной таксы въ законѣ, введено регулированіе ея судьями два раза въ годъ,—на Пасху и въ Михайловъ день. Однако, въ XV и XVI вѣкахъ, не смотря на регулированіе платы судьями, не разъ практиковалось и прямое назначеніе ея въ законѣ. Установленіе заработной платы мировыми судьями, какъ единственный способъ воздѣйствія на цѣну труда, водворяется только съ 1562 года. Статьей 15-й знаменитаго закона Елизаветы, изданнаго въ томъ году, плата для всѣхъ родовъ рабочихъ опредѣляется мировыми судьями послѣ опроса экспертовъ. Плата назначается разъ въ годъ и, по утвержденіи правительствомъ, опубликовывается въ каждомъ отдѣльномъ округѣ. Всѣ договоры съ рабочими о назначеніи платы, превышающей законную таксу, признаются ничтожными, и сверхъ того предоставленіе высшей платы наказывается штрафомъ. Регулированіе платы было первоначально предпринято въ интересахъ хозяевъ, очутившихся въ тяжеломъ положеніи вслѣдствіе дороговизны труда послѣ моровой язвы; однако, англійскій законъ всегда принималъ за правило, что

---

[1]) Froude, 33, 34. Цитир. у Янжула, Св. торг. I, 15, 16.

назначаемая плата должна доставлять рабочему человѣку достаточное продовольствіе, какъ во время нужды, такъ и въ періоды изобилія. Названные законы продержались въ Англіи до начала нынѣшняго столѣтія, но въ XVIII вѣкѣ они существовали только номинально, хотя сами рабочіе не разъ добивались ихъ возстановленія на практикѣ [1]).

Установляя извѣстную высоту заработной платы, англійское правительство принимало мѣры, чтобы его законы не оставались мертвой буквой. Ранніе статуты, прямо таксировавшіе заработную плату, обязывали незанятыхъ рабочихъ принимать предлагаемыя имъ мѣста въ земледѣліи или ремеслѣ. По закону Елизаветы, всѣ лица между 12 и 60 годами, не обладающія имуществомъ и не занятыя ни въ одномъ изъ перечисленныхъ въ законѣ промысловъ, могли быть принуждены къ занятію въ земледѣліи. Подобное же правило распространялось на неженатыхъ подмастерьевъ, которые выучились ремеслу, но не имѣли опредѣленнаго дохода и были безъ мѣста [2]).

Для успѣха промышленности нуженъ не одинъ трудъ, но и капиталъ. При постоянно расширявшихся размѣрахъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, хозяевамъ ихъ нельзя было довольствоваться одними собственными капиталами. Между тѣмъ, по ученію каноническаго права, которое имѣло такое же примѣненіе въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, взиманіе процентовъ считалось ростовщичествомъ и преслѣдовалось церковными карами. Этимъ объясняется огромное значеніе, какое пріобрѣли въ средніе вѣка въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, евреи, къ которымъ, конечно, не примѣнялись каноническія запрещенія. Однако, постепенно возраставшія нужды промышленности одержали верхъ надъ требованіями церкви, и Елизавета уничтожила запрещеніе отдавать капиталъ изъ процентовъ, разрѣшила всѣмъ желающимъ производство торговли деньгами и назначила 10%-ный ростъ, какъ законную таксу процентовъ; преемникъ Елизаветы понизилъ таксу до 8%, а республика и реставрація — до 6% [3]).

Другимъ способомъ обезпеченія прилива капиталовъ признавалось въ то время образованіе обширныхъ акціонерныхъ компаній, благодаря которому можно было пользоваться мелкими сбереженіями для крупныхъ дѣлъ. Въ Англіи еще въ средніе вѣка учредилась большая торговая компанія Merchant Adventurers, которая преимущественно занималась вывозомъ шерсти. Долгое время эта компанія была единственной въ Англіи, такъ какъ образованію новыхъ предпріятій по части внѣшней торговли препятствовали монополіи Ганзы. Отмѣна привилегій Ганзы

---

[1]) A. Held, 434—438. [2]) A. Held, 25. [3]) Scherer, II. 348.

развязала руки въ этомъ отношеніи. И вотъ уже при Елизаветѣ учреждается цѣлый рядъ акціонерныхъ обществъ для эксплоатаціи разныхъ отраслей внѣшней, а по примѣру ея, и внутренней торговли; таковы, напримѣръ, компаніи для торговли изюмомъ, желѣзомъ, солью, порохомъ, поташемъ, свинцомъ, углемъ и т. п. Кромѣ того, для сношеній съ отдаленными странами, независимо отъ упомянутаго выше стараго Общества, былъ устроенъ цѣлый рядъ компаній, изъ которыхъ каждая была снабжена монополіей производства какой-либо отрасли торговли или промысла, исключавшее право всѣхъ прочихъ лицъ заниматься тѣмъ же дѣломъ. Важнѣйшею изъ всѣхъ названныхъ компаній было такъ называемое «Общество Лондонскихъ купцовъ, торгующихъ съ Восточной Индіей» или проще «Остъ-Индская компанія», возникшая въ 1600 году. Компанія получила отъ короны, при своемъ учрежденіи, привилегію исключительной торговли со странами Азіи, Африки и Америки. Эта привилегія предоставляла компаніи громадной прерогативы, — именно право войны и мира, право содержанія собственныхъ сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, право изданія законовъ, наложенія наказаній, право установлять изъятія и уменьшенія таможенныхъ пошлинъ и, наконецъ, особенно цѣнное, по воззрѣніямъ того времени, право вывозить драгоцѣнные металлы за-границу въ количествѣ до 30,000 фунтовъ въ годъ. Извѣстно, какую судьбу имѣла эта компанія: благодаря успѣху ея военныхъ дѣйствій, а еще болѣе разнымъ хитростямъ и подкупамъ, компанія овладѣла всѣмъ полуостровомъ Остъ-Индскимъ и водворила тамъ британское господство[1].

Одновременно съ мѣрами къ расширенію мануфактурнаго производства государство заботилось объ обезпеченіи сбыта его издѣлій. Этой цѣли служило заключеніе съ иностранными государствами торговыхъ договоровъ, которые должны были доставить возможно благопріятный сбытъ произведеній страны на заграничныхъ рынкахъ. На выманиваніи у правительствъ выгодныхъ торговыхъ трактатовъ, съ удаленіемъ по возможности соперничествующихъ странъ, сосредоточивалось все дипломатическое искусство того времени. Въ примѣръ того, какъ дѣйствовали въ этомъ отношеніи англичане, можно привести ихъ отношенія къ русскому правительству въ XVI вѣкѣ. Въ 1553 году тремъ англійскимъ кораблямъ подъ начальствомъ Ченслера удалось попасть въ Бѣлое море и въ устья Двины. Ченслеръ былъ вызванъ къ царю Ивану Грозному и повелъ свои переговоры настолько искусно, что царь передалъ ему письмо къ Эдуарду VI, обѣщавшее всѣмъ англичанамъ полную свободу

---

[1]) Scherer, II, 346, 349, 351.

торговли въ его владѣніяхъ. Когда, черезъ два года, Ченслеръ снова появился въ Россію, то царь, подтвердивъ уже данную привилегію, даровалъ англичанамъ изъятіе отъ всякихъ пошлинъ, дозволеніе свободно учреждать всякаго рода торговыя и промышленныя заведенія и другія весьма существенныя права. Вслѣдъ за англичанами явились въ Бѣлое море голландцы, датчане и норвежцы. Тогда англичане стали пытаться, ссылаясь на свою привилегію, лишить права торговли новыхъ пришельцевъ; но Иванъ Грозный рѣзко отказалъ въ этихъ притязаніяхъ, сославшись на то, что океанъ есть великій путь, открытый Богомъ для всѣхъ народовъ. Въ 1585 году Елизавета обратилась къ русскому правительству съ просьбой сдѣлать торговлю съ Россіей исключительною привилегіей лондонскихъ купцовъ, но она получила отъ царя Ѳедора Ивановича рѣзкій отказъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1588 году, Англія снова получила отрицательный отвѣтъ. Такимъ образомъ, всѣ иностранцы были одинаково допущены къ торговлѣ съ Россіей; англичанамъ же было предоставлено лишь то преимущество, что они были изъяты отъ таможенныхъ пошлинъ [1]).

Особенную важность, въ видахъ обезпеченія сбыта, меркантилизмъ придавалъ энергической колоніальной политикѣ. Никогда, ни прежде, ни послѣ, вниманіе государствъ не было въ такой степени поглощено заботами о пріобрѣтеніи обширныхъ колоніальныхъ владѣній, какъ въ то время. По примѣру Испаніи и Португаліи, захватившихъ огромныя земли въ новооткрытой Америкѣ, каждое государство стремилось обзавестись колоніями внѣ Европы. Колоніальная политика меркантилизма заключалась въ томъ, чтобъ пріучить колоніи къ производству одного сырья, заставить ихъ сбывать это сырье въ метрополію, а изъ послѣдней получать только обработанныя издѣлія. Но такъ какъ у колоній могла существовать возможность вести торговлю помимо метрополіи, то запрещалось колоніямъ имѣть собственный флотъ и предписывалось опускать товары только на корабляхъ метрополіи. Типомъ подобныхъ предписаній служитъ Навигаціонный актъ, изданный Кромвелемъ въ 1651 году. Этотъ актъ постановлялъ, что никакіе товары не могутъ быть привозимы въ Британскія колоніи или вывозимы изъ нихъ иначе, какъ англичанами на англійскихъ корабляхъ. Ни одно лицо, не состоящее англійскимъ подданнымъ, не можетъ быть купцомъ или мануфактуристомъ въ колоніяхъ. Никакой колоніальный продуктъ не можетъ быть вывозимъ ни въ какое иное мѣсто, кромѣ Англіи. Впослѣдствіи къ этому акту было прибавлено, что и чужіе продукты британскія ко-

---

1) Scherer, II, 593.

лоніи могутъ получать не иначе, какъ черезъ Англію, на судахъ англійской постройки.

Наряду съ мѣрами къ водворенію издѣлій отечественной промышленности за-границей шли разныя искусственныя поощренія для сбыта ихъ внутри страны. Всемогущая правительственная власть не стѣснялась въ способахъ для подобныхъ поощреній. Вотъ нѣсколько примѣровъ такого рода. Елизавета въ 1563 году, чтобы поддержать національное рыболовство, запретила употребленіе мяса въ теченіе двухъ дней въ недѣлю, учредила, какъ выражается одинъ писатель, настоящій политическій постъ [1]). Позднѣе, въ 1666 году, въ интересахъ поощренія шерстяной фабрикаціи, было предписано погребать мертвыхъ не иначе, какъ въ шерстяномъ платьѣ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ штрафа въ 5 ф. стерлинговъ [2]).

Однако, не щадя никакихъ средствъ къ поощренію промышленности, государство взамѣнъ того подчиняло послѣднюю всесторонней правительственной опекѣ и учреждало надъ ней строжайшій контроль: взамѣнъ предоставляемыхъ въ изобиліи правъ, на промышленниковъ налагалось множество обязанностей. Въ Англіи контроль надъ качествомъ издѣлій издавна производился цеховыми властями, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ былъ унаслѣдованъ и королевскою властью. Въ 1323 году всѣ сукна, предназначавшіяся для продажи, предписано подвергать измѣренію чрезъ королевскаго сукномѣра съ уплатою установленныхъ пошлинъ въ пользу короля. Черезъ 5 лѣтъ подобное же измѣреніе было примѣненно къ сукнамъ, приходившимъ изъ-за-границы, причемъ допускались къ обращенію лишь такія ткани, которыя подходили подъ установленную длину и ширину. Подобныя же мѣры примѣнялись и въ болѣе позднее время. Въ 1463 году парламентъ снова установилъ законную длину и ширину для разныхъ родовъ суконъ, причемъ также воспретилъ примѣсь хлопка, оческовъ и разныхъ другимъ матеріаловъ, кромѣ шерсти. Новыя побужденія къ усиленію контроля за шерстяными тканями явились со времени происшедшаго въ эпоху Тюдоровъ перемѣщенія суконной промышленности изъ городовъ въ деревни. Въ городахъ производители шерстяныхъ матерій находились подъ надсмотромъ городскихъ совѣтовъ и цеховыхъ властей; въ деревняхъ же суконщики дѣлали, что хотѣли, и вели промыселъ не всегда удачно, такъ какъ во главѣ его стояли нерѣдко неопытные новички. Раздавались многочисленныя жалобы на ухудшеніе качества шерстяныхъ матерій, которое угрожало будто бы торговому положенію Англіи. Поэтому во время Тюдоровъ было издано множество новыхъ законовъ относительно размѣровъ и качества тканей

[1]) Scherer, T. II, 349. [2]) Scherer, T. II, 356.

и усилена строгость надзора за выполненіемъ законовъ. Подобный же контроль за качествами товаровъ со стороны правительства производился въ кожевенномъ дѣлѣ, въ приготовленіи солода для пива, во множествѣ различныхъ предметовъ питанія, въ золотыхъ и серебряныхъ издѣліяхъ и въ разныхъ другихъ предметахъ. Установленіе опредѣленныхъ требованій въ отношеніи мѣры и вѣса, запрещеніе извѣстныхъ техническихъ пріемовъ, обязательство выставлять клейма на товарѣ, предписаніе опредѣленныхъ способовъ упаковки,—вотъ главнѣйшія мѣры, при помощи которыхъ правительство стремилось обезпечить наилучшее качество издѣлій.

Мы представили болѣе крупныя мѣры англійскаго правительства по части промышленной политики. Но едва ли нужно доказывать, что цѣлый рядъ подобныхъ же распоряженій имѣлъ мѣсто относительно разныхъ другихъ сторонъ хозяйственной жизни. Возьмемъ, напримѣръ, область потребленія. Законы о роскоши, издававшіеся во множествѣ въ Англіи, представляютъ собою образецъ крайняго развитія государственной опеки. Со времени Эдуарда III и до Елизаветы прошло не менѣе десяти статутовъ, которые устанавливали костюмъ слугъ и рабочаго класса. При Эдуардѣ IV прислугѣ было запрещено носить платье дороже 2 шил. за ярдъ, чулки дороже 14 пенсовъ за пару и головные платки выше 12 пенсовъ. Еще страннѣе законы, касавшіеся пищи. Такъ, напримѣръ, Фраудъ приводитъ любопытный актъ, вышедшій въ 1336 году въ царствованіи Эдуарда III, которымъ воспрещается за обѣдомъ, ужиномъ и въ другое время подавать и ѣсть болѣе двухъ блюдъ, и предписывается каждое блюдо приготовлять не больше, какъ изъ двухъ сортовъ провизіи, будь это мясо или рыба, и притомъ съ самой обыкновенной приправой и безъ всякаго соуса. Исключеніе допускается только въ большіе годовые праздники, когда разрѣшается приготовленіе трехъ блюдъ, но тоже лишь съ указанными выше ограниченіями. Въ нашъ вѣкъ трудно представить себѣ такой всепоглощающій контроль государства, но въ доброе старое время онъ совершенно согласовался съ господствующими воззрѣніями и казался вполнѣ естественнымъ и правомѣрнымъ.

Литературные представители меркантилизма. Подъ вліяніемъ сильнаго интереса, который былъ вызванъ политикой меркантилизма, во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы пробудилось оживленное литературное движеніе. Очень раннихъ и характерныхъ представителей имѣетъ это движеніе и въ Англіи [1]).

---

[1]) По литературѣ англійскаго меркантилизма имѣются подробныя данныя въ сочиненіи проф. Янжула „Англійская свободная торговля“, вып. I, которымъ мы и воспользуемся при настоящемъ изложеніи.

Типическимъ представителемъ ранней стадіи англійскаго меркантилизма служитъ писатель конца 16-го вѣка, Вильямъ Стаффордъ. Книга Стаффорда, появившаяся въ 1581 г., называется «Краткое изложеніе нѣкоторыхъ жалобъ нашихъ соотечественниковъ» и т. д. Изложены эти жалобы въ формѣ разговора между представителями различныхъ классовъ народа: рыцаремъ (землевладѣльцемъ), фермеромъ (земледѣльцемъ), купцомъ и докторомъ богословія. — Единственное богатство составляютъ по Стаффорду деньги или благородные металлы; всѣ мѣры экономической политики оцѣниваются потому, насколько онѣ могутъ привлечь въ страну или отвлечь отъ нея деньги. Всѣ неблагопріятныя явленія народной жизни Стаффордъ ставитъ въ связь съ вопросомъ о деньгахъ. Англія бѣднѣетъ потому, что иностранцы увозятъ у нея деньги; чужія страны богатѣютъ потому, что получаютъ эти деньги, отдавая Англіи взамѣнъ ихъ такіе товары, которыхъ нельзя сбыть въ другихъ мѣстахъ. Главное средство помочь затруднительному положенію страны Стаффордъ видитъ въ покровительствѣ туземной мануфактурной промышленности. Его возмущаетъ то обстоятельство, что иностранцы вывозятъ за-границу изъ Англіи сырые матеріалы и затѣмъ снова ввозятъ въ Англію, перепродавая по дорогой цѣнѣ. Такъ, изъ англійской шерсти иностранцы дѣлаютъ матеріи, шляпы, платки; изъ англійскихъ кожъ — перчатки и пояса; изъ англійскаго олова — ложки и блюда, и все это ввозится опять въ королевство. «Я прошу васъ обратить вниманіе на то, что иностранцы заставляютъ насъ платить въ концѣ концовъ за нашъ собственный матеріалъ; на насъ же падаютъ всѣ иностранныя таможеныя пошлины, издержки по обработкѣ и, наконецъ, пошлина при обратномъ ввозѣ въ Англію. Между тѣмъ, если бы тѣ же предметы были сработаны въ королевствѣ, наши соотечественники получили бы лишній заработокъ, пошлины были бы платимы иностранцами, и чистая прибыль осталась бы въ королевствѣ». Для страны выгоднѣе покупать у своихъ, хотя бы даже цѣна была дорожо: «все, что пріобрѣтается у насъ отъ торговли съ иностранцами, уходитъ отъ насъ навсегда; напротивъ, все, что мы, англичане, пріобрѣтаемъ другъ у друга, остается дома, внутри страны».

Но покровительство рекомендуется Стаффордомъ не для всякой промышленности, такъ какъ не всѣ ея отрасли одинаково полезны. Онъ раздѣляетъ всѣхъ промышленниковъ на три класса: нѣкоторые изъ нихъ только удаляютъ деньги изъ страны; сюда принадлежатъ торговцы колоніальными товарами, виноторговцы, модистки и т. п.; ко второму относятся промышленники, которые полученныя въ странѣ деньги въ ней же и тратятъ (портные, мясники, булочники) и, наконецъ, къ

третьему разряду принадлежатъ фабриканты матерій и лица, обработывающія кожи и шерсть, которыя вывозятъ деньги изъ-за-границы и, слѣдовательно, привлекаютъ сокровища въ страну. Этотъ третій разрядъ промышленниковъ и заслуживаетъ особаго покровительства и поощренія.

Въ изложенныхъ взглядахъ со всею ясностью проявляется меркантилистъ старой школы. Промышленность должна покровительствоваться, но съ разборомъ, и помощью государства должны пользоваться лишь тѣ занятія, которыя приносятъ въ страну деньги, а такими являются лишь производства, работающія для вывоза. Средствомъ поощрить такія производства Стаффордъ считаетъ высокія пошлины и запрещеніе иностранныхъ издѣлій, равно какъ запрещеніе вывоза сырыхъ матеріаловъ.

Въ XVII вѣкѣ, въ особенности къ его срединѣ, какъ было показано раньше, въ ходѣ торговли произошли столь крупныя измѣненія, что защищать взгляды и практическія мѣропріятія старой системы меркантилизма оказывалось невозможнымъ. На смѣну теоріи денежнаго баланса явилась въ политикѣ меркантилизма другая стройная система, заключавшаяся въ рядѣ мѣропріятій, направленныхъ къ обезпеченію постояннаго перевѣса цѣнности вывоза товаровъ надъ цѣнностью ввоза. Представителемъ этихъ измѣнившихся взглядовъ въ литературѣ можно признать Томаса Мёна (T. Mun), писателя первой половины XVII столѣтія [1]). Мёнъ считается первымъ основателемъ систематическаго ученія о торговомъ балансѣ. Ему принадлежатъ два сочиненія. Первое изъ нихъ появилось въ 1609 г. подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о торговлѣ Англіи съ Остъ-Индіей». Въ названномъ трудѣ Мёнъ защищаетъ Остъ-Индскую компанію отъ того упрека, будто она чрезъ постоянный вывозъ денегъ ведетъ Англію къ гибели. Съ этою цѣлью Мёнъ прослѣживаетъ операціи англійскихъ купцовъ отъ первой стадіи вывоза денегъ въ Индію до послѣдней стадіи обратнаго привоза индійскихъ товаровъ на континентъ, чтобы доказать чрезъ это, какъ возмѣщаются вывезенныя деньги. Насколько узки и односторонни были во время Мёна обычные взгляды на торговлю, можно видѣть изъ представившейся Мёну необходимости доказывать, что при изслѣдованіи торговыхъ оборотовъ нельзя останавливаться на первомъ процессѣ, а слѣдуетъ принимать во вниманіе конечный результатъ. За исключеніемъ блестящей аргументаціи той мысли, что первоначальный вывозъ денегъ влечетъ за собой впослѣдствіи тѣмъ большій ввозъ, Мёнъ въ этомъ первомъ своемъ сочиненіи относительно всего остального является полнымъ приверженцемъ прежнихъ полицей-

---

[1]) О Мёнѣ, кромѣ книги пр. Янжула, см. Heyking, Zur Geschichte der Handelsbilanztheorie.

скихъ мѣръ къ задержанію денегъ въ странѣ и ревностно защищаетъ даже статутъ объ истраченіи.

Второй трудъ Мёна, подъ названіемъ: «Богатство Англіи чрезъ иностранную торговлю», былъ изданъ уже послѣ его смерти въ 1664 году и обнаруживаетъ огромную перемѣну во взглядахъ автора. Въ этомъ именно трудѣ онъ является основателемъ новой теоріи. Руководящая мысль всего сочиненія состоитъ въ томъ, что потребленіе иностранныхъ продуктовъ должно быть меньше, нежели та часть народнаго производства, которая отправляется за-границу. Съ точки зрѣнія именно этого баланса Мёнъ разсматриваетъ всѣ явленія хозяйственной жизни, оцѣниваетъ всѣ прибыли и убытки націи. «Обыкновенное средство къ увеличенію нашего богатства и нашихъ сокровищъ есть иностранная торговля, въ которой всегда мы должны держаться того правила, чтобы ежегодно продавать иностранцамъ своихъ товаровъ на большую сумму, чѣмъ мы потребляемъ ихъ товаровъ». «Если мы примемъ, что наше королевство обильно снабжено сукномъ, свинцемъ, оловомъ, рыбами и другими туземными товарами, и что мы ежегодно излишекъ этихъ товаровъ вывозимъ въ другія страны на сумму 2.200,000 ф. ст., то мы, конечно, будемъ въ состояніи покупать за моремъ и ввозить для нашего потребленія чужихъ товаровъ на сумму 2.000,000 ф. ст. Въ такомъ случаѣ, мы можемъ быть убѣждены, что королевство ежегодно будетъ становиться богаче на 200,000 ф., которые непремѣнно вернутся въ нашу страну, такъ какъ та часть нашего вывоза, которая не оплачивается намъ товарами, по необходимости снова приходитъ къ намъ въ формѣ денегъ».

Изложивъ, такимъ образомъ, понятіе о торговомъ балансѣ, Мёнъ указываетъ на тѣ средства, которыя ведутъ къ увеличенію вывоза и уменьшенію ввоза. Именно, надлежитъ стараться сократить ввозъ нѣкоторыхъ необходимыхъ предметовъ, каковы: ленъ, табакъ, пенька, посредствомъ воздѣлыванія ихъ у себя; затѣмъ слѣдуетъ воздержаться отъ излишняго потребленія иностранныхъ продуктовъ въ пищѣ и одеждѣ. Лишь ввозъ такихъ иностранныхъ товаровъ, какъ хлопокъ, индиго, пряности и пр., которые могутъ быть перепроданы другимъ странамъ, служитъ средствомъ для увеличенія національнаго богатства. Самую выгодную для Англіи торговлю составляютъ сношенія съ Остъ-Индіей, такъ какъ англичане отъ перепродажи индійскихъ товаровъ получаютъ больше барышей, чѣмъ сами индійцы. Чтобы доказать, что ввезенные товары могутъ быть вывезены въ другія страны и при продажѣ дадутъ большую денежную выручку, чѣмъ сколько было первоначально заплачено за нихъ, Мёнъ прибѣгаетъ къ сравненію иностраннаго торговца съ земле-

дѣльцемъ, сравненію, цитируемому Ад. Смитомъ въ главѣ о меркантильной системѣ. «Если бы,—говоритъ Мёнъ,—мы стали судить о земледѣльцѣ только въ минуту посѣва, когда онъ разбрасываетъ по землѣ множество хлѣбныхъ зеренъ, то мы могли бы принять его за безумца. Но если мы вспомнимъ въ то время о жатвѣ, составляющей цѣль его заботъ, то мы можемъ по достоинству оцѣнить его трудъ и вытекающее изъ нихъ изобиліе» [1]). Такимъ образомъ, Мёнъ, вопреки теоретикамъ денежнаго баланса, считаетъ выгоднымъ вывозъ денегъ и пріобрѣтеніе вмѣсто ихъ иностранныхъ товаровъ для перепродажи въ другихъ странахъ съ прибылью. «Деньги создаютъ торговлю, а торговля умножаетъ деньги. Поэтому, чѣмъ больше денегъ пускать въ оборотъ, тѣмъ лучше. Если, пріобрѣтая нѣкоторое количество денегъ черезъ торговлю, мы рѣшимся во что бы то ни стало сохранять ихъ въ государствѣ, то заставитъ ли это другія націи потреблять больше нашихъ товаровъ и расширится ли наша торговля? Конечно, нѣтъ. Скорѣе можно даже ожидать противнаго, ибо изобиліе денегъ въ странѣ дѣлаетъ національные продукты дороже для иностранцевъ, которые и перестаютъ ихъ потреблять».

Мёнъ не одобряетъ запрещенія ввоза иностранныхъ товаровъ. Такая мѣра, думаетъ онъ, непремѣнно отплатится сосѣдними странами, и англійскіе товары съ такимъ же трудомъ будутъ приниматься за-границей, какъ чужіе въ Англіи; черезъ это, конечно, пострадаютъ торговля и богатство Англіи. Такъ же нелѣпо, по мнѣнію Мёна, стремиться къ тому, чтобъ иностранцы покупали англійскіе товары непремѣнно за деньги. «Эта мѣра не доставитъ королевству ни одного лишняго пенни въ концѣ года. Что принудительно добыто однимъ путемъ, опять выйдетъ другимъ; при насъ останется только, что выиграно и присоединено къ богатству страны посредствомъ перевѣса (баланса) въ торговлѣ».

Замѣчательна твердая увѣренность Мёна въ томъ, что изложенные имъ законы представляютъ собою нѣчто незыблемое, нѣчто такое, что не можетъ быть передѣлано или отмѣнено произвольными распоряженіями власти. «Пусть купцы совершаютъ сдѣлки по высокому или низкому курсу, пусть иностранные государи произвольно измѣняютъ достоинство своей монеты и пусть его величество дѣлаетъ то же самое, или держитъ монету въ той же стоимости, какъ теперь, пусть законъ истраченія остается въ силѣ, пусть купцы вывозятъ деньги...—однако, всѣ эти дѣйствія не могутъ оказать на торговлю иного вліянія, чѣмъ то, которое объяснено въ настоящемъ трудѣ. Богатства будутъ ввозиться или вывозиться соотвѣтственно съ тѣмъ, даетъ ли торговый балансъ перевѣсъ

---

1) Ад. Смитъ, кн. IV, гл. I, р. п 228.

въ нашу или въ чужую пользу. И это все должно происходить необходимо и неотвратимо, внѣ всякой возможности измѣненія: всѣ другіе пути и средства усилить приливъ денегъ въ королевство, можетъ быть, и произведутъ это, но только на время, и, въ концѣ концовъ, окажутся не только тщетными, но даже и вредными».

Едва ли нужно говорить о томъ, насколько выше взгляды Мёна по сревненію съ ученіями его предшественниковъ. Онъ отбрасываетъ всѣ узкія полицейскія мѣры прежней политики денежнаго баланса и, что главное, не только не считаетъ за зло вывозъ монеты за-границу, но даже считаетъ его за средство къ послѣдующему привлеченію еще большихъ запасовъ монеты. Онъ возстаетъ даже противъ абсолютнаго запрещенія ввоза иностранныхъ продуктовъ. Замѣчательно, что Мёну удалось добиться практическаго осуществленія его взглядовъ. Въ 1663 году палата общинъ отмѣнила статуты, запрещающіе вывозъ монеты заграницу.

Дальнѣйшее развитіе ученія о торговомъ балансѣ замѣчается въ появившейся въ 1669 году книгѣ Осіи Чайльда[1]: «Замѣчанія относительно торговли и процента». «Торговый балансъ представляетъ средство, при помощи котораго можно узнать, выигрываетъ государство отъ заграничной торговли или проигрываетъ. Но средство это вслѣдствіе контрабанды и по причинѣ невѣрныхъ оцѣнокъ и необстоятельныхъ таможенныхъ реэстровъ недостаточно для опредѣленія стоимости ввоза и вывоза. Страна, не смотря на то, что она ежегодно вывозитъ больше, чѣмъ ввозитъ, можетъ становиться бѣднѣй, если она, какъ, напримѣръ, Ирландія, должна вывозить лишь за тѣмъ, чтобы уплачивать ренту находящимся въ отсутствіи землевладѣльцамъ. Наконецъ, въ странѣ могутъ быть вложены въ различныя предпріятія деньги иностранныхъ владѣльцевъ, и тогда перевѣсъ вывоза служитъ только доказательствомъ бѣдности страны. Единственный правильный путь къ тому, чтобы судить о торговомъ балансѣ, или, говоря проще, чтобы опредѣлить потерю или выигрышъ, извлекаемые народомъ изъ торговли, это — увеличеніе или уменьшеніе судоходства. Повсюду, гдѣ судоходство растетъ, и притомъ не по временамъ, но въ теченіе долгаго ряда лѣтъ непрерывно, торговля, очевидно, выгодна для народа. При ежегодно возрастающемъ судоходствѣ все больше людей всѣхъ профессій находятъ себѣ занятія; въ большомъ числѣ кораблей и матросовъ — сила и оплотъ Англіи».

Любопытны тѣ перемѣны, которыя произошли постепенно въ возрѣніяхъ на торговый балансъ. Сначала въ торговомъ балансѣ и разсма-

---

[1]) Heyking.

тривалось лишь движенiе благородныхъ металовъ, затѣмъ у Мёна бралось отношенiе между потребленiемъ и производствомъ страны; Чайльдъ же доказываетъ, что и движенiе металловъ и отношенiя потребленiя къ производству опредѣляются одною общей причиной,—развитiемъ народнаго хозяйства: если растетъ торговля и судоходство, страна не можетъ бѣднѣть. Какъ скоро было выяснено, что существуетъ причинная связь между ростомъ всего народнаго хозяйства и явленiями торговли и обмѣна, изученiе торговаго баланса и денежнаго обращенiя, на которомъ до тѣхъ поръ исключительно сосредоточивалось вниманiе, очевидно, должно было отступить на заднiй планъ. Мысль, направленная на экономическiе вопросы, не ограничивается наблюденiемъ отдѣльныхъ явленiй, а старается проникнуть въ причины и условiя дѣйствiя всѣхъ хозяйственныхъ силъ.

РЕАКЦIЯ ПРОТИВЪ МЕРКАНТИЛИЗМА.

Не смотря на глубокiя перемѣны, которыя произошли въ экономическомъ строѣ Англiи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, она упорно продолжала держаться прежней меркантилистической политики. Главною цѣлью ея правителей все также было достиженiе выгоднаго торговаго баланса, для чего внѣшнiя торговыя сношенiя подвергались самой мелочной регуляцiи, а внутреннее производство велось подъ строгою опекою государства. Какъ и въ былое время, экономическая дѣятельность гражданина была опутана цѣлою сѣтью разнообразныхъ правилъ и предписанiй. Правда, чѣмъ дальше мы идемъ въ глубь XVIII вѣка, тѣмъ чаще меркантилистическiя регуляцiи остаются только на бумагѣ; но, тѣмъ не менѣе, время отъ времени онѣ все-таки напоминаютъ о себѣ подъ влiянiемъ фанатизма правителей или служебнаго усердiя чиновниковъ. Если и въ прежнее время безпристрастнымъ наблюдателямъ по временамъ бросалось въ глаза несоотвѣтствiе меркантилистической политики съ истинными интересами страны, то въ эпоху полной реформы промышленнаго строя оно должно было давать чувствовать о себѣ на каждомъ шагу.

Нужно замѣтить, что Англiи не дешево досталась ея приверженность къ меркантилизму. Первымъ послѣдствiемъ этой политики были тарифныя войны съ Голландiей и Францiей. Извѣстно, что Голландiя издавна прiобрѣла громадныя богатства морской торговлей и рано развившимися мануфактурами; въ XVII вѣкѣ она была «морскимъ извозчикомъ всего мiра», по выраженiю того времени. Давняя задача англiйскихъ политиковъ состояла въ томъ, чтобы вырвать у Голландiи торговую

супрематію, средствомъ для чего считались ввозные тарифы, направленные противъ товаровъ голландскаго производства. Голландія въ свою очередь отвѣчала торговыми репрессаліями. Стоило, напримѣръ, Англіи запретить ввозъ чугуна изъ Фландріи, какъ Голландцы отвѣчали запретомъ ввоза шерсти изъ Англіи. Франція запретила въ концѣ XVII вѣка ввозъ нѣкоторыхъ издѣлій изъ Англіи, а послѣдняя отвѣтила на это запрещеніемъ ввоза французскихъ винъ въ Англію. Государства какъ бы старались перещеголять одно другое ловкими ходами въ области тарифной политики, но въ концѣ концовъ терпѣли невознаградимые ущербы, приходили къ обѣдненію.—Другія стороны меркантилистической политики также обнаружили себя въ Англіи. Извѣстно, какія эгоистическія цѣли преслѣдовала эта политика относительно колоній. Англія смотрѣла на свои внѣ-европейскія владѣнія, какъ на мѣсто производства сырья и рынокъ для произведеній своихъ мануфактуръ. Она всячески мѣшала основанію собственнаго мануфактурнаго производства въ колоніяхъ. Такъ, въ концѣ XVII вѣка нѣсколько американцевъ вздумали устроить у себя шерстяныя мануфактуры, а въ 1719 году эти мануфактуры были запрещены; желѣзные заводы не допускались въ Америкѣ; въ колоніяхъ развилось было съ большимъ успѣхомъ производство шляпъ, но по проискамъ англійскихъ фабрикантовъ ихъ американскимъ соперникамъ было запрещено ввозить шляпы въ Англію и даже перевозить изъ одной колоніи въ другую. Результатомъ подобныхъ притѣсненій было объявленіе независимости американскими колоніями, которое сразу лишило Англію плодовъ ея многолѣтней колоніальной политики.—Но, и помимо того, запретительныя мѣры во многомъ мѣшали интересамъ Англіи. Мы видѣли, что подъ вліяніемъ переворота въ формахъ производства въ Англіи ко второй половинѣ XVIII столѣтія стала быстро развиваться мануфактурная промышленность. Англійскія мануфактуры, стянувшія подъ своей крышей многія сотни рабочихъ, вскорѣ, благодаря раздѣленію занятій, довели свои издѣлія до небывалаго ранѣе совершенства и, главное, дешевизны. Другимъ странамъ было мудрено соперничать съ Англіей на ея собственныхъ рынкахъ; гораздо важнѣе было для нея открытіе иностранныхъ рынковъ, которые, между тѣмъ, въ отплату за узкую таможенную политику Англіи, были заперты для ея произведеній. Запретъ, наложенный на англійскіе товары въ другихъ государствахъ, былъ въ глазахъ каждаго англичанина живымъ протестомъ противъ меркантилистическихъ увлеченій его собственной страны.—Но англичанинъ-промышленникъ имѣлъ и кромѣ того много поводовъ сталкиваться съ неудобствами господствующей системы. Многочисленныя регуляціи промышленности, заимствованныя меркантилизмомъ отъ цехового періода, становились

совершенно безсмысленными въ виду чуть не ежедневно происходившихъ, съ переходомъ къ мануфактурамъ, перемѣнъ въ техникѣ производства и въ распредѣленіи занятій между участниками.

Явное несоотвѣтствіе началъ меркантилизма съ насущными жизненными потребностями развивавшагося государства вызвало сильное, направленное противъ него умственное движеніе, которое, постепенно разрастаясь, привело къ радикальной перемѣнѣ въ самыхъ основаніяхъ экономической политики и экономической науки. Слѣды этого движенія можно замѣтить еще въ XVII-мъ вѣкѣ среди полнаго расцвѣта меркантилизма, но своего апогея оно достигаетъ въ XVIII-мъ столѣтіи. Это движеніе идетъ двумя путями: во-первыхъ, въ чисто экономической области оно выражается въ протестѣ противъ взгляда на драгоцѣнные металлы, какъ на основу національнаго обогащенія, и въ доказательствѣ того положенія, что дары природы и трудъ человѣка суть единственные источники богатства. Истинной задачей государственной политики въ области хозяйства начинаетъ считаться не торговый балансъ, а возможно обильное снабженіе всего народа необходимыми предметами и удобствами жизни. Не торговля, а земледѣліе выдвигается на первый планъ, какъ важнѣйшая отрасль народной промышленности. Обычныя мѣры меркантилизма, запрещенія, покровительственныя пошлины, монополіи, преміи, привилегированныя компаніи, созданныя европейскими правительствами въ мнимомъ интересѣ покровительства мануфактурамъ и торговлѣ, разсматриваются скорѣе, какъ помѣха, нежели какъ поддержка ихъ. Свобода промышленности начинаетъ считаться за единственно вѣрный путь къ преуспѣянію народнаго хозяйства. Этотъ кругъ идей вначалѣ высказывается сдержанно и какъ бы случайно, но потомъ привлекаетъ къ себѣ лучшіе умы и встрѣчаетъ все болѣе и болѣе широкую поддержку среди образованнаго общества.

Уже въ половинѣ XVII-го столѣтія Вильямъ Петти высказалъ мысль, что источникомъ народнаго богатства служитъ трудъ, что богатство народа можетъ возрасти и безъ увеличенія денегъ. Еще рѣшительнѣе выступилъ въ защиту свободы промышленности Дедлей Нортъ въ книгѣ „Разсужденія о торговлѣ“, написанной въ 1691 году. Въ этомъ сочиненіи онъ доказывалъ, что весь свѣтъ относительно торговли составляетъ какъ бы одну націю, а всѣ остальныя націи суть какъ бы члены одного народа. Потеря торговли одной націей есть потеря не ея одной, а всего свѣта, ибо всѣ націи соединены своими интересами. Нельзя принуждать людей къ дѣятельности по предписанному образцу; это можетъ, пожалуй, принести кому-либо выгоду, но народъ черезъ это не пріобрѣтетъ ничего, ибо, что дается одному подданному, отнимается

у другого. Никакіе правительственные законы не могутъ установлять цѣнъ въ торговлѣ, такъ какъ цѣны устанавливаются сами, а если такіе законы существуютъ, то они составляютъ только помѣху. Нортъ такъ заканчиваетъ свою книгу: „Ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія, но только мирный трудъ людей и свобода создали торговлю и богатство".

Еще полнѣе и остроумнѣе развиты тѣ-же взгляды у англійскаго философа Юма. Этотъ талантливый мыслитель не оставилъ безъ вниманія и экономическихъ вопросовъ. У Юма нѣтъ цѣльнаго экономическаго трактата, но онъ написалъ нѣсколько отдѣльныхъ опытовъ по вопросамъ народнаго хозяйства, изданныхъ въ 1773 году, въ которыхъ онъ излагалъ свои взгляды на деньги, торговлю, ростъ и касался многихъ спорныхъ пунктовъ меркантилизма. Полемика съ меркантилизмомъ составляла главную его задачу. Деньги, по словамъ Юма,—только орудіе для того, чтобы облегчить обмѣнъ товаровъ; онѣ составляютъ не колеса торговли, а масло, благодаря которому движеніе этихъ колесъ становится мягче и легче. Самъ по себѣ большій или меньшій запасъ денегъ не имѣетъ никакого значенія; если онѣ и выгодны для кого, то единственно для правительства. Чтобы доказать это положеніе, онъ пользуется слѣдующимъ гипотетическимъ примѣромъ, который повторяется послѣ него почти у всѣхъ писателей по политической экономіи. «Предположимъ,— пишетъ Юмъ,—что въ одну ночь четыре пятыхъ всѣхъ денегъ Великобританіи исчезли. Не должны ли черезъ это пропорціонально упасть цѣны всякаго труда и товаровъ? Какая нація можетъ тогда конкурировать съ съ нами на чужихъ рынкахъ и продавать мануфактурныя издѣлія такъ дешево, какъ мы? Въ короткое время мы привеземъ назадъ наши деньги. Какъ скоро это произойдетъ, мы потеряемъ опять всѣ выгоды, которыми пользовались благодаря дешевымъ цѣнамъ труда и товаровъ, и деньги потекутъ отъ насъ вслѣдствіе обилія. Но возьмемъ,—продолжаетъ Юмъ,—обратный примѣръ: предположимъ, что количество денегъ Великобританіи въ одну ночь увеличилось въ пять разъ. Не должны ли черезъ это товары и трудъ сдѣлаться настолько дороги, что никакая другая нація не будетъ покупать у насъ ничего? Напротивъ, иностранные товары будутъ такъ дешевы, что, не смотря на всѣ запретительные законы, нашъ рынокъ будетъ переполненъ чужими товарами, и деньги потекутъ вонъ до тѣхъ поръ, пока мы не сравняемся съ сосѣдями». Этимъ примѣромъ Юмъ старается доказать, что измѣненіе въ количествѣ денегъ въ странѣ не можетъ произвести существеннаго переворота. Отсюда онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Подобно тому, какъ вода находится вездѣ на одномъ и томъ же уровнѣ, точно также деньги всегда

находятся въ равновѣсіи съ товарами, сообразно труду, прилежанію и искусству націи. Всякія искусственныя ограниченія и мѣры могутъ только вредить, но не помогать дѣлу». Такимъ образомъ, въ важнѣйшемъ пунктѣ меркантильной политики,—въ вопросѣ о деньгахъ, Юмъ безповоротно устанавляетъ тотъ принципъ, что деньги не могутъ создать богатства, а остаются въ странѣ въ соотвѣтствіи съ богатствомъ. Деньги— не причина богатства, а слѣдствіе его. Чѣмъ больше въ странѣ людей, больше трудолюбія и товаровъ, тѣмъ больше и денегъ; послѣднее всегда соразмѣрно первому [1]).

Гораздо важнѣе, нежели указанные протесты спеціально въ экономической области, были новыя теченія въ сферѣ философіи и политики. Еще отъ древняго міра перешли ученія, по которымъ человѣческій разумъ признавался источникомъ всякаго естественнаго и нравственнаго порядка. Эта мысль, лежащая въ основѣ стоической философіи, получила свое развитіе и дальнѣйшее выраженіе въ эпоху Возрожденія и Реформаціи, которыя представляли собой протестъ человѣческаго разума противъ традиціонныхъ формъ въ религіи, въ наукѣ и жизни. Дальнѣйшимъ шагомъ на этомъ пути было возникновеніе, такъ называемаго, «естественнаго права». Унаслѣдованныя отъ римскихъ юристовъ идеи естественнаго права [2]) получили свое новѣйшее выраженіе въ трудахъ знаменитыхъ государствовѣдовъ XVII вѣка. Рядъ этихъ мыслителей открывается Гуго Гроціемъ, который считается основателемъ новѣйшихъ государственныхъ ученій. Гроцій признаетъ, что въ человѣка вложено отъ природы могучее стремленіе къ общественности, равно какъ способность вырабатывать общія правила, которыя склоняются къ осуществленію общежитія. Естественное право есть предписаніе разума, которое показываетъ, что извѣстное дѣйствіе, вслѣдствіе его согласія или несогласія съ разумною природою человѣка, является или нравственно-необходимымъ, или нравственно-невозможнымъ. Дѣйствующее право должно находиться въ полномъ согласіи съ требованіями естественнаго; оно не можетъ предписывать того, что запрещается, и запрещать того, что повелѣвается послѣднимъ.—Слѣдующіе шаги въ выработкѣ естественнаго права сдѣланы были Гоббессомъ и Пуффендорфомъ. Естественные законы, по Гоббесу, неизмѣнны и вѣчны; никакой обычай или гражданскій законъ не можетъ измѣнить или устранить ихъ. Ученіе Пуффендорфа есть

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о перечисленныхъ англійскихъ писателяхъ можно найти въ сочиненіи проф. Янжула: „Англійская свободная торговля", т. I., гл. III и IV.

[2]) Ср. W. Hasbach, Die algemeinen philosophischen Grundlagen der politischen Oekonomie Kap. III.

система обязанностей, которыя природа и разумъ налагаютъ на человѣка. Особенную важную роль въ судьбахъ новаго ученія играли въ XVII вѣкѣ сочиненія Локка. Въ своемъ трактатѣ «О гражданскомъ правительствѣ» Локкъ исходитъ изъ понятія объ естественномъ состояніи, въ которомъ господствуютъ полная свобода и равенство. Въ этомъ состояніи люди находятся подъ владычествомъ законовъ природы и разума, которые запрещаютъ посягать на жизнь, здоровье и собственность, предписываютъ сохраненіе человѣческаго рода и уваженіе одного человѣка къ другому. Уже въ первобытномъ состояніи Локкъ допускаетъ собственность, которая, опираясь на вложенное въ человѣка стремленіе къ самосохраненію, слагается изъ продуктовъ его труда. Въ естественномъ состояніи нѣтъ положительныхъ законовъ, такъ какъ законъ природы ясенъ и простъ самъ по себѣ; но личный интересъ и невѣжество нерѣдко ослабляютъ его силу и порождаютъ столкновенія между людьми, которыя дѣлаютъ необходимымъ судью, который рѣшалъ бы споръ, и властъ, которая приводила бы въ исполненіе приговоры судьи. Такое извращеніе первоначальнаго состоянія человѣка даетъ происхожденіе гражданскому обществу, являющемуся, такимъ образомъ, какъ бы необходимымъ зломъ. Мы не будемъ входить въ дальнѣйшее изложеніе ученій Локка; замѣтимъ только, что у Локка заключаются уже въ основѣ всѣ главныя положенія политическаго индивидуализма: у него находится и ученіе о неприкосновенныхъ и отчуждаемыхъ правахъ человѣка, и о государствѣ безъ власти, которое призвано лишь защищать свободу и собственность, и котораго единственная цѣль состоитъ въ охраненіи права. Локкъ устраняетъ, какъ несогласныя съ естественными законами, всѣ ограниченія свободы индивидуума, не вытекающія изъ единственной задачи,—защиты свободы и правъ другихъ лицъ. Одинъ изъ новѣйшихъ писателей по исторіи государственныхъ идей справедливо замѣчаетъ, что въ теоріи Локка отразились стремленія богатыхъ среднихъ классовъ Англіи въ защитѣ ихъ свободы и собственности противъ нападокъ королевской власти, которыя были особенно тягостны въ эпоху Стюартовъ; желаніе оградить себя отъ притѣсненій государства заставляло стремиться къ возможному ослабленію послѣдняго. Такимъ образомъ, освободительное движеніе въ мірѣ идей имѣло свою основу и въ жизненныхъ интересахъ.

Физіократы. Въ срединѣ XVIII-го вѣка освободительное движеніе перенеслось во Францію и здѣсь слилось съ тѣмъ широкимъ потокомъ идей, который, подъ вліяніемъ Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ, овладѣлъ лучшими умами и подготовилъ переворотъ существовавшаго государственнаго и общественнаго строя. Здѣсь движеніе пріобрѣло силу

и страстность, которыхъ оно не имѣло въ Англіи. И это понятно, такъ какъ слабости меркантилизма нигдѣ не обнаружились съ такою очевидностью и не стоили націи такъ дорого, какъ во Франціи. Политика Кольбера доставила Франціи блестящія мануфактуры, которыя разнесли славу ея промышленности по всему свѣту; но та же политика втянула Францію не только въ тарифную борьбу, но даже въ прямыя войны, которыя разстроили финансы, ввели страну въ неоплатные долги и привели ее въ эпоху Ло къ постыдному государственному банкротству. Сосредоточивая всѣ силы государства и страны на покровительствѣ крупной мануфактурной промышленности, Кольберъ и его послѣдователи отвлекли капиталы и трудъ отъ земли и привели сельское хозяйство въ состояніе крайняго застоя и отсталости.

Безпорядки въ хозяйственной жизни народа давали обильную пищу скептицизму, который охватилъ французское общество подъ вліяніемъ новой философіи. Свобода и уваженіе къ человѣческой личности, господство разума и религіозная терпимость, свободное изслѣдованіе и оппозиція государственному произволу сдѣлались содержаніемъ лучшихъ произведеній времени. Реакція абсолютизму вызвала доктрину о свободѣ личности въ области хозяйства; противодѣйствіе изнѣженной придворной роскоши выразилось въ поклоненіи природѣ и ея законамъ. Въ противоположность привилегіямъ знатныхъ, выступаетъ требованіе равнаго для всѣхъ права на нравственное и матеріальное развитіе. Какъ противодѣйствія оковамъ, которыми тогдашнее законодательство связывало всю жизнь человѣка, явилось почитаніе естественнаго права. Эта идея естественнаго права сдѣлалась въ рукахъ мыслителей XVIII-го вѣка могущественнымъ орудіемъ для разрушенія стараго порядка. Идеальный естественный строй общества сопоставлялся съ дѣйствительно существовавшимъ и оттѣнялъ слабыя стороны послѣдняго. Природа человѣка, одинаковая и неизмѣнная, противополагалась искусственности всего общественнаго быта, какъ самородный, неизсякаемый источникъ всякаго разума и всякаго блага. Все прекрасно,—говорилъ Руссо,—что исходитъ изъ рукъ Творца; все искажается въ рукахъ человѣка. Кондорсе училъ, что если бы человѣкъ повиновался законамъ природы, то нельзя было бы положить границъ его благоденствію. Новая теорія представляла себѣ общество, какъ совокупность множества индивидуумовъ, надѣленныхъ равными естественными правами. Если и не всѣ члены общества обладаютъ одинаковыми способностями, то всѣ одинаково хорошо понимаютъ собственный интересъ и самою природой понуждаются слѣдовать его указаніямъ. Общественный союзъ есть договоръ между этими индивидуумами, предметомъ котораго служитъ ограниченіе естественной

свободы каждаго, поскольку она является несовмѣстимою съ правами другихъ лицъ. Правительственная власть можетъ простирать свое вмѣшательство лишь до того предѣла, при которомъ оно безусловно необходимо въ интересахъ гарантіи точнаго выполненія общественнаго договора. Въ экономической области отсюда вытекаетъ право индивидуума на всѣ естественныя блага, которыя онъ можетъ пріобрѣсти своимъ трудомъ. Каждому гражданину должно быть предоставлено право извлекать наибольшую выгоду изъ употребленія своихъ силъ. Поэтому должна быть обезпечена полная свобода труда и обмѣна, соперничество на рынкѣ должно быть неограниченное, и никакія привилегіи не должны имѣть мѣста.

На почвѣ изображеннаго ученія развилась теорія физіократовъ или экономистовъ; это было примѣненіе того же ученія къ области народнаго хозяйства. Физіократы, или проповѣдники господства природы, учили, что въ основѣ промышленнаго міра лежитъ глубокій внутренній порядокъ, который поддерживается непреложными естественными законами, вытекающими изъ условій физической и нравственной природы человѣка и его отношеній къ внѣшнему міру. Съ этимъ порядкомъ должны сообразоваться какъ отдѣльныя лица, такъ и правительства, если желаютъ, чтобы ихъ практическія мѣры достигали предположенной цѣли. Задача науки, по воззрѣніямъ школы, заключается не въ изысканіи мѣръ къ обогащенію народа, а въ изученіи и научномъ разъясненіи порядка, господствующаго въ человѣческомъ обществѣ. Школа физіократовъ опредѣляла политическую экономію какъ науку объ естественномъ порядкѣ человѣческихъ обществъ.

Экономическое ученіе физіократовъ даже въ положительной своей части носитъ явные слѣды полемики противъ существовавшихъ заблужденій. — Извѣстно, что въ ихъ время, подъ вліяніемъ обычныхъ воззрѣній меркантилизма, земледѣліе было угнетено и забыто. Родоначальникъ физіократической школы, лейбъ-медикъ Людовика XIV, Франсуа Кене (Quesnay), самъ деревенскій уроженецъ, былъ проникнутъ живѣйшею симпатіей къ судьбамъ сельскихъ классовъ. Стремленіе поднять эти угнетенные классы было естественнымъ результатомъ близкаго его знакомства съ ихъ судьбою и присущаго его душѣ чувства справедливости. Но физіократы не ограничивались однимъ желаніемъ уравнять въ мнѣніи общества интересы земледѣлія съ прочими отраслями производства, въ особенности съ покровительствуемою фабричною промышленностью. Они поставили сельское хозяйство во главу угла всей промышленной системы, приписали ему исключительную производительность, въ которой отказали другимъ отраслямъ. Нельзя не прибавить, что въ этомъ поклоненіи

земледѣлію немаловажную роль играла пробудившаяся въ изнѣженномъ французскомъ обществѣ того времени симпатія къ природѣ и первобытной простотѣ, которая проявлялась въ то время во Франціи во множествѣ разнообразныхъ формъ, начиная съ нѣжныхъ идиллій и пасторалей въ поэзіи и музыкѣ и кончая «Эмилемъ» Руссо и «Кодексомъ натуры» Гольбаха.

Преувеличенное расположеніе къ земледѣлію послѣдовательно привело физіократовъ къ цѣлому ряду одностороннихъ выводовъ, наложившихъ свою печать на всю ихъ экономическую теорію. Богатство, по ихъ мнѣнію, состоитъ въ совокупности сырыхъ продуктовъ, пригодныхъ для пользованія человѣка. Такими матеріалами снабжаетъ общество исключительно земледѣліе; только земледѣльческій трудъ производитъ прибавку къ суммѣ матеріаловъ, идущихъ на удовлетвореніе потребностей человѣка. Лишь въ земледѣльческомъ промыслѣ, за покрытіемъ издержекъ производства, остается извѣстный излишекъ, чистый доходъ, который и присоединяется къ народному богатству. Отъ высоты этого чистаго дохода зависитъ благосостояніе общества и возможность его дальнѣйшихъ успѣховъ. Во всѣхъ другихъ родахъ труда не прибавляется ничего къ существовавшему дотолѣ запасу полезныхъ предметовъ. Мануфактуристъ только придаетъ новую форму матеріаламъ, извлеченнымъ изъ земли; возвышеніе цѣны, замѣчаемое въ предметѣ, послѣ того какъ онъ прошелъ черезъ руки мануфактуриста, выражаетъ и покрываетъ собою лишь затрату продовольственныхъ запасовъ и прочихъ матеріаловъ, потребленныхъ при его выработкѣ. Торговля только перемѣщаетъ товары изъ одного мѣста въ другое, но ничего не прибавляетъ къ существующему богатству. Если торговые классы и выигрываютъ что-нибудь, то ихъ барышъ пріобрѣтается за счетъ всей націи. Занятія мануфактуриста и торговца, какъ и представителя такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, хотя полезны для общества, но безплодны (stériles), такъ какъ они извлекаютъ свой доходъ не изъ какого-либо фонда, создаваемаго ими самими, а изъ излишка продуктовъ земледѣльца.

Для того, чтобы земля могла доставить чистый доходъ и тѣмъ обезпечить благосостояніе какъ сельскихъ классовъ, такъ и непроизводительнаго населенія и, слѣдовательно, цѣлаго государства, самымъ существеннымъ и основнымъ требованіемъ является предоставленіе индивидууму полной свободы дѣйствій. Если государство не будетъ вмѣшиваться въ условія заключенія договора между землевладѣльцемъ и арендаторомъ, то сама конкуренція позаботится о томъ, чтобы при этомъ было обезпечено производство затратъ, необходимыхъ для успѣшнаго хода земледѣлія. Съ другой стороны, при обработкѣ земледѣльческихъ произведеній

ремесленниками, собственный интересъ послѣднихъ и соперничество приведутъ къ тому, что ихъ издержки на средства продовольствія и производства будутъ наименьшими. Но всего меньше основаній для вмѣшательства государства въ сферѣ торговли. При свободной торговлѣ обмѣниваются другъ на друга разныя цѣнности безъ потери, но и безъ барыша для страны. Каждая покупка есть продажа, каждая продажа есть покупка; никто не покупаетъ больше, чѣмъ продаетъ. При помощи денегъ покупаются товары; при помощи товаровъ продаются деньги. Такимъ образомъ, покупать и продавать—значитъ, обмѣнивать одну цѣнность на другую. Торговлю создаютъ не купцы, а потребители. Въ торговлѣ, какъ и въ другихъ отрасляхъ общественной жизни, интересы всѣхъ индивидуумовъ, не стѣсняемые ничьимъ вмѣшательствомъ, необходимо совпадаютъ съ общей пользой. Физіократы считали невозможнымъ, чтобы при торговлѣ, предоставленной собственному теченію, частные интересы не совпали съ общими. Не мудрено, что при такихъ взглядахъ на значеніе свободы основнымъ девизомъ физіократовъ была знаменитая фраза «laissez faire, laissez passer».

Ученіе физіократовъ произвело громадное впечатлѣніе на образованные классы своего времени. Кромѣ новизны идей, этому не мало способствовало обаяніе личности ея основателей. Кене среди изнѣженнаго и развратнаго двора сохранилъ чистоту нравовъ и простоту привычекъ простого земледѣльца. Не смотря на чрезвычайную близость къ королю, доходившую до того, что послѣдній читалъ корректуры сочиненія Кене, послѣдній оставался далекъ отъ политическихъ интригъ и искательства. Въ столь же привлекательныхъ чертахъ представляется личность Тюрго, друга и вѣрнаго послѣдователя Кене. Возвысившись до званія перваго министра, Тюрго поставилъ цѣлью жизни осчастливить Францію чрезъ осуществленіе любимыхъ теорій, въ которыя онъ безусловно вѣрилъ. Какимъ высокимъ одушевленіемъ дышатъ написанныя имъ объяснительныя записки къ законамъ, вышедшимъ въ теченіе его кратковременнаго управленія! Какъ великъ онъ былъ въ самомъ своемъ паденіи, когда онъ счелъ лучшимъ безропотно удалиться въ уединеніе, нежели поступиться хоть частью своихъ любимыхъ плановъ!

Однако, впечатлѣніе, произведенное физіократами, не смотря на всю его силу, не было продолжительно. Скоро ему пришлось уступить другому, болѣе глубокому вліянію, которое исходило на этотъ разъ изъ Англіи. Въ эпоху наибольшаго увлеченія физіократическими идеями въ Англіи появилось сочиненіе д-ра Адама Смита, которое заставило позабыть объ экономической таблицѣ Кене и о блестящихъ мемуарахъ Тюрго. Слѣдуя по тому же пути, работая даже подъ прямымъ вліяніемъ пред-

ставителей физiократизма, Смитъ сумѣлъ, однако, основать вполнѣ новую систему, которая дала толчекъ человѣческой мысли на цѣлое столѣтiе и привела къ полному паденiю всѣхъ остатковъ стараго экономическаго порядка.

АДАМЪ СМИТЪ.

Характеристика взглядовъ Смита. Сочиненiе Адама Смита, какъ бы ни смотрѣли на него люди разныхъ партiй, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ произведенiй человѣческаго ума. Бокль въ своей знаменитой «Исторiи цивилизацiи въ Англiи» называетъ «Богатство народовъ» важнѣйшею изъ книгъ, когда-либо написанныхъ, и прибавляетъ, что авторъ этого сочиненiя обнародованiемъ его больше способствовалъ счастью человѣчества, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые политики и законодатели своимъ государственнымъ искусствомъ. Извѣстный англiйскiй экономистъ, бывшiй издатель лучшаго экономическаго журнала въ Англiи, Вальтеръ Бэджготъ, выражается о сочиненiи Смита, что никакой продуктъ философскаго мышленiя, за исключенiемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ богословскихъ системъ, которыя не могутъ и итти въ сравненiе, не оказалъ тысячной доли того влiянiя, какое было произведено «Богатствомъ народовъ». «Благодаря этому сочиненiю,—прибавляетъ онъ,—жизнь каждаго англичанина сдѣлалась иною и лучшею» [1]). Еще восторженнѣе говоритъ о томъ же извѣстный историкъ политической экономiи Кауцъ. «Богатство народовъ» представляетъ одно изъ тѣхъ немногихъ могучихъ созданiй человѣческаго ума, которыя, являясь лишь одинъ разъ въ теченiе столѣтiй, воплощаютъ въ себѣ духовное богатство цѣлыхъ поколѣнiй и служатъ путеводными столбами въ ходѣ развитiя человѣчества». Быть можетъ, приведенные отзывы преувеличены, но, во всякомъ случаѣ, высокiй научный авторитетъ лицъ, ихъ высказавшихъ, ручается за то, что въ нихъ если и не все правда, то, по крайней мѣрѣ, значительная доля правды. Если такъ, то невольно является вопросъ: въ чемъ же заключается секретъ влiянiя, оказаннаго скромнымъ шотландскимъ профессоромъ, котораго жизнь не представляетъ рѣшительно ничего замѣчательнаго, такъ какъ она прошла въ тиши кабинета?

Главная причина влiянiя Смита состоитъ въ томъ, что онъ воплотилъ въ себѣ лучшiя стремленiя вѣка. Все то, чѣмъ жило и къ чему стремилось XVIII столѣтiе, нашло въ Смитѣ вѣрнаго выразителя и талантливаго истолкователя. Чрезъ весь трудъ Смита проходитъ страстная любовь къ свободѣ и ненависть ко всякимъ стѣсненiямъ, которыя подъ

---

[1]) Bagehot. Essays, 72.

разными предлогами налагаются на человѣка человѣкомъ. Онъ снабдилъ замѣчательными по ясности и несокрушимыми по силѣ аргументами ту оппозицію противъ государственной опеки и произвола, которая жила въ душѣ каждаго человѣка XVIII столѣтія. Онъ воспринялъ духовное наслѣдіе лучшихъ умовъ своего времени, самостоятельно переработалъ его и привелъ въ стройную систему то, что ранѣе являлось въ разбросанномъ и отрывочномъ видѣ.

Нѣжное дружество съ Юмомъ и близкое знакомство съ физіократами во время пребыванія въ Парижѣ въ 1756 году ввели Смита въ кругъ идей, которымъ принадлежало будущее. Существуютъ различныя мнѣнія объ отношеніи Смита къ физіократамъ; нѣкоторые, напримѣръ, Skarzynsky, считаютъ его чуть не плагіаторомъ Кене и его послѣдователей. Несомнѣнно, это крайность: Смитъ въ весьма многомъ расходился съ физіократами; стоитъ прочесть соотвѣтствующую главу 4-й книги «Богатства народовъ», чтобы убѣдиться въ существенномъ различіи ихъ мнѣній по многимъ пунктамъ. Но, тѣмъ не менѣе, очевидно, — и это сознавалось самимъ Смитомъ, — что и онъ, и физіократы шли къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ; они боролись противъ общихъ враговъ и стремились къ тѣмъ же идеаламъ независимости и свободы человѣка. Въ частности, уваженіе Смита Кекъ не было такъ велико, что, по свидѣтельству Дюгальда Стюарта, ученика и біографа Смита, онъ посвятилъ бы Кене «Богатство народовъ», если бы только родоначальникъ физіократіи оставался къ тому времени въ живыхъ. Смитъ прямо заявляетъ, что система Кене представляетъ, не смотря на всѣ ея несовершенства, наибольшее приближеніе къ истинѣ, какое когда-либо достигалось въ области политической экономіи [1]). Наравнѣ съ физіократами, Смитъ считалъ главною своей миссіей критику существовавшей до него покровительственной системы и, какъ мы увидимъ далѣе, успѣшно выполнилъ крупную долю этой задачи мыслителей XVIII вѣка. Но великую заслугу Смита составляетъ то, что онъ не ограничился одною работой разрушенія стараго обветшавшаго зданія, а положилъ прочный фундаментъ для новой созидательной работы въ области мысли и жизни. Смитъ въ спеціальной его сферѣ не только искоренялъ заблужденія и предразсудки и расчищалъ почву для истины, но оставилъ обширное положительное наслѣдство въ видѣ основательныхъ анализовъ экономическихъ фактовъ и идей и мудрыхъ практическихъ указаній по разнымъ вопросамъ жизни [2]).

Съ другой стороны ключъ къ разгадкѣ могущественнаго вліянія Адама Смита дается самымъ характеромъ его сочиненія. У Смита поли-

---

[1]) Ingram, 88. [2]) Ingram.

тическая экономія еще не вышла изъ естественной связи съ другими общественными науками, что мы встрѣчаемъ у большинства его послѣдователей. Ученіе о богатствѣ народовъ явилось у Смита частью полнаго курса лекцій по моральной философіи, который слагался изъ четырехъ частей: естественнаго богословія, этики, юриспруденціи и политической экономіи. Два первые отдѣла курса были разработаны Смитомъ въ его знаменитомъ сочиненіи «Теорія нравственныхъ чувствъ», появившемся въ 1759 году. Что касается до лекцій по юриспруденціи, то онѣ не дошли до насъ, но, судя по сообщенію его ученика, профессора Миллара, онъ слѣдовалъ въ нихъ плану Монтескье, стараясь изобразить постепенный прогрессъ правовыхъ идей и учрежденій, начиная съ первобытныхъ періодовъ и доходя до временъ самой утонченной цивилизаціи [1]). Отдѣлъ юриспруденціи тѣсно сливался въ умѣ Смита съ экономическимъ отдѣломъ и составлялъ съ нимъ одно неразрывное цѣлое. Въ «Богатствѣ народовъ» находится не одно только полное и всестороннее изложеніе теоріи народнаго хозяйства, но, кромѣ того, въ третьей книгѣ — цѣлый историческій очеркъ причинъ, которыя привели Европу изъ состоянія первобытнаго варварства въ ея настоящій видъ, въ четвертой—изложеніе и критика современнаго Смиту промышленнаго законодательства и политики, а въ пятой—подробный очеркъ внутренняго управленія и финансовъ. Такимъ образомъ, сочиненіе Смита давало читателю цѣлую законченную систему экономическихъ знаній, проникнутую и связанную нѣсколькими основными началами. Для любознательнаго человѣка XVIII вѣка эта книга представляла нѣчто въ родѣ энциклопедіи, которая приводила въ гармонію всѣ его понятія и сообщала цѣльное міросозерцаніе.

Нельзя затѣмъ не обратить вниманія на самый методъ изложенія «Богатства народовъ». Смитъ, какъ справедливо выразился Питтъ въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ общинъ въ 1792 году, соединялъ въ своемъ лицѣ глубину философскаго мышленія съ обширнѣйшимъ познаніемъ жизни, что и дѣлало его, по мнѣнію Питта, особенно способнымъ къ «наилучшему рѣшенію всякаго вопроса, связаннаго съ торговыми и экономическими интересами». Смитъ никогда не покидаетъ окружающей его дѣйствительной жизни, постоянно изображая передъ читателемъ состоянія и отношенія людей и вещей такъ, какъ они проходили передъ его глазами. По справедливому замѣчанію Юма, сдѣланному послѣ перваго прочтенія «Богатства народовъ», у Смита общіе принципы постоянно иллюстрируются любопытнѣйшими фактами [2]). Смитъ является въ своей книгѣ не столько отвлеченнымъ мыслителемъ, сколько наблюдателемъ,

---

[1]) Cliffe Leslie. Essays, 15. [2]) Ingram, 123.

пишущимъ о промышленномъ мірѣ, среди котораго онъ жилъ. Онъ въ большинствѣ случаевъ изображаетъ передъ нами Англію его времени, времени Питта и Фокса.

Указанное свойство составляетъ причину нѣкоторыхъ недостатковъ книги Смита въ литературномъ отношеніи: въ ней находится масса фактовъ, имѣющихъ лишь временный интересъ. Онъ иногда быстро перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, пускается въ длинныя отступленія, на манеръ людей, которые привыкли больше наблюдать детали, нежели подводить имъ общіе итоги. У него нѣтъ, быть-можетъ, той могучей силы абстрактнаго разсужденія, которую мы находимъ у нѣкоторыхъ его послѣдователей, особенно у Рикардо. Но зато его даръ заключается въ обширности и разнообразіи наблюденій и въ удивительномъ умѣньи иллюстрировать свою мысль и доводить ее до послѣдней степени ясности. Изучая его,—говоритъ Тоинби,—мы въ его лицѣ, какъ въ лицѣ Платона, приходимъ въ соприкосновеніе съ великимъ оригинальнымъ умомъ, который учитъ насъ, какъ слѣдуетъ мыслить и дѣйствовать[1]). Это рѣдко встрѣчающееся сочетаніе способностей къ отвлеченному мышленію съ даромъ собиранія фактовъ должно было обезпечить книгѣ Смита высокую популярность въ средѣ какъ ученыхъ, такъ и практическихъ дѣятелей.

Что у Смита была способность и привычка къ отвлеченному мышленію,—это не удивительно въ ученикѣ шотландскихъ философовъ и воспитанникѣ французской литературы XVIII вѣка. Смитъ въ раннихъ годахъ поступилъ въ Гласговскій университетъ, гдѣ увлекся лекціями профессора Гётчесона по нравственной философіи; а Гётчесонъ выводилъ всю этику изъ нѣкоторыхъ основныхъ свойствъ человѣческой природы. Вслѣдъ за тѣмъ Смитъ подпалъ подъ вліяніе Юма, остроуміе котораго въ дедуктивномъ мышленіи общеизвѣстно. Наконецъ, эта подготовка была довершена близкимъ знакомствомъ съ французскими философами и экономистами его времени. Еще въ бытность профессоромъ въ Гласговѣ Смитъ началъ увлекаться умственнымъ движеніемъ, происходившимъ во Франціи, и завелъ переписку съ нѣкоторыми тогдашними дѣятелями; но ему хотѣлось вступить съ французскими мыслителями въ личныя сношенія, что, между тѣмъ, представлялось неосуществимымъ для человѣка со скромными профессорскими средствами. И вотъ онъ бросаетъ каѳедру и беретъ мѣсто воспитателя одного молодого аристократа, герцога Бёклея, только потому, что его ученикъ долженъ былъ на долгое время отправиться въ Парижъ. Въ Парижѣ молодой ученый, уже прославив-

1) Toynbee, 82.

шійся своимъ сочиненіемъ «Теорія нравственныхъ чувствъ», былъ съ полнымъ радушіемъ принятъ въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ и воспріялъ идеи о «кодексѣ природы», объ естественномъ правѣ и первоначальномъ порядкѣ человѣческихъ обществъ изъ устъ самихъ ихъ главныхъ проповѣдниковъ. При такой подготовкѣ какъ было не явиться навыку къ абстрактнымъ выводамъ и вкусу къ нимъ? Труднѣе, повидимому, объяснить, откуда у человѣка съ изложеннымъ выше воспитаніемъ, проведшаго при томъ весь свой вѣкъ надъ книгой, произошло рѣдкое знакомство съ подробностями практической жизни и богатство дѣлового опыта, которое всегда бросалось въ глаза читателямъ «Богатства народовъ»? Комментаторы Смита, въ особенности Клифъ-Лесли, указываютъ на то, что, наряду съ энциклопедистами и физіократами, Смитъ высоко цѣнилъ Монтескье, котораго онъ называлъ величайшимъ умомъ своего вѣка. Въ послѣдніе годы жизни Смитъ даже подготовлялъ комментарій на «Духъ законовъ» [1]); а это сочиненіе, какъ извѣстно, построено на чисто индуктивномъ пріемѣ изслѣдованія; анализъ причинъ различныхъ общественныхъ состояній основывается въ немъ на изученіи исторіи и явленій дѣйствительнаго міра. Знакомство съ трудами Монтескье, конечно, должно было умѣряющимъ образомъ дѣйствовать на дедуктивныя увлеченія автора «Богатства народовъ»; но оно не могло дать ему знанія жизненныхъ подробностей, о которыхъ была рѣчь выше. Это знаніе получено Смитомъ, всего вѣроятнѣе, отъ того общества, въ которомъ ему приходилось вращаться въ Гласговѣ. Гласговъ въ эпоху профессорства Смита представлялъ изъ себя небольшой быстро развивавшійся торговый городъ. Въ немъ имѣлось избранное общество образованныхъ промышленниковъ и купцовъ, въ которомъ Смитъ былъ своимъ человѣкомъ. Ежедневное обращеніе въ этомъ кругу, по самому роду своихъ занятій привязанномъ къ разнообразнымъ промышленнымъ интересамъ, послужило для наблюдательнаго профессора богатѣйшимъ источникомъ житейскихъ знаній и замѣнило для него собственный дѣловой опытъ. Такимъ образомъ, въ самыхъ обстоятельствахъ личной жизни Смита заключался залогъ тѣхъ его умственныхъ особенностей, которыя подготовили блестящій успѣхъ его произведеніямъ.

Въ чемъ же собственно состоитъ міросозерцаніе Смита, которому суждено было вскорѣ сдѣлаться принадлежностью всѣхъ образованныхъ людей?

Характеристика міросозерцанія Ад. Смита. Смиту предстояла нелегкая задача показать, какимъ образомъ изъ усилій единичныхъ лицъ слагается

---

[1]) Ingram, 93.

тотъ сложный міръ явленій, который именуется народнымъ хозяйствомъ; что приводитъ въ порядокъ эти единичныя усилія и даетъ имъ правильное сочетаніе? Предшествующая исторія дала два различныхъ отвѣта на этотъ вопросъ. Самый простой отвѣтъ подсказывала аналогія съ нашимъ обыденнымъ опытомъ въ единичномъ хозяйствѣ. Подобно тому, какъ порядокъ въ домѣ водворяется личною распорядительностью хозяина, точно такъ же и въ цѣломъ обществѣ правильное сочетаніе единичныхъ усилій можетъ быть достигнуто лишь сознательною дѣятельностью власти, которая, стоя выше отдѣльныхъ индивидуумовъ, направляетъ ихъ къ общему благу. Отдѣльное лицо представлялось при такомъ взглядѣ слишкомъ испорченнымъ по своей природѣ, чтобы быть въ состояніи, безъ опытнаго руководства властной руки, обезпечить правильное удовлетвореніе потребностей общежитія. Такъ смотрѣли на человѣка средневѣковое право и практика городскихъ и цеховыхъ властей; такой же взглядъ свойственъ былъ меркантилизму; подобнымъ же образомъ отвѣчаютъ на поставленный выше вопросъ и всѣ соціалистическія системы, начиная съ Платона. Смитъ, за одно съ цѣлой группой философовъ и экономистовъ XVIII-го вѣка, даетъ на тотъ же вопросъ совершенно иной отвѣтъ. Въ основѣ хозяйственнаго міра лежитъ, по его воззрѣнію, самостоятельный, внутренній порядокъ, который создаетъ гармонію между усиліями отдѣльныхъ лицъ, независимо отъ какого бы то ни было воздѣйствія власти.

Внутренній порядокъ хозяйственнаго общежитія достигается, по Смиту, свободною дѣятельностью отдѣльныхъ индивидуумовъ. Мудрая природа вложила въ каждаго неудержимое стремленіе улучшить свое состояніе; каждый человѣкъ старается въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ достигнуть наибольшей выгоды или, что то же, получить для себя высшую пользу при наименьшихъ пожертвованіяхъ. Непрерывно руководимый этимъ хозяйсвеннымъ разсчетомъ, человѣкъ всегда избираетъ такіе способы приложенія своего труда и капитала, которые оказываются самыми выгодными въ данное время, и немедленно бросаетъ ихъ, какъ скоро они утрачиваютъ свою прибыльность. Остановившись на извѣстномъ родѣ дѣла, человѣкъ сосредоточиваетъ всѣ свои помыслы на томъ, чтобы примѣнить самые совершенные техническіе пріемы и придать продуктамъ самую высшую полезность. Когда человѣкъ долженъ мѣнять свои продукты, то тѣмъ же вѣчно живущимъ въ его душѣ хозяйственнымъ интересомъ онъ побуждается употреблять всѣ мѣры, чтобы дороже продать свои продукты и дешевле купить чужіе. Если человѣку приходится нанимать другихъ или самому наниматься на работу, отдавать или брать въ пользованіе землю или капиталъ, то во всѣхъ этихъ

случаяхъ онъ, повинуясь тому же разсчету, точно такъ же принимаетъ рѣшенія, которыя въ результатѣ дадутъ ему наибольшую выгоду при наименьшихъ пожертвованіяхъ. Словомъ, куда бы мы ни обратились въ промышленной жизни, мы всюду увидимъ, что если только человѣкъ имѣетъ передъ собою свободу выбора, онъ изберетъ наивыгоднѣйшіе пути. Сама природа, вложивъ въ него неотложныя потребности и одаривъ разумомъ, позаботилась о такомъ направленіи его дѣйствій.

Но Смитъ не только вѣрилъ, что человѣкъ, предоставленный самому себѣ, какъ бы инстинктивно, въ силу мотивовъ, вложенныхъ въ него природой, желаетъ и умѣетъ находить для себя на поприщѣ экономической жизни самый вѣрный и выгодный путь; онъ имѣлъ, кромѣ того, твердое убѣжденіе, что тотъ образъ дѣйствій, который диктуетъ человѣку его личная выгода, всего болѣе совпадаетъ и съ истинными интересами общества. Это нѣсколько мистическое представленіе о какомъ-то естественномъ, внѣ человѣческой воли лежащемъ законѣ, который направляетъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ ко благу цѣлаго, выражено совершенно опредѣленно во многихъ мѣстахъ «Богатства народовъ». Вотъ на выдержку два мѣста. «Каждый человѣкъ старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе изъ своего капитала; правда, что онъ имѣетъ при этомъ въ виду лишь свой собственный интересъ, а вовсе не общественную пользу; но забота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ его избрать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества» (т. II, 261). «Преслѣдуя свою собственную выгоду,—говоритъ Смитъ въ другомъ мѣстѣ, — человѣкъ часто работаетъ на пользу общую болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если бы прямо задался такою цѣлью» (264). Въ той же главѣ, показавъ, что каждый человѣкъ старается употребить свой капиталъ на поддержаніе домашней промышленности и направляетъ эту промышленность такъ, чтобы ея продукты имѣли наибольшую цѣнность, чрезъ что естественно увеличивается валовой доходъ націи, Смитъ прибавляетъ: «Человѣкъ при этомъ никогда не хлопочетъ объ общественномъ интересѣ и не знаетъ даже какъ и содѣйствовать ему; онъ заботится только о собственномъ выигрышѣ, и однакожъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ приводится къ цѣли, которая не входила въ его намѣренія». Упоминанія о «невидимой рукѣ», разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ «Богатства народовъ», а еще болѣе въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ», подали поводъ нѣкоторымъ комментаторамъ Смита, именно Клифъ-Лесли, а вслѣдъ за нимъ и профессору Янжулу въ его извѣстной книгѣ объ «Англійской свободной торговлѣ», предположить, что мысль о гармоніи частныхъ и общественныхъ интересовъ въ области хозяйства

навѣяна на Смита теологическими воззрѣніями, которыя ему пришлось усвоить при преподаваніи нравственной философіи. Представленія о кодексѣ природы, унаслѣдованныя отъ классической философіи и римской юриспруденціи, смѣшались будто бы у него съ теологической идеей о великомъ, благомъ и премудромъ существѣ, которое управляетъ всѣми движеніями природы и постоянно ведетъ ихъ къ тому, чтобы въ результатѣ получалась наибольшая сумма счастья. Какъ, повидимому, ни подкрѣпляется такое воззрѣніе ссылками на мѣста, гдѣ идетъ рѣчь о «невидимой рукѣ», но мы склонны считать такія мѣста скорѣе традиціонными фразами, до которыхъ англичане такіе охотники, нежели выраженіемъ дѣйствительнаго убѣжденія автора «Богатства народовъ». Это произведеніе во всѣхъ важнѣйшихъ частяхъ слишкомъ проникнуто чисто свѣтскимъ, даже, скажемъ больше, чисто матеріалистическимъ взглядомъ, чтобы можно было серьезно относиться къ стоящимъ въ противорѣчіи съ нимъ отдѣльнымъ выраженіямъ. Если бы авторъ придавалъ серьезное значеніе мысли о «невидимой рукѣ», ему не къ чему было бы входить въ анализъ тѣхъ способовъ, которыми игра частныхъ интересовъ приводитъ въ концѣ концовъ къ общему благу; между тѣмъ, онъ постоянно прибѣгаетъ къ подобнымъ анализамъ, и здѣсь-то и проявляется наибольшее его остроуміе. А разъ данъ подобный анализъ, какъ, напримѣръ, было и въ приведенномъ выше мѣстѣ о внутренней торговлѣ, то ссылка на «невидимую руку» является уже въ сущности излишнею и ненужною. Если выяснено, что борьба интересовъ производителей и потребителей не позволитъ первымъ направить свой трудъ и капиталъ на предметы не нужные или сбыть ихъ потребителю по цѣнѣ, не соотвѣтствующей издержкамъ производства; что въ предѣлахъ одной и той же отрасли соперничество предпринимателей не дастъ удержаться на промышленной аренѣ тѣмъ хозяевамъ, которые не сумѣютъ или не захотятъ воспользоваться лучшими изъ существующихъ въ данное время орудій и пріемовъ производства,—то къ чему еще ссылаться на какое-то провиденціальное вмѣшательство при доказательствѣ той мысли, что народное производство частными усиліями направляется на выгоднѣйшіе для всѣхъ пути?

Признаніе личнаго интереса за основную силу, непрерывно руководящую человѣческою дѣятельностью въ области хозяйства и вѣра въ совпаденіе дѣйствій, продиктованныхъ этимъ интересомъ, съ выгодами цѣлаго общества, логически приводила Смита къ требованію для каждаго индивидуума полной с в о б о д ы въ о б л а с т и х о з я й с т в а. Если, какъ выражается Смитъ въ одномъ мѣстѣ, «каждый отдѣльный человѣкъ лучше разсудитъ о томъ, что для него выгоднѣе, нежели какой бы то ни было государственный мужъ и законодатель», если комбинація и

борьба отдѣльныхъ частныхъ интересовъ заставитъ каждаго человѣка направлять свою дѣятельность самымъ выгоднымъ для общества образомъ, то, очевидно, что всякое стѣсненіе индивидуальной дѣятельности можетъ причинить лишь ущербъ и потери обществу. Въ самомъ лучшемъ случаѣ оно будетъ безполезно, а по большей части окажется вреднымъ, потому что направитъ трудъ и капиталъ общества на невѣрные пути (III, стр. 259 и д.). При отсутствіи стѣсненій для личности и при непрерывномъ руководительствѣ личнаго интереса, всего вѣрнѣе будетъ достигнуто общественное благо. Противъ ошибокъ и инерціи лучшимъ средствомъ служитъ конкуренція, которая устранитъ тѣхъ, кто не хочетъ или не умѣетъ правильно преслѣдовать свои выгоды. Смитъ вѣрилъ, что при свободѣ дѣятельности каждаго отдѣльнаго лица, руководимой личнымъ интересомъ и регулируемой соперничествомъ, сами собою разовьются такія именно отрасли и такіе способы веденія предпріятій, при которыхъ имѣющіяся въ распоряженіи народа силы почвы, труда и капитала достигнутъ наибольшей производительности. Съ другой стороны, обмѣнъ продуктовъ, при предположеніи полной свободы, поведетъ къ правильному распредѣленію богатства: каждая сила, участвовавшая въ производствѣ, получитъ при распредѣленіи продуктовъ такую долю, которая соотвѣтствуетъ степени ея участія.

Хотя, какъ видно изъ вышеизложеннаго, Смитъ былъ горячимъ приверженцемъ свободы индивидуальной дѣятельности и невмѣшательства государства, но его не слѣдуетъ считать такимъ безусловнымъ фритредеромъ, какъ это нерѣдко высказывается нѣкоторыми изъ новыхъ писателей, въ особенности изъ состава исторической школы. Подобное мнѣніе могло сложиться лишь потому, что недостаточно изучались послѣднія книги «Богатства народовъ», заключающія практическую политику автора. Признаніе личнаго эгоистическаго интереса исключительною пружиной человѣческихъ дѣйствій и свободы индивидуальной дѣятельности панацеей отъ всѣхъ золъ, свойственное многимъ позднѣйшимъ послѣдователямъ Смитовой школы, никакъ не можетъ быть поставлено на счетъ ея основателя. Смитъ представлялъ общежитіе живымъ и разностороннимъ цѣлымъ, въ которомъ хозяйственныя цѣли должны сплошь и рядомъ уступать мѣсто другимъ высшимъ соображеніямъ. Въ пятой книгѣ Смитъ горячо ратуетъ за общественное воспитаніе, на которое государство не должно жалѣть никакихъ средствъ; онъ оцѣниваетъ воспитаніе не столько съ точки зрѣнія доставляемыхъ имъ выгодъ, сколько съ нравственной стороны. Трудно найти болѣе убѣжденнаго противника меркантилистической политики, нежели Ад. Смитъ, а, между тѣмъ, онъ оправдывалъ извѣстный актъ Кромвеля о мореплаваніи, считая его мудрою мѣрою

въ интересахъ безопасности Великобританіи (II, 377). Даже свободу торговли, за которую онъ такъ ратовалъ, онъ представляетъ себѣ какъ идеальную цѣль. Вотъ собственныя его слова объ этомъ вопросѣ: «Ожидать, что въ Англіи установится когда-либо полная свобода торговли и промышленности, было бы столь же несообразно, какъ вѣрить въ возможность осуществленія въ этой странѣ республики Океаны или Утопіи. Это лишь идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться, и такое стремленіе къ свободѣ торговли именно и составляетъ задачу законодателя». Извѣстно, что Смитъ, врагъ таможеннаго покровительства промышленности, допускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже покровительственную пошлину. Такимъ образомъ, чтобы выяснить истинное міросозерцаніе Смита, необходимо изучать «Богатство народовъ» въ полномъ его составѣ, а не по двумъ только первымъ теоретическимъ книгамъ, какъ это по большей части дѣлается. Нужно замѣтить, что болѣе правильное воззрѣніе на теорію Смита явилось лишь въ недавнее время подъ вліяніемъ новаго интереса къ его сочиненіямъ, который былъ пробужденъ празднованіемъ въ 1876 году столѣтняго юбилея «Богатства народовъ». Такъ какъ сочиненіе Смита представляетъ основу всей современной политической экономіи и притомъ не только у послѣдователей, но въ сущности и у противниковъ Смита, такъ какъ послѣдующая литература лишь развивала и дополняла ученія Смита, оставаясь въ сущности на томъ же самомъ научномъ базисѣ, то мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе познакомить съ содержаніемъ «Богатства народовъ».

Экономическое ученіе Адама Смита. Мы показали, подъ какими вліяніями сложилось міросозерцаніе Ад. Смита; мы видѣли, что на немъ ясно отразились главныя умственныя теченія эпохи и условія личной жизни и обстановки самого автора; само собой разумѣется, что въ еще большей степени должны были отпечатлѣться на немъ характерныя черты англійской жизни и ея промышленной исторіи. Припомнимъ, что Англія временъ Смита была страною, которая быстро и замѣтно богатѣла, и этимъ прогрессомъ благосостоянія и богатства она была обязана не какимъ-либо внѣшнимъ преимуществамъ природной обстановки, а единственно труду и энергіи своихъ гражданъ. Англія не обладаетъ ни роскошною почвой, ни благодатнымъ климатомъ, какъ нѣкоторыя страны юга, ни изобиліемъ даровыхъ продуктовъ природы, въ родѣ тѣхъ благословенныхъ уголковъ земли, гдѣ иногда стоитъ только протянуть руку, чтобы найти обильную пищу. Нельзя, конечно, сказать, чтобы почва Англіи была бѣдна питательными частями растеній и въ особенности полезными минералами; но дѣло въ томъ, что тамъ и хлѣбъ, и богатства, заключенныя въ нѣдрахъ земли, даются лишь въ результатѣ упор-

наго труда. Долгое время въ Англіи господствовалъ ручной трудъ въ формѣ мелкаго земледѣлія и ремесла; но ко времени появленія «Богатства народовъ», какъ было показано выше, въ хозяйствѣ Англіи совершился переворотъ: владѣнія прежнихъ мелкихъ собственниковъ перешли въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, а самостоятельные земледѣльцы превратились въ наемныхъ рабочихъ. Подобное же преобразованіе имѣло мѣсто въ обработывающей промышленности, гдѣ цеховое ремесло стало преобразовываться въ крупныя мануфактуры. Ад. Смитъ былъ живымъ свидѣтелемъ происходившаго переворота, во-очію видѣлъ, какое могущественное вліяніе оказываетъ онъ на возрастаніе производительности труда и накопленіе богатства. Онъ самъ наблюдалъ на зародившихся въ его время мануфактурахъ, какое поразительное дѣйствіе оказываетъ на успѣшность труда раздѣленіе занятій и начинавшія появляться кое-гдѣ машины съ примѣненіемъ механическихъ двигателей и, естественно, поражался могучимъ вліяніемъ капитала. Преобразованія, совершившіяся въ Англіи, имѣли одну общую черту: они неудержимо влекли за собой разложеніе прежняго патріархальнаго строя и водвореніе современнаго мѣнового хозяйства, съ спеціализаціей занятій между отдѣльными предпріятіями и непрерывной передачей производимыхъ продуктовъ изъ одного хозяйства въ другое. Хотя Смитъ жилъ только при началѣ перехода отъ натуральнаго хозяйства, но уже при немъ рынокъ и обмѣнъ пріобрѣли господствующее положеніе въ качествѣ руководителей всего хода промышленной жизни. Всѣ эти существенныя черты совершившагося преобразованія отпечатлѣлись на трудѣ Смита, и мы на каждомъ шагу будемъ убѣждаться въ этомъ, при разсмотрѣніи главныхъ мыслей его сочиненія, къ которому мы и переходимъ.

Сочиненіе Смита ясно дѣлится на двѣ части. Первыя двѣ книги представляютъ очеркъ его теоретическихъ воззрѣній, изображенія того порядка, который господствуетъ въ промышленномъ обществѣ; послѣднія же книги имѣютъ содержаніемъ практическую политику, очеркъ и разборъ мѣръ, ведущихъ къ умноженію богатства и благосостоянія народовъ.

Книга Смита носитъ названіе «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ». Что же онъ разумѣетъ подъ богатствомъ? —Въ отличіе отъ меркантилистовъ и физіократовъ Смитъ считаетъ богатствомъ совокупность предметовъ, удовлетворяющихъ нашимъ потребностямъ. «Человѣкъ бываетъ богатъ и бѣденъ, смотря по степени, въ которой онъ можетъ удовлетворять потребностямъ необходимости, удовольствія и удобства въ жизни». «Богатство народа состоитъ не въ одной землѣ, не въ однѣхъ деньгахъ, а во всѣхъ вещахъ, которыя годны

для удовлетворенія нашимъ потребностямъ и для увеличенія нашихъ жизненныхъ наслажденій». Не трудно замѣтить, что такое опредѣленіе богатства значительно отличается отъ одностороннихъ воззрѣній предшествующихъ школъ. Но еще значительнѣе разница въ отвѣтѣ на вопросъ объ источникахъ народнаго богатства, — коренной вопросъ, къ которому пріурочивается главное содержаніе экономическихъ изслѣдованій. Меркантилисты видѣли источникъ богатства во внѣшней торговлѣ и обработывающей промышленности, привлекавшихъ въ страну деньги; физіократы—въ земледѣліи и земледѣльческомъ трудѣ, снабжающихъ народъ сырыми матеріалами. Ад. Смитъ отбросилъ эти ученія, положивъ въ основаніе своей системы слѣдующее положеніе, которымъ начинается «Богатство народовъ»: «Годовой трудъ каждаго народа есть основной фондъ, ежегодно доставляющій ему всѣ предметы, удовлетворяющіе его потребностямъ и служащіе для удобства его жизни». Основнымъ двигателемъ экономической жизни являются у Смита не деньги, не силы природы, а трудъ человѣка, приложенный къ матеріаламъ, доставляемымъ природой. Трудъ, по Смиту, есть единственный прочный фундаментъ величія, силы и благосостоянія государствъ, рычагъ, приводящій въ движеніе силы почвы, вызывающій процвѣтаніе ремеслъ и оживляющій торговлю. Это—коренная сила, управляющая всѣмъ хозяйственнымъ организмомъ. Постоянно возвращается Смитъ къ мысли о первенствующемъ значеніи труда, ставя его краеугольнымъ камнемъ всей своей системы. Въ отличіе отъ физіократовъ, считавшихъ производительнымъ только трудъ, прилагаемый въ земледѣліи, Смитъ приписываетъ признакъ производительности всякому труду, создающему полезныя и пріятныя вещи или увеличивающему ихъ цѣнность. Лишь такія отрасли занятій, которыя не воплощаются ни въ какихъ матеріальныхъ предметахъ, не оставляютъ послѣ себя никакого слѣда, Смитъ считалъ непроизводительными,—не отрицая, однако же, что многія изъ такихъ отраслей могутъ быть въ высшей степени полезными для общества.

Существеннымъ условіемъ для примѣненія труда служитъ капиталъ. Опредѣленіе и анализъ этого понятія составляютъ одну изъ заслугъ Смита. Капиталомъ называетъ Смитъ ту часть сбереженныхъ запасовъ, которая предназначается для полученія дохода. Этимъ послѣднимъ признакомъ Смитъ отличаетъ капиталъ отъ запасовъ, предназначенныхъ для потребленія. Существуютъ два вида капиталовъ: во-первыхъ, оборотные, которые доставляютъ прибыль владѣльцу лишь переходомъ въ другія руки, какъ, напримѣръ, товаръ у купца; во-вторыхъ, постоянные, которые доставляютъ доходъ или прибыль безъ перемѣны владѣльца, таковы, напримѣръ, полезныя машины и т. п.

Источникомъ образованія капитала служитъ сбереженіе. Сберегаемая часть дохода точно также потребляется, какъ и та доля, которая расходуется; но дѣло въ томъ, что первая потребляется совершенно инымъ классомъ лицъ, — именно производительными работниками, тогда какъ послѣдняя—или праздными людьми, или непроизводительными работниками; поэтому, первая воспроизводится съ прибылью въ продуктѣ, тогда какъ послѣдняя исчезаетъ безслѣдно.

Другимъ условіемъ успѣшности труда служитъ, по Смиту, его раздѣленіе. Ад. Смитъ раскрываетъ выгоды раздѣленія труда удачно выбранными примѣрами. «Многіе писатели,—говоритъ Бланки,—еще до Ад. Смита предвидѣли удивительныя дѣйствія раздѣленія труда, но нигдѣ послѣднія не были показаны съ такой очевидностью и простотой, не оставляющей мѣста для сомнѣній и колебаній, какъ въ книгѣ Смита» [1]). Однако же раздѣленіе труда, не смотря на его очевидныя выгоды, можетъ осуществиться лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Человѣкъ можетъ сосредоточиться на одномъ извѣстномъ занятіи только при возможности сбывать выработанные продукты и получать взамѣнъ ихъ все необходимое. Существованіе рынка, возможность обмѣна есть непремѣнное условіе раздѣленія труда, а черезъ это и высшей его производительности. Ученіе о раздѣленіи труда необходимо приводитъ, такимъ образомъ, къ ученію объ обмѣнѣ.

Ад. Смитъ признаетъ, что стремленіе къ обмѣну составляетъ естественное свойство человѣка, необходимое послѣдствіе его мыслительной способности и дара слова. Но удовлетвореніе этой необходимой потребности встрѣчало значительныя затрудненія до тѣхъ поръ, пока человѣку приходилось непосредственно обмѣнивать произведенія собственнаго труда на произведенія труда другого. Чтобы устранить эти неудобства, люди придумали имѣть такой товаръ, который нуженъ былъ бы всѣмъ, и за который каждый изъ нихъ охотно отдавалъ бы въ обмѣнъ изготовленные предметы; перепробовавъ для этого множество различныхъ товаровъ, люди остановились на благородныхъ металлахъ, которые сначала употреблялись въ слиткахъ и измѣрялись вѣсомъ, а затѣмъ получили форму чеканной монеты. Въ настоящее время обмѣнъ ведется почти вездѣ при помощи денегъ въ формѣ монетъ.

При мѣнѣ товаровъ одного на другой или на деньги люди повинуются извѣстнымъ естественнымъ законамъ, опредѣляющимъ то, что можетъ быть названо цѣнностью товаровъ. Ученіе о цѣнности занимаетъ главную часть «Богатства народовъ» и составляетъ существен-

---

[1]) Blanqui, Histoire de l'economie politique II, 117.

ную заслугу ея автора. До Ад. Смита понятіе о цѣнности хотя и встрѣчалось у разныхъ писателей, но оно не было опредѣлено съ достаточной ясностью, а пока это не было сдѣлано, разработка экономическихъ явленій представляла неопредолимыя трудности. Политическая экономія имѣетъ дѣло съ богатствомъ, какъ совокупностью вещей, удовлетворяющихъ человѣческимъ потребностямъ; эти вещи, крайне разнообразныя по своей природѣ, являются несоизмѣримыми, пока мы обращаемъ вниманіе только на ихъ физическія свойства. Чтобы оперировать съ понятіемъ богатства, какъ цѣлымъ, политическая экономія должна была найти во всѣхъ предметахъ, его составляющихъ, какой-либо общій признакъ. Такой признакъ и есть цѣнность товаровъ. — Въ своемъ изслѣдованіи о цѣнности Ад. Смитъ считаетъ нужнымъ рѣшить три вопроса: 1) о масштабѣ, которымъ опредѣляется цѣнность товаровъ, 2) о составныхъ ея частяхъ и 3) о причинахъ, обусловливающихъ повышеніе или пониженіе нѣкоторыхъ или всѣхъ составныхъ частей цѣнности.

На первый вопросъ Ад. Смитъ отвѣчаетъ, что «дѣйствительная цѣна всякой вещи — это трудъ и усилія, которыя нужно употреблять для ея пріобрѣтенія». Такимъ образомъ, Ад. Смитъ, вѣрный своему взгляду на трудъ какъ на коренной элементъ хозяйства, кладетъ его въ основаніе не только производства, но и обмѣна, сводя къ нему ученіе о цѣнности. Съ тѣхъ поръ, какъ оставленъ непосредственный обмѣнъ товара на товаръ, товары стали чаще обмѣниваться на деньги. Однако, вслѣдствіе открытія новыхъ рудниковъ золота и серебра, деньги измѣняются въ своей цѣнности, а потому не могутъ быть избраны для точнаго измѣренія цѣнности другихъ товаровъ. Лишь одинаковыя количества труда имѣли всегда цѣнность, равную для работника. «Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ дорого бываетъ то, что не легко добывается, или что стоитъ значительнаго труда, а дешево то, что легко достигается или что получается съ небольшимъ трудомъ». «Такимъ образомъ, трудъ, никогда не измѣняясь въ собственной своей цѣнности, есть единственная дѣйствительная и опредѣленная мѣра, которою всегда и всюду можно оцѣнить и сравнить цѣнности разныхъ предметовъ мѣны» [1]).

Второй вопросъ, который предстояло рѣшить Смиту, состоитъ въ опредѣленіи составныхъ частей цѣны товаровъ. Смитъ говоритъ, что первоначально цѣна товаровъ составлялась единственно изъ труда. Но по мѣрѣ скопленія капиталовъ и обращенія земли въ собственность, явилась необходимость, чтобы вырученная цѣна товаровъ покрыла не только содержаніе работника, но и давала бы капиталисту прибыль,

[1]) I, стр. 139—193.

землевладѣльцу — ренту. Такимъ образомъ, въ современномъ обществѣ цѣна каждаго товара состоитъ изъ трехъ частей: 1) заработной платы, 2) прибыли и 3) поземельной ренты. Цѣна всѣхъ товаровъ, составляющихъ общую сумму годового производства каждой страны, взятаго въ совокупности, распадается также на эти три составныя части и распредѣляется между жителями страны то въ видѣ заработной платы, то въ видѣ прибыли на ихъ капиталы, то въ видѣ поземельнаго дохода съ ихъ земель. Это—три первоначальные источника какъ всякаго дохода, такъ и мѣновой цѣнности.

Отвѣтъ на третій вопросъ Ад. Смитъ начинаетъ установленіемъ различія между естественной и рыночной (дѣйствительной) цѣной товаровъ. Въ каждомъ обществѣ существуетъ обыкновенный или средній уровень заработной платы и прибыли во всѣхъ отдѣльныхъ родахъ приложенія труда и капитала; точно такъ же есть обыкновенный или средній уровень поземельной ренты. Естественною цѣною будетъ та, которая достаточна для того, чтобы уплатить поземельную ренту, заработную плату и прибыль на капиталъ въ размѣрѣ, достаточномъ для того, чтобы поставить товаръ на рынокъ. Но дѣйствительная или рыночная цѣна можетъ отклоняться отъ естественной цѣны подъ вліяніемъ спроса и предложенія. Смотря по тому, какое количество товара привезено на рынокъ и какое желаютъ имѣть покупатели, согласные оплатить его по естественной цѣнѣ, рыночныя цѣны будутъ подниматься выше или падать ниже уровня, опредѣляемаго обыкновеннымъ размѣромъ заработной платы, прибыли и ренты.—Когда количество какого-либо произведенія, доставленнаго на рынокъ, ниже дѣйствительнаго спроса, то многіе согласятся скорѣе заплатить за него дороже, чѣмъ не получить вовсе. Между ними обнаружится конкуренція, и рыночная цѣна поднимется выше цѣны естественной. Когда количество товара, доставленнаго на рынокъ, превышаетъ дѣйствительное требованіе, то все оно не можетъ быть продано тѣмъ, кто согласенъ заплатить стоимость ренты, заработной платы и прибыли, употребленныхъ на производство товара. Является необходимость продать часть товара людямъ, желающимъ заплатить менѣе всей этой стоимости, и предлагаемая ими низкая цѣна необходимо понижаетъ цѣну всего товара.—Однако, по мнѣнію Смита, рыночныя цѣны имѣютъ тенденцію приравниваться къ естественнымъ, и вотъ какъ это происходитъ: «Количество каждаго поступающаго на рынокъ товара соразмѣряется естественно и само собой съ дѣйствительнымъ требованіемъ». «Если количество предлагаемаго товара въ продолженіе значительнаго времени превышаетъ требованіе, то это значитъ, что какая-нибудь изъ составныхъ частей цѣны оплачивается ниже дѣйствительной стоимости.

Если это наемъ земли, то интересъ собственника побудитъ его немедленно извлечь часть своихъ земель изъ этого употребленія, а если это заработная плата и прибыль, то, въ первомъ случаѣ, — интересъ работниковъ, а во-второмъ — людей, нанимающихъ ихъ, заставитъ ихъ вынуть изъ даннаго производства часть своего труда и часть капиталовъ, — и количество поступающаго на рынокъ товара не замедлитъ придти въ соотвѣтствіе съ дѣйствительными требованіями. Различныя части, входящія въ составъ его цѣнности, возвысятся до естественной величины своей, и вся стоимость товара снова поднимается до его естественной цѣны». «Напротивъ того, если количество доставляемаго на рынокъ товара въ продолженіе нѣкотораго времени будетъ ниже дѣйствительнаго требованія, то это необходимо означаетъ, что нѣкоторыя изъ составныхъ частей его цѣны поднялись выше естественной величины своей. Если это наемъ земли, то выгода прочихъ землевладѣльцевъ естественно побудитъ ихъ отдать подъ такое употребленіе большое количество своихъ земель; если это заработная плата и прибыль, то интересъ прочихъ работниковъ и капиталистовъ побудитъ ихъ немедленно употребить болѣе труда и капиталовъ на приготовленіе и на доставку этого произведенія на рынокъ. Необходимое его количество вскорѣ будетъ достаточно для удовлетворенія дѣйствительныхъ требованій. Различныя части, входящія въ составъ цѣны его, вскорѣ понизятся до естественной своей величины, а вся стоимость товара упадетъ до его естественной цѣны». — «Естественная цѣна составляетъ, стало быть, средоточіе, къ которому стремятся цѣны всѣхъ товаровъ. Различныя случайныя обстоятельства могутъ иногда держать ихъ нѣсколько ниже этой цѣны, но какія бы ни были препятствія, не дозволяющія имъ принять это неподвижное состояніе, цѣны эти, тѣмъ не менѣе, постоянно стремятся къ нему». — «Такимъ образомъ, вся сумма производительности, ежегодно употребляемая для доставленія какого-либо товара на рынокъ, естественно соразмѣряется съ дѣйствительнымъ спросомъ. Она естественно стремится доставить на рынокъ такое количество, которое удовлетворяло бы требованіямъ на него но не болѣе».

Ад. Смитъ въ дальнѣйшемъ своемъ изслѣдованіи разсматриваетъ *причины измѣненій* въ естественной величинѣ каждой изъ *составныхъ частей цѣны*: заработной платы, прибыли и поземельной ренты.

Естественную награду или плату за трудъ составляетъ самый продуктъ, непосредственно добытый трудомъ. Въ первобытномъ состояніи общества, предшествующемъ скопленію капиталовъ и обращенію земли въ собственность, все произведеніе труда безраздѣльно принадлежитъ

работнику; но при дальнѣйшемъ развитіи общественной культуры, при обособленіи факторовъ производства и распредѣленіи ихъ между различными общественными классами, этотъ первобытный порядокъ продолжаться болѣе не можетъ. Теперь представители труда могутъ получать только извѣстную долю добытыхъ ими продуктовъ въ видѣ заработной платы. Высота обычной заработной платы зависитъ отъ договора, заключаемаго между представителемъ рабочей силы и хозяиномъ употребляемаго въ производство капитала, интересы которыхъ никоимъ образомъ не могутъ быть названы тождественными. Работники, естественно, стараются выговорить какъ можно больше, хозяинъ, наоборотъ, дать какъ можно меньше; но такъ какъ хозяевамъ, по меньшему ихъ числу и другимъ благопріятнымъ условіямъ, гораздо легче вступить въ соглашенія, то они, обыкновенно, и одерживаютъ верхъ въ своихъ спорахъ съ работниками. Однако, существуетъ граница, далѣе которой невозможно понизить насколько-нибудь продолжительное время обыкновенную заработную плату даже самаго низшаго рода труда. Этотъ предѣлъ обусловливается суммою средствъ, необходимыхъ для содержанія работника и его семьи. Впрочемъ, дѣйствительная цѣна труда можетъ отклоняться отъ этого предѣла вслѣдствіе усиленія спроса на трудъ, возрастающаго съ увеличеніемъ богатства націи; масса капиталовъ увеличиваетъ спросъ на трудъ и поднимаетъ заработную плату; но такъ какъ за подъемомъ заработной платы слѣдуетъ увеличеніе населенія, то плата спѣшитъ спуститься къ обычному уровню.—Кромѣ причинъ, опредѣляющихъ средній уровень задѣльной платы, существуютъ нѣкоторыя спеціальныя условія, которыя видоизмѣняютъ этотъ уровень въ отдѣльныхъ отрасляхъ труда. Причины такихъ отклоненій слѣдующія: a) пріятность или непріятность труда; чѣмъ презрѣннѣе въ глазахъ общества какой-либо трудъ и чѣмъ непріятнѣе онъ, тѣмъ меньше на такой трудъ предложенія и тѣмъ, слѣдовательно, выше задѣльная плата. b) Легкость и дешевизна обученія; болѣе трудные пріемы требуютъ и болѣе долгаго обученія, въ теченіе котораго человѣкъ не въ состояніи заработать что-либо. Очевидно, что затраты, необходимыя для обученія, должны окупаться возвышеніемъ цѣнъ на трудъ, потребовавшій предварительныхъ затратъ. c) Непрерывность работы. Занятія каменьщика или земледѣльца продолжаются непостоянно; потому ихъ заработная плата должна быть выше, чтобы окупить и то время, когда они не работаютъ. d) Степень вѣроятности успѣха. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда требуются особенныя способности. Многія лица, неудовлетворяющія этимъ требованіямъ, должны бываютъ отказаться отъ приложенія своихъ силъ въ этихъ отрасляхъ; потому заработная плата лицъ, достигающихъ цѣли, должна быть осо-

бенно высока. е) Степень довѣрія. Конкуренція между предлагающими свой трудъ уменьшается вслѣдствіе того, что не всѣ лица могутъ заслуживать особаго довѣрія, требуемаго нѣкоторыми промыслами.—Сверхъ того заработная плата можетъ отклоняться отъ естественныхъ цѣнъ подъ вліяніемъ правительственнаго вмѣшательства.

Прибыль на капиталъ зависитъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и повышеніе и пониженіе заработной платы, но здѣсь онѣ имѣютъ обратное дѣйствіе: прибыль увеличивается при уменьшеніи богатства націи и уменьшается при его увеличеніи. Причина уменьшенія прибыли въ этомъ послѣднемъ случаѣ зависитъ отъ того, что при постепенномъ возрастаніи богатства становится все труднѣе и труднѣе находить для новыхъ капиталовъ достаточно выгодное употребленіе. Отсюда возникаетъ соперничество между капиталистами, которое и понижаетъ общій уровень дохода на капиталъ.

Ученіе Адама Смита о поземельной рентѣ составляетъ слабѣйшую часть его сочиненія. Поземельная рента, по Адаму Смиту, есть цѣна, которая платится за пользованіе землею въ томъ случаѣ, когда спросъ на землю превышаетъ предложеніе. Но такъ какъ спросъ на землю всегда превышаетъ предложеніе, такъ какъ, притомъ, земля всегда приноситъ больше выгоды, нежели сколько требуется на вознагражденіе труда и капитала, затраченныхъ на ея обработку, то она всегда даетъ ренту; высота же ренты зависитъ отъ плодородія и географическаго положенія участка. Лѣса, минеральныя богатства даютъ ренту не всегда, но лишь при условіи особеннаго богатства или выгоднаго положенія, когда они, напримѣръ, находятся вблизи мѣста сбыта. Что касается до сельскаго хозяйства, то рента отъ пахатныхъ земель существуетъ всегда и регулируетъ высоту ренты отъ всѣхъ другихъ угодій, ибо на пахатныя поля спросъ наиболѣе постояненъ.

Мы видѣли, что въ теоретической части, занимающей двѣ первыя книги «Богатства народовъ», Адамъ Смитъ стремился отыскать естественные законы для всѣхъ экономическихъ явленій. Въ практической части, занимающей послѣднія книги, Адамъ Смитъ дѣлаетъ попытку примѣнить свою теорію къ жизни, — попытку, сводящуюся преимущественно къ рѣшенію вопроса объ отношеніи государства къ народному хозяйству. Мы уже выше указывали, что Смитъ держится теоріи невмѣшательства, составляющей естественный выводъ изъ основныхъ его воззрѣній. Государство должно, какъ можно меньше, мѣшаться въ хозяйство отдѣльнаго лица: оно по большей части не въ силахъ измѣнить естественныхъ законовъ хозяйства, а если и можетъ, то дѣлаетъ это обыкновенно ко вреду отдѣльнаго человѣка и цѣльнаго общежитія. Единственный

способъ полезнаго воздѣйствія государства состоитъ въ поощреніи частныхъ усилій и въ поученіи отдѣльныхъ лицъ словомъ и примѣромъ. При такомъ воззрѣніи Смитъ, конечно, является врагомъ всякихъ стѣсненій въ промышленной дѣятельности. Его хозяйственная политика есть по преимуществу полемика противъ разныхъ учрежденій, сковывавшихъ свободную дѣятельность человѣка. Посмотримъ, какъ проводитъ Смитъ свои взгляды въ примѣненіи къ разнымъ сторонамъ хозяйственной жизни.

Первый поводъ къ приложенію теоріи невмѣшательства является для Смита въ вопросѣ о трудѣ. По ученію Смита вознагражденіе за трудъ подчиняется изложенному выше естественному закону, который опредѣляетъ низшій предѣлъ вознагражденія за трудъ и отклоненія отъ этого предѣла въ зависимости отъ особыхъ условій отдѣльныхъ занятій. Однако, существуютъ многочисленныя отступленія отъ этихъ законовъ вслѣдствіе правительственнаго вмѣшательства. Главный видъ такого вмѣшательства представляетъ цеховое устройство. Смитъ горячо доказываетъ, что привилегіи цеховъ представляютъ посягательство на священнѣйшія права личности. «Самое священное и неприкосновенное изъ правъ собственности, — говоритъ онъ, — есть право на собственный трудъ, потому что изъ него вытекаютъ всѣ прочіе виды собственности. Все имущество бѣднаго состоитъ въ его силѣ и ловкости его рукъ. Мѣшать ему употреблять эту силу и ловкость, какъ онъ заблагоразсудитъ, если онъ никому не причиняетъ этимъ вреда, есть явное насиліе надъ этою первоначальной собственностью: это есть вопіющее нарушеніе законной свободы какъ работника, такъ и того, кто хотѣлъ бы дать ему работу» (I, 284). Такое нарушеніе правъ, по словамъ Смита, не достигаетъ никакой цѣли: оно вредно для потребителей, такъ какъ имъ приходится дороже платить за товары; оно вредно для тѣхъ, кто желаетъ сдѣлаться ремесленникомъ, ибо дѣлаетъ возможнымъ достиженіе этой цѣли лишь при значительной затратѣ средствъ и времени; оно вредно, наконецъ, для тѣхъ, кому посчастливилось сдѣлаться ремесленниками, такъ какъ послѣдніе должны ограничивать размѣръ и родъ своего промысла въ соотвѣтствіи съ цеховыми требованіями. Главная цѣль цехового устройства заключалась въ томъ, чтобы чрезъ ограниченіе соперничества предупредить пониженіе цѣнъ, а слѣдовательно заработной платы и прибыли въ городскихъ промыслахъ. «Всякій городъ получаетъ свое продовольствіе и матеріалы для промышленности изъ деревень. Всѣ постановленія, стремящіяся къ возвышенію заработной платы и прибыли въ ремеслахъ далѣе того уровня, какой они должны были бы имѣть по естественному закону, даютъ возможность городу меньшимъ количествомъ его труда покупать большее количество труда деревень. Они даютъ пре-

имущество городскимъ купцамъ и ремесленникамъ въ ущербъ землевладѣльцамъ, фермерамъ и сельскимъ работникамъ, и разрушаютъ естественное равенство, которое установилось бы при отсутствіи ихъ въ торговыхъ сношеніяхъ между городомъ и деревней. Общая сумма произведеній годового труда въ обществѣ ежегодно распредѣляется между этими двумя классами народа. Дѣйствіе такого рода постановленій состоитъ въ томъ, что они представляютъ городскимъ жителямъ большую, а сельскимъ— меньшую долю произведеній противъ того, что они получили бы, если бы такихъ постановленій не существовало» (I, 289).

Подобно вознагражденію за трудъ, прибыль на капиталъ также подвергалась правительственному воздѣйствію, обычными формами котораго были, во-первыхъ, правительственныя таксы на заработную плату и цѣны товаровъ и, во-вторыхъ, постановленія о законномъ процентѣ. Смитъ доказываетъ, что всѣ подобныя стѣсненія или не въ состояніи измѣнить естественнаго закона,—и тогда они безполезны, или же производятъ дѣйствія, прямо противоположныя тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ они изданы,—и тогда они вредны. Опытомъ дознано,—говоритъ Смитъ,— что подобные законы вмѣсто того, чтобы предупредить злоупотребленія ростовщичествомъ, только увеличиваютъ ихъ, ибо заемщикъ обязанъ въ такомъ случаѣ заплатить не только за пользованіе деньгами, но и за рискъ заимодавца; заемщикъ долженъ, такъ сказать, обезпечить своего заимодавца противъ преслѣдованій за ростовщичество.

Переходя ко взглядамъ Смита на отдѣльныя отрасли промышленности, остановимся прежде всего на его отношеніи къ земледѣлію. Адамъ Смитъ признаетъ земледѣліе главною отраслью народнаго труда, основой всей народнохозяйственной и экономической культуры. Капиталъ, приложенный къ земледѣлію, не только приводитъ въ дѣятельность большее количество труда, чѣмъ такой же капиталъ, пущенный на фабричное производство, но онъ присоединяетъ еще несравненно большую цѣнность, сравнительно съ количествомъ употребленнаго труда, къ годовому производству страны, къ богатству и дѣйствительному доходу ея населенія. Изъ всѣхъ назначеній, какія могутъ быть даны капиталу, это безъ всякаго сравненія самое выгодное для общества. — Существеннымъ условіемъ успѣховъ земледѣлія служитъ высота цѣнъ на его продукты, достаточная для того, чтобы покрывать всѣ издержки земледѣльца; а это достигается лишь связью деревни съ городомъ. Большая часть 3-й книги Смита содержитъ въ себѣ краснорѣчивое доказательство важности этой связи деревни съ городомъ. Въ соотвѣтствіи съ своимъ основнымъ міросозерцаніемъ Смитъ настоятельно требуетъ отмѣны учрежденій и законовъ, стѣснявшихъ передвиженіе поземельной собственности и придуман-

ныхъ богатымъ землевладѣльческимъ классомъ для закрѣпленія за своими семьями разъ попавшихъ въ ихъ руки земельныхъ владѣній. «Въ основаніи такихъ учрежденій, какъ майораты, заповѣдныя имѣнія, фидеикомиссы субституціи, лежитъ безразсуднѣйшее изъ всѣхъ предположеній, а именно, что каждое послѣдующее поколѣніе имѣетъ неодинаковыя полномочія на принадлежащую ему землю и на всякую другую собственность и что права живущаго въ настоящее время поколѣнія могутъ быть ограничены и опредѣлены произволомъ людей, умершихъ, быть можетъ, болѣе пятисотъ лѣтъ тому назадъ» (II, 173). Будучи врагомъ прикрѣпленія земли къ человѣку, Адамъ Смитъ не менѣе возстаетъ и противъ прикрѣпленія человѣка къ землѣ. Онъ врагъ рабства и крѣпостного состоянія, которое въ его время царило еще повсюду, кромѣ Англіи. «Опытъ всѣхъ вѣковъ и народовъ съ очевидностью доказываетъ, что трудъ раба хотя и оплачивается, повидимому, однимъ только расходомъ на продовольствіе, въ результатѣ убыточнѣе всякаго другого труда» (II, 179).

Въ отдѣлѣ мануфактурной промышленности Смитъ требуетъ уничтоженія монополій, привилегій, патентовъ, которыми меркантилизмъ старался вызвать ее къ жизни и поощрить ея развитіе. Вмѣсто поддержки промышленности, эти мѣры, по взгляду Смита, производятъ лишь упадокъ, поощряя косность въ тѣхъ, кто ими пользуется. Монополія уменьшаетъ сумму доходовъ страны; всѣ главные источники дохода, — заработная плата, поземельная рента и прибыль на капиталъ становятся, вслѣдствіе монополіи, менѣе обильными, чѣмъ были бы безъ нея. Ради выгодъ небольшого числа людей, монополія губитъ интересы всѣхъ классовъ страны. Есть и еще одно послѣдствіе монополіи, болѣе даже пагубное въ глазахъ Смита, чѣмъ всѣ остальныя. Высокая величина прибыли изгоняетъ духъ бережливости, свойственный промышленникамъ при другихъ обстоятельствахъ. «Когда прибыль возвышается, эта суровая добродѣтель становится безполезной, и расточительная роскошь начинаетъ считаться болѣе приличною среди явившагося изобилія. Что легко приходитъ, то и уходитъ легко. Примѣръ владѣльцевъ огромныхъ капиталовъ заразительно дѣйствуетъ и на людей, живущихъ своимъ трудомъ. И вотъ капиталъ страны, вмѣсто увеличенія, нечувствительно таетъ, а количество содержимаго имъ труда каждый годъ уменьшается» (II. 497—498). — Столь же энергически Смитъ протестуетъ противъ запретительныхъ и покровительственныхъ пошлинъ, — этой популярной въ его время мѣры къ поддержанію національной промышленности. Стоитъ остановиться на тѣхъ аргументахъ, которые Смитъ приводитъ противъ нея. «Высокою пошлиною или безусловнымъ запрещеніемъ ввоза такихъ произведеній, которыя могутъ быть приготовлены дома, передается на-

родному труду, производящему ихъ, монополія на внутреннемъ рынкѣ». «Эта монополія направляетъ къ поощряемой отрасли большее количество труда и капитала, чѣмъ какое было бы употреблено безъ поощренія». Смитъ сомнѣвается, чтобы этимъ путемъ было сообщено выгоднѣйшее направленіе производству. «Никакое государственное мѣропріятіе не можетъ увеличить труда страны до большого уровня, чѣмъ сколько можетъ содержаться его капиталами; все, что оно можетъ сдѣлать, — это дать части труда такое направленіе, котораго она не приняла бы безъ такого вмѣшательства». Но нельзя надѣяться, — продолжаетъ Смитъ, — чтобы это искусственное направленіе оказалось болѣе выгоднымъ для общества, нежели то, которое трудъ принялъ бы естественнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что забота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ человѣка избирать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества; именно, — она заставляетъ каждаго, во-первыхъ, употребить свой капиталъ наивыгоднѣйшимъ образомъ для народнаго труда и, во-вторыхъ, направлять этотъ трудъ такъ, чтобы изготовляемыя имъ произведенія имѣли наибольшую цѣнность. Даровать монополію на внутреннемъ рынкѣ произведеніямъ какой-либо отрасли промышленности, значитъ, какъ бы указать частнымъ лицамъ путь въ избраніи ими назначенія для своихъ капиталовъ; а предписывать въ такомъ случаѣ правила почти всегда бываетъ безполезно или вредно. Если произведенія народнаго труда могутъ быть доставлены на рынокъ по такой же дешевой цѣнѣ, какъ иностранныя, то мѣра эта безполезна; если онѣ не могутъ быть доставлены по такой же цѣнѣ, то мѣра будетъ большею частію вредна. Всякій благоразумный человѣкъ придерживается въ своемъ хозяйствѣ правила не приготовлять дома такой вещи, изготовленіе которой стоитъ дороже, чѣмъ ея покупка. Портной не шьетъ себѣ башмаковъ, а покупаетъ ихъ у сапожника; сапожникъ не приготовляетъ самъ себѣ платья, а обращается за нимъ къ портному; фермеръ не дѣлаетъ себѣ ни того, ни другого, а покупаетъ башмаки и платье у сапожника и портного. Всѣ они видятъ свою выгоду въ приложеніи всего своего труда къ тому ремеслу, въ которомъ они имѣютъ нѣкоторое преимущество передъ сосѣдями, а остальныя вещи, какія только понадобятся, покупаютъ за часть произведеній своего ремесла, или, что то же, за цѣну этихъ произведеній. Что считается благоразумнымъ въ дѣятельности каждаго частнаго человѣка, то не можетъ быть безразсуднымъ въ образѣ дѣйствій всего народа. Если какое-нибудь иностранное государство можетъ доставить намъ товаръ дешевле, чѣмъ во сколько онъ обошелся бы въ случаѣ приготовленія его дома, то, разумѣется, было бы выгоднѣе купить его за часть произведеній нашего собствен-

наго труда, приложеннаго къ болѣе выгодной для насъ отрасли промышленности. Цѣнность годового производства труда, естественно, болѣе или менѣе понижается, когда онъ отклоняется отъ приготовленія произведеній, которыя имѣли бы большую цѣнность, чѣмъ какую онъ производитъ по принужденію. Слѣдовательно, народный трудъ отвлеченъ отъ болѣе выгоднаго приложенія и обращенъ на болѣе убыточное, а мѣновая цѣнность годового его производства, вмѣсто того, чтобы увеличиться, согласно съ намѣреніемъ законодателя, необходимо должна нѣсколько понизиться при всякомъ такого рода постановленіи» (II. 259—266).

Всего подробнѣе Ад. Смитъ разсматриваетъ политику торговли. Значительнѣйшая часть его VI книги посвящена разбору торговой теоріи меркантилизма. Смитъ опровергаетъ заблужденіе меркантилизма, по которому вывозъ благородныхъ металловъ считался убыткомъ, а ввозъ — прибылью для страны: золото, какъ и всякій товаръ, стремится именно туда, гдѣ существуетъ самый сильный спросъ на него и гдѣ, слѣдовательно, придаютъ ему наибольшую цѣнность. Противъ теоріи торговаго баланса Смитъ замѣчаетъ, что при правильной постановкѣ торговли выигрываютъ обѣ обмѣнивающіяся страны, такъ какъ каждая представляетъ собою рынокъ для излишка произведеній другой. Каждый народъ, вслѣдствіе природныхъ свойствъ страны и естественныхъ качествъ труда ея членовъ, можетъ легче и удобнѣе производить извѣстные роды товаровъ. Подобные товары, конечно, всего цѣлесообразнѣе покупать тамъ, гдѣ они производятся при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Если бы всѣ народы слѣдовали системѣ свободной торговли и уподоблялись въ этомъ отношеніи различнымъ провинціямъ одного и того же государства, то при такой системѣ всего лучше было бы обезпечено благо всѣхъ (II. 389). Господствовавшее въ то время мнѣніе, будто торговые интересы отдѣльныхъ націй противоположны и будто благополучіе народовъ состоитъ въ разореніи сосѣдей, есть, по Смиту, не что иное, какъ продуктъ торгашеской зависти и національной ненависти; мнѣніе это можетъ пользоваться кредитомъ только потому, что корыстолюбивые аргументы заинтересованныхъ лицъ перепутали самыя простыя понятія. Въ противность этимъ мнѣніямъ Смитъ признавалъ, что благосостояніе одного народа опирается на благоденствіе другого, что раціональная торговая и хозяйственная политика состоитъ не во взаимной враждѣ и борьбѣ народовъ, а, напротивъ, во взаимной помощи и поддержкѣ.

ПОСЛѢДОВАТЕЛИ А. СМИТА ВЪ АНГЛІИ — МАЛЬТУСЪ, РИКАРДО.

Сочиненіе Ад. Смита связало въ стройную систему лучшія идеи XVIII вѣка, и потому неудивительно, что оно встрѣтило всеобщее признаніе. Насколько мысли Смита пришлись по вкусу современникамъ, показываетъ фактъ быстраго распространенія «Богатства народовъ». Эта книга выдержала шесть изданій въ первые 15 лѣтъ со времени ея появленія. Начиная съ средины 80 годовъ прошлаго столѣтія, она все чаще и чаще цитируется въ парламентѣ и политическихъ рѣчахъ. Въ началѣ XIX-го вѣка она становится главнымъ руководствомъ выдающихся политическихъ людей. Ею одновременно увлекались Молльенъ, министръ финансовъ Наполеона I-го, и знаменитые прусскіе министры Штейнъ и Гарденбергъ, работавшіе надъ политической и соціальной реформой своей страны съ цѣлью освободить ее отъ ига Наполеона. Даже до нашего русскаго общества доносились отголоски славы англійскаго экономиста. Уже въ началѣ XIX-го вѣка появляется у насъ переводъ «Богатства народовъ», который входитъ въ моду въ первые годы царствованія Александра I. Множество реформъ, совершившихся во всѣхъ странахъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, прямо навѣяны изученіемъ труда Смита. Однако, какъ ни полно, повидимому, охватило сочиненіе Смита всѣ главные вопросы теоріи и практики своего времени, въ немъ все-таки обнаружилось не мало пробѣловъ. Восполненіе этихъ пробѣловъ составило задачу ближайшихъ его послѣдователей, раздѣлившихъ вмѣстѣ съ нимъ славу основанія классической школы въ политической экономіи.

Р. Мальтусъ. Существованіе недосмотровъ въ сочиненіи Смита было, какъ это обыкновенно случается въ политической экономіи, указано самою жизнью. Несмотря на успѣхи освободительнаго движенія въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія, начало замѣчаться усиленіе бѣдности въ народныхъ массахъ. Налогъ въ пользу бѣдныхъ, составляющихъ въ 1760 г. 1,2 мил. фунт. стерл. или 3 1/2 шил. на человѣка, дошелъ къ 1784 г. до 2 мил. ф. ст., а къ 1803 г. до 4 мил. ф. ст. или до 9 шил. на человѣка [1]). Причиною этого явленія были непрерывныя войны революціоннаго періода, истреблявшія народныя средства и уничтожавшія лучшія силы націй, промышленные кризисы, слѣдовавшіе за войнами, а еще болѣе переворотъ въ промышленности, вызванный замѣною ручного труда

---

¹) Toynbee, 94.

машиннымъ и мелкаго производства крупнымъ. Распространеніе пауперизма, естественно, ставило вопросъ, отчего число бѣдныхъ растетъ съ числомъ богатыхъ и даже быстрѣе его. Вопросъ этотъ былъ оставленъ Смитомъ безъ разрѣшенія. Поэтому мысль невольно обращалась къ великой проблемѣ бѣдности. Попытка разрѣшенія этой проблемы, хотя, какъ мы увидимъ, довольно односторонняя, дала широкую извѣстность англійскому профессору и священнику Роберту Мальтусу.

Въ 1793 г. Годвинъ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе «О политической справедливости», которое произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ. Въ этомъ сочиненіи доказывалось, что причина человѣческой бѣдности лежитъ единственно въ недостаткахъ общественныхъ учрежденій. Существующаго богатства больше, чѣмъ достаточно на всѣхъ, но только оно неравномѣрно распредѣлено: у одного его слишкомъ много, а у другого нѣтъ ничего. Сущность задачи, которую надлежитъ преслѣдовать для освобожденія человѣчества отъ удручающихъ его бѣдствій, заключается, по мнѣнію Годвина, въ соціальныхъ и политическихъ преобразованіяхъ. — Сочиненіе Годвина попалось въ руки отцу Мальтуса, страстному приверженцу идей XVIII-го вѣка и почитателю Руссо и Кондорсе. Между отцомъ и сыномъ завязался по поводу Годвина горячій споръ, который и послужилъ поводомъ Роберту Мальтусу изложить свои мысли о причинахъ бѣдности (Ингр. 144). Въ результатѣ явился, изданный въ 1798 году безъ имени автора, «An Essay on the principle of population» — «Опытъ о принципѣ народонаселенія». Въ 1803 году вышло новое изданіе этого сочиненія, совершенно переработанное и дополненное историческими и статистическими данными. Второе сочиненіе автора, служащее отчасти дополненіемъ къ первому, вышло въ 1820 году и носитъ названіе «The principles of political economy» («Начала политической экономіи»). Кромѣ названныхъ двухъ основныхъ трудовъ, имѣется нѣсколько болѣе мелкихъ произведеній Мальтуса. Въ противоположность Годвину, Мальтусъ старается свести причины соціальныхъ невзгодъ къ неизбѣжнымъ законамъ природы. Корень зла лежитъ, по его мнѣнію, не тамъ, гдѣ его искали Годвинъ и другіе писатели того же направленія, а въ чрезмѣрномъ размноженіи людей. Бѣдствія, причиняемыя странѣ дурнымъ устройствомъ общественныхъ учрежденій, совершенно ничтожны по сравненію съ тѣми, какія наносятся слишкомъ быстрымъ увеличеніемъ числа людей.—Основная мысль Мальтуса заключается въ томъ, что по самой природѣ своей населеніе имѣетъ тенденцію размножаться быстрѣе, нежели средства продовольствія. Въ каждомъ родѣ органическихъ существъ сила размноженія можетъ считаться безпредѣльной. Нѣтъ ни одной породы животныхъ и растеній, которая при благопріятной обстановкѣ для безпре-

пятственнаго проявленія своей естественной плодовитости не покрыла бы собою въ теченіе немногихъ лѣтъ всѣхъ странъ земного шара. Есть въ растительномъ царствѣ много такихъ породъ, которыя въ одинъ годъ производятъ сѣмена многихъ тысячъ растеній; такъ, напримѣръ, вязъ даетъ ежегодно до 100.000 сѣмянъ. Между животными не рѣдкость такая степень плодородія, при которой число особей извѣстной породы способно учетверяться съ каждымъ годомъ. Единственною причиной, препятствующей такому быстрому размноженію, служитъ недостатокъ въ средствахъ продовольствія. Человѣкъ не составляетъ исключенія изъ числа прочихъ органическихъ существъ; онъ также, подобно животнымъ и растительнымъ видамъ, подчиняется этому общему закону органической жизни. Въ среднихъ климатахъ женщина способна рождать дѣтей отъ 18 до 45 лѣтъ; въ этомъ возрастѣ на каждые 100 человѣкъ населенія приходится среднимъ числомъ 18 женщинъ. Если допустить, что дѣти будутъ рождаться лишь черезъ каждые три года, то и тогда число ежегодно рождающихся будетъ составлять 6% всего населенія. Такъ какъ при достаточной обезпеченности смертность можетъ не превосходить двухъ человѣкъ на 100, то отсюда слѣдуетъ, что естественный приростъ населенія можетъ равнятся 4%, а при такомъ приростѣ населеніе удвоивалось бы черезъ каждыя 18 лѣтъ. Но если даже предположить приростъ населенія равнымъ только $2\frac{1}{2}$%, то и въ такомъ случаѣ періодъ удвоенія будетъ равенъ 25 годамъ. Что въ предположеніи такого періода удвоенія населенія нѣтъ ничего преувеличеннаго, Мальтусъ доказываетъ ссылкой на примѣръ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ населеніе дѣйствительно удвоивалось въ такой срокъ. Такимъ образомъ, если населеніе въ данный моментъ равно 1, то черезъ 25 лѣтъ оно будетъ=2, черезъ новыя 25 лѣтъ=4, еще черезъ 25 лѣтъ=8 и т. д., возрастая въ прогрессіи геометрической. — Спрашивается теперь, способна ли къ такому возрастанію производительность земли? Мальтусъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Во-первыхъ, пространство земли, на которомъ можетъ распространяться человѣкъ, ограничено. Какъ скоро вся удобная для воздѣлыванія земля уже занята, дальнѣйшее прибавленіе предметовъ продовольствія можетъ получиться лишь путемъ улучшенія на земляхъ уже воздѣлываемыхъ. Но эти улучшенія по самой природѣ не могутъ быть безпредѣльны. Напротивъ, опытъ показываетъ, что при каждой новой прибавкѣ затрачиваемыхъ въ землю труда и капитала получается все меньшее количество добавочнаго продукта. На этомъ основаніи Мальтусъ полагаетъ, что въ 25-лѣтній періодъ производительность земли, въ самомъ лучшемъ случаѣ, можетъ возрастать лишь на сумму, равную производительности ея въ данный моментъ. Если мы

примемъ количество продуктовъ, добываемыхъ въ данный моментъ, равнымъ 1, то черезъ 25 лѣтъ это количество будетъ равно 2, черезъ новыя 25 лѣтъ — 3 и т. д. Никакое горячее воображеніе, — думаетъ Мальтусъ, — не рѣшится предположить большаго, такъ какъ и этого достаточно, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій обратить всю страну въ сплошной роскошный садъ. Отсюда вытекаетъ основное положеніе теоріи Мальтуса, что средства существованія при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не могутъ возрастать быстрѣе, чѣмъ въ ариѳметической прогрессіи, между тѣмъ, какъ населеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться въ прогрессіи геометрической.

При изложенныхъ условіяхъ, рано или поздно, должно возникнуть несоотвѣтствіе между количествомъ населенія и средствами, необходимыми для его прокормленія. Предположимъ, —говоритъ Мальтусъ,—что населеніе Великобританіи состоитъ въ данную минуту изъ 11 милліоновъ человѣкъ и что производительность ея почвы достаточна для поддержанія такого числа жителей. Черезъ 25 лѣтъ это населеніе возрастетъ до 22 милліоновъ; средства продовольствія также удвоятся и будутъ достаточны для прокормленія. Въ слѣдующій 25-лѣтній періодъ населеніе достигнетъ 44 милліоновъ, а продовольствія достанетъ только на 33 милліона. Къ концу перваго столѣтія населеніе, увеличившееся до 176 милліоновъ, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи средства существованія лишь для 55 милліоновъ человѣкъ; остальные же должны будутъ умереть съ голоду. Если, такимъ образомъ, естественный приростъ населенія не будетъ сдерживаться личнымъ благоразуміемъ и законодательствомъ, то съ теченіемъ времени необходимо почувствуется излишекъ населенія со всѣми его бѣдствіями. Въ этомъ-то естественномъ законѣ, а не въ несовершенствахъ общественныхъ учрежденій, лежитъ, по мнѣнію Мальтуса, истинная причина бѣдности. Впрочемъ, сама природа стремится возстановить необходимое соотвѣтствіе между количествомъ народонаселенія и количествомъ средства удовлетворенія потребностей; —но какими средствами! Повальныя болѣзни, войны, усиленная смертность дѣтей, голодъ и бѣдность — вотъ тѣ орудія, при помощи которыхъ природа устраняетъ избытокъ населенія и возстановляетъ разъ нарушенное равновѣсіе. Единственное средство для предупрежденія или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія этихъ бѣдствій Мальтусъ видитъ въ стараніи людей сдерживать свою физическую склонность къ размноженію. «Человѣкъ, рожденный въ занятый уже міръ,—говоритъ онъ,—если семейство не въ состояніи прокормить его, а общество не нуждается въ его трудѣ, не имѣетъ ни малѣйшаго права на какую бы то ни было долю въ продовольствіи. Онъ лишній на землѣ. На великомъ столѣ природы для него не осталось мѣста; природа повелѣ-

ваетъ ему удалиться и въ большинствѣ случаевъ сама приводитъ въ исполненіе свой приговоръ». Правда, это жестокое мѣсто находилось только въ первомъ изданіи сочиненія, но, сгладивъ рѣзкую форму, Мальтусъ не измѣнилъ основныхъ выводовъ и въ послѣдующемъ изданіи своего труда.

Теоретическія воззрѣнія Мальтуса приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) населеніе для своего увеличенія и сохраненія не нуждается въ искусственныхъ мѣрахъ; б) мѣры къ размноженію населенія въ большей части случаевъ только увеличиваютъ бѣдность и смертность; в) лучшимъ способомъ предупредить бѣдствія пролетаріата служитъ воздержаніе отъ раннихъ браковъ при отсутствіи средствъ для содержанія семейства; г) благотворительность и законодательство о бѣдныхъ не только безсильны предъ естественнымъ закономъ, но еще увеличиваютъ бѣдность, поощряя безпечность и невоздержность неимущихъ классовъ.

Книга Мальтуса, благодаря оригинальности и новизнѣ мысли, ловко построенной аргументаціи и искусной группировкѣ фактическаго матеріала, остановила на себѣ всеобщее вниманіе. Люди, филантропически настроенные, относились къ ней съ чувствомъ отвращенія и ужаса. Съ другой стороны, въ сферѣ тогдашняго общества нашлось не мало и поклонниковъ Мальтусова ученія. Кромѣ чисто научнаго интереса, многіе находили успокоеніе для своей совѣсти въ теоріи, которая всѣ соціальныя неравенства, всѣ несчастія бѣдности признаетъ прямымъ и неотразимымъ слѣдствіемъ естественнаго теченія жизни.

Послѣдующая критика въ значительной степени умалила впечатлѣніе книги Мальтуса. Она прежде всего показала, что въ теоріи Мальтуса не много оригинальнаго. Та же мысль высказывалась Юмомъ, Уоллэсомъ, Прайсомъ и уже въ довольно развитомъ видѣ выражена была Франклиномъ, Артуромь Юнгомъ и Тоунзендомъ. Конечно, у всѣхъ этихъ авторовъ мысль еше не развита, но все-таки сущность ея уже была дана. Но, что главное, критика подорвала вѣрность многаго, высказаннаго Мальтусомъ. Самъ Мальтусъ выразился о себѣ, что «желая выпрямить изогнутую палку, онъ, быть можетъ, черезъ-чуръ перегнулъ ее въ другую сторону». Онъ односторонне выдвинулъ одну причину страданій человѣчества, упустивъ изъ виду множество другихъ противодѣйствующихъ факторовъ или, какъ выразился одинъ изъ критиковъ, «онъ удачно обрисовалъ лабиринтъ, въ которомъ блуждаетъ человѣчество, но указалъ только однѣ двери, забывъ про остальныя». Населеніе, быть можетъ, и возрастало бы съ такою быстротою, какъ думалъ Мальтусъ, если бы тому не противодѣйствовали общественныя учрежденія и нравы. Но опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что по мѣрѣ зажиточности и обра-

зованія, приростъ населенія становится медленнѣе. Это объясняется частію измѣненіями въ нервной организаціи людей, частью же и, главнымъ образомъ, замедленіемъ въ основаніи семьи изъ-за опасенія понизить привычный образъ жизни или оставить семью безъ средствъ. Данныя статистики показываютъ, что населеніе нигдѣ не удвоивается съ такой быстротою, какъ утверждалъ Мальтусъ. 25-лѣтній приростъ въ Америкѣ объясняется вліяніемъ иммиграціи, да и то въ позднѣйшіе періоды былъ много меньше, нежели въ исключительное десятилѣтіе (1790—1800 г.), наблюдавшееся Мальтусомъ. По внѣшнимъ изслѣдованіямъ періодъ удвоенія населенія равняется: въ Германіи—68 годамъ, въ Австріи — 95 г., въ Италіи—141, а во Франціи — 165. Такимъ образомъ, если бы даже теорія была вѣрна, бѣдствія перенаселенности постигли бы человѣчество не такъ скоро, какъ пугалъ Мальтусъ.—Еще болѣе невѣрны вычисленія, относящіяся къ возрастанію продукта. Нельзя сопоставлять человѣка и животныхъ; послѣднія въ борьбѣ за существованіе ограничены только тѣмъ, что даетъ природа, тогда какъ человѣкъ своею изобрѣтательностью и энергіей въ огромной степени увеличиваетъ пищевое снабженіе. Мальтусъ просматриваетъ вліяніе усовершенствованій. Та же Англія, на которую онъ ссылается, служитъ примѣромъ противъ него. Средства существованія ростутъ въ Англіи быстрѣе, чѣмъ населеніе. Съ 1860 по 1880 населеніе Англіи выросло съ 29 мил. до 35 мил. или 20%, а богатство по оцѣнкѣ статистиковъ съ 5,2 милліарда фунтовъ стерл. до 8,4 мил. фунт. или на 62% [1]).

Д. Рикардо. Послѣ Адама Смита и Мальтуса глубокое вліяніе на развитіе экономическихъ воззрѣній оказалъ Рикардо. Онъ не былъ ученымъ по профессіи, какъ его предшественники, Смитъ и Мальтусъ. Родомъ еврей, онъ едва не съ колыбели былъ предназначенъ къ коммерческой дѣятельности и только случайныя обстоятельства натолкнули его на занятія политическою экономіей. Литературная дѣятельность Рикардо находится въ связи съ событіями въ экономической и общественной жизни тогдашней Англіи.

Крупная мануфактурная промышленность, благодаря усовершенствованіямъ техники и пріемовъ производства, получила въ Англіи широкое развитіе еще въ концѣ прошлаго вѣка. Не опасаясь болѣе конкуренціи, окрѣпшая промышленность Англіи нуждалась болѣе всего въ расширеніи сбыта своихъ произведеній, въ освобожденіи торговли отъ удержавшихся еще ограниченій меркантилистической политики. Вопросъ о возможно полномъ проведеніи въ жизнь принципа свободной торговли настойчиво

---

[1]) Toynbee, 108.

выдвигался на первый планъ и въ интересахъ промышленнаго могущества страны требовалъ себѣ неотложнаго разрѣшенія. Но политическія событія этой эпохи сосредоточили всеобщее вниманіе на зоботахъ иного свойства и заставили надолго отложить разрѣшеніе насущныхъ экономическихъ вопросовъ. Какъ извѣстно, Англія втянулась въ продолжительныя войны съ Франціей, отразившіяся на хозяйственной жизни націи цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ испытаній. Громадные военные расходы и постоянныя денежныя поддержки союзныхъ армій истощили государственную казну и довели до небывалой цифры размѣръ англійскаго государственнаго долга. Англійская внѣшняя торговля испытывала подъ вліяніемъ военныхъ бѣдствій тяжелыя стѣсненія. Извѣстны послѣдствія грандіозной затѣи Наполеона—такъ называемой, «континентальной системы», — благодаря которой послѣ Тильзитскаго мира Англія очутилась совершенно изолированною и отрѣзанною отъ европейской международной торговли. Когда съ водвореніемъ мира возобновилась международная торговля, огромныя массы хлѣбныхъ произведеній другихъ странъ наводнили собой англійскіе рынки. Сильное паденіе хлѣбныхъ цѣнъ вызвало громкій ропотъ со стороны сельскихъ хозяевъ, а такъ какъ землевладѣльческая аристократія, благодаря своему господствующему значенію въ парламентѣ, имѣла рѣшительное вліяніе на ходъ законодательныхъ работъ, то она и употребила всѣ свои усилія, чтобы положить конецъ вредной для ихъ интересовъ дешевизнѣ хлѣбныхъ продуктовъ. Отечественное земледѣліе было объявлено въ опасности, и, какъ средство для его огражденія, было предложено возобновленіе строгихъ хлѣбныхъ законовъ, въ силу которыхъ на ввозъ заграничнаго хлѣба налагались высокія, почти запретительныя пошлины, пока цѣны на туземный хлѣбъ будутъ стоять ниже 80 шиллинговъ на квартеръ. Хлѣбные законы, поддержанные энергическою агитаціей въ парламентѣ, были проведены въ 1815 г., но ближайшія событія не замедлили обнаружить горькія послѣдствія этой мѣры, которая въ сущности защищала лишь интересы вліятельнаго землевладѣльческаго сословія къ прямому ущербу всей остальной массы населенія. Одновременно съ агитаціей въ пользу хлѣбныхъ законовъ, экономическая жизнь Англіи выдвигала еще другой важный вопросъ, касавшійся денежнаго обращенія. Англійскій банкъ, истощенный требованіями государственнаго казначейства, вынужденъ былъ въ 1797 г. пріостановить размѣнъ своихъ билетовъ на звонкую монету, причемъ предполагалось возобновить временно прекращенный размѣнъ немедленно по окончаніи кризиса. Это послѣднее предположеніе пришлось осуществить нескоро. Быстро слѣдовавшія одно за другимъ политическія событія увеличивали все болѣе и болѣе финансовыя затрудненія государства, и билеты оста-

вались неразмѣнными до 1819 г. Послѣдствія этой мѣры, не особенно замѣтныя вначалѣ, не замедлили скоро обнаружиться; начавшееся съ первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка паденіе вексельнаго курса и возвышеніе рыночныхъ цѣнъ на благородные металлы надѣлало большой переполохъ въ торговыхъ сферахъ и перепутало всѣ расчеты. Тогдашнее общество съ недоумѣніемъ смотрѣло на это прогрессивное вздорожаніе золота, не будучи въ состояніи уяснить себѣ истинныя причины этого неожиданнаго явленія.

Первое изслѣдованіе Рикардо «Высокая цѣна слитковъ есть доказательство обезцѣненія банковыхъ билетовъ», появившееся въ 1809 г., было написано подъ вліяніемъ живого интереса къ вопросамъ денежнаго обращенія въ тогдашней Англіи. Оживленная полемика, вызванная этимъ изслѣдованіемъ, подала поводъ Рикардо развить въ цѣломъ рядѣ статей свои воззрѣнія по разнымъ отдѣламъ денежнаго вопроса [1]). Въ 1815 г., подъ вліяніемъ происходившей въ теченіе этого года въ печати и обществѣ агитаціи въ пользу хлѣбныхъ законовъ, Рикардо обнародовалъ свое изслѣдованіе «Опытъ о вліяніи низкой цѣны хлѣба на прибыль съ капитала», въ которомъ онъ во всеоружіи своей логики выступаетъ защитникомъ свободной торговли и противникомъ хлѣбныхъ законовъ; онъ впервые излагаетъ здѣсь теорію ренты и выясняетъ вліяніе высокой цѣны сырыхъ произведеній на возвышеніе уровня заработной платы и уменьшеніе прибыли съ капитала. Въ 1817 г. Рикардо, уступая долгимъ и настойчивымъ убѣжденіямъ друзей, рѣшился издать въ свѣтъ самое капитальное свое сочиненіе: «О началахъ политической экономіи и налоговъ». Послѣдній трактатъ Рикардо «О покровительствѣ земледѣлію» былъ выпущенъ въ 1822 году [2]).

По основнымъ воззрѣніямъ и пріемамъ мысли Рикардо былъ прямымъ послѣдователемъ Смита. Онъ повсюду въ своемъ сочиненіи держался строго дедуктивнаго пріема. Этотъ методъ въ одно и то же время составляетъ и силу и слабость Рикардо. Самыми цѣнными и плодотворными открытіями, которыми Рикардо обогатилъ науку, онъ обязанъ именно строгому приложенію этого метода; но, съ другой стороны, чрезмѣрное увлеченіе абстракціей часто отвлекало его отъ фактической дѣйствительности. Сосредоточиваясь на общихъ началахъ, Рикардо удѣлялъ сравнительно мало вниманія практическому ихъ примѣненію и подчасъ

---

[1]) Вотъ названія прочихъ статей Рикардо по вопросамъ денежнаго обращенія: „Отвѣтъ на практическія замѣчанія Бозанкета по поводу отчета о слиткахъ“, 1811; „Предложенія въ пользу экономическаго и прочнаго денежнаго обращенія“, 1816; „Планъ учрежденія національнаго банка“, 1824.

[2]) Сочиненія Рикардо существуютъ въ хорошемъ русскомъ переводѣ Н. Зибера подъ заглавіемъ „Сочиненія Д. Рикардо“. Спб. 1885.

дѣйствительно просматривалъ обстоятельства, случайно противодѣйствующія главномъ факторамъ. Отсюда положенія Рикарда съ абстрактиной точки зрѣнія большею частью точны и вѣрны; недостатокъ же ихъ въ томъ, что они не всегда полны, не сопоставлены со всею массою частныхъ условій, въ сопровожденіи которыхъ обозначаемые ими законы являются въ дѣйствительности [1]).

Важнѣшая заслуга Рикардо состоитъ въ томъ, что онъ поставилъ на твердую почву теорію цѣнности, разработка которой начата была Ад. Смитомъ. Уже Смитъ сознавалъ, что основаніемъ цѣнности служитъ трудъ; но, говоря объ этомъ основаніи, онъ разумѣлъ—то трудъ, затрачиваемый на производство вещи, то трудъ, который нужно вымѣнять за данную вещь. Рикардо устранилъ это смѣшеніе понятій. Онъ доказалъ, что мѣновая цѣнность зависитъ, во-первыхъ, отъ рѣдкости товаровъ и, во-вторыхъ, отъ количества труда, затраченнаго на ихъ приготовленіе. Первое условіе опредѣляетъ цѣнность товаровъ, количество которыхъ не можетъ быть увеличено по произволу, послѣднее—цѣнность товаровъ, допускающихъ произвольное увеличеніе. Другая важная поправка теоріи цѣнности у Рикардо касается ученія о составныхъ ея частяхъ. По Смиту, цѣнность опредѣляется единственно количествомъ труда лишь въ первоначальномъ состояніи общества, предшествующемъ накопленію капиталовъ и образованію земельной собственности; съ появленіемъ же послѣдней въ цѣнѣ продукта должна быть выплачиваема не только цѣна матеріаловъ и задѣльная плата рабочему, но, сверхъ того, излишекъ, служащій прибылью предпринимателю и рентой землевладѣльцу, такъ что теперь цѣна большей части товаровъ слагается изъ трехъ частей и измѣняется съ перемѣной каждой изъ нихъ. Рикардо признаетъ, что даже въ первоначальномъ обществѣ ощущается необходимость въ орудіяхъ; при существованіи же орудій цѣнность продуктовъ необходимо слагается изъ труда двоякаго рода: а) труда, затраченнаго на приготовленіе самого предмета, и б) труда, требуемаго на приготовленіе орудія. «Орудія могутъ принадлежать работающему классу или другому, но это обстоятельство нисколько не измѣняетъ способа измѣренія цѣнности. Обильны или рѣдки капиталы, во всякомъ случаѣ лица, посвятившія свои капиталы производству, возьмутъ извѣстную долю продукта, а остатокъ послужитъ задѣльной платой тѣмъ, кто затрачиваетъ въ производство свой трудъ. Заработная плата можетъ возвышаться, но количество труда, которое требуется на производство вещей, отъ этого нисколько не измѣнится, и такъ какъ возвышеніе заработной платы будетъ

[1]) Зиберъ. Предисловія къ русскому переводу сочиненій Рикардо. стр. V, VI.

одинаково имѣть мѣсто для всѣхъ производителей, то такое возвышеніе не окажетъ никакого вліянія на относительную цѣнность товаровъ. Если кусокъ сукна стоитъ два куска полотна, то, какъ бы ни возвышалась заработная плата, кусокъ сукна будетъ попрежнему продолжать обмѣниваться на два куска полотна».

Главныя изслѣдованія Рикардо относятся къ теоріи распредѣленія народнаго дохода между различными классами общества. Подобно Смиту, онъ принимаетъ три источника дохода—поземельную ренту, заработную плату и прибыль на капиталъ. Но у него существуетъ иное пониманіе природы этихъ источниковъ, равно какъ законъ, управляющихъ высотою ихъ и взаимнымъ ихъ отношеніемъ. Въ теоріи Рикардо особенно важную роль играетъ рента, ибо высота ея регулируетъ остальные источники дохода. Рикардо называетъ земельною рентой ту часть земледѣльческаго продукта, которая уплачивается землевладѣльцу за пользованіе первоначальными и неистощимыми силами почвы. Рента появляется въ силу перехода населенія отъ почвъ лучшаго качества къ почвамъ худшимъ. Эти худшіе участки должны оплачивать издержки производства, потому что иначе никто не сталъ бы ихъ воздѣлывать. Но если худшіе участки оплачиваютъ издержки производства, то лучшіе, сверхъ того, даютъ еще нѣкоторый излишекъ, который и составляетъ ренту. Высота ренты опредѣляется разницею между доходомъ лучшаго участка и худшаго, который не даетъ ренты. Изъ этого опредѣленія ренты вытекаютъ два важныя отличія отъ взглядовъ Ад. Смита: а) Смитъ думалъ, что всякая земля приноситъ ренту; Рикардо доказалъ невѣрность такого мнѣнія; б) далѣе, Смитъ утверждалъ, что рента входитъ въ цѣну товаровъ; Рикардо положительно отвергъ его.

Новые взгляды развилъ Рикардо и въ теоріи прибыли съ капитала. Здѣсь важны два положенія: 1) прибыль съ капитала обратно пропорціональна заработной платѣ. Это положеніе естественно вытекаетъ изъ того, что цѣна предметовъ опредѣляется количествомъ затраченнаго труда и не зависитъ отъ условій распредѣленія произведеннаго продукта между капиталистомъ и рабочимъ. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ больше будетъ доля рабочихъ, тѣмъ меньшею окажется прибыль капиталиста. 2) Прибыль въ разныхъ отрасляхъ занятій стремится къ уравненію, такъ что въ каждую данную эпоху существуетъ одна средняя норма прибыли. Это уравненіе прибыли объясняется перемѣщеніемъ капиталовъ изъ одной отрасли занятій въ другую. Отсюда Рикардо приходитъ къ слѣдующему выводу: размѣръ прибыли зависитъ отъ высоты заработной платы; заработная же плата, какъ мы видѣли выше, опредѣляется цѣной земледѣльческихъ продуктовъ, а такъ какъ цѣна этихъ послѣднихъ стремится

къ возрастанію съ увеличеніемъ населенія, то изъ этого необходимо слѣдуетъ постоянное стремленіе прибыли къ пониженію.

ШКОЛА АДАМА СМИТА ВЪ РАЗНЫХЪ СТРАНАХЪ ЕВРОПЫ.

Основанная трудами Смита, Мальтуса и Рикардо политическая экономія быстро распространилась по всей культурной Европѣ; многочисленные послѣдователи Адама Смита, стоя на одной общей съ нимъ почвѣ, развивали отдѣльныя части и пополняли пробѣлы его системы. Литература каждой изъ европейскихъ странъ можетъ выставить изъ школы Смита по нѣскольку крупныхъ именъ. Не имѣя возможности слѣдить шагъ за шагомъ за послѣдовательнымъ развитіемъ той литературной работы, которая происходила въ передовыхъ европейскихъ странахъ послѣ Адама Смита, мы вынуждены ограничиться лишь краткимъ указаніемъ на нѣкоторыя имена, имѣющія особенно важное значеніе въ исторіи политической экономіи.

Англія. Въ Англіи самымъ крупнымъ писателемъ изъ школы Смита слѣдуетъ признать Джона Стюарта Милля. Д. С. Милль написалъ два крупныхъ сочиненія по политической экономіи. Первое сочиненіе, появившееся въ 1844 г., носитъ названіе «Опытъ о нѣкоторыхъ нерѣшенныхъ вопросахъ политической экономіи» («Essays on some unsettled questions of political economy»). Здѣсь Милль разсматриваетъ пять вопросовъ: 1) законъ распредѣленія прибыли въ международной торговлѣ; 2) вліяніе потребленія на производство; 3) значеніе понятій «производительный» и «непроизводительный»; 4) ученіе о прибыли и процентѣ, и 5) объ опредѣленіи и методѣ политической экономіи. Это сочиненіе представляетъ рядъ самостоятельныхъ изслѣдованій Милля и въ главныхъ своихъ частяхъ вошло въ позднѣйшій систематическій трудъ его. Сочиненіе Д. С. Милля «Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ примѣненій къ общественной философіи», вышедшее въ 1848 году, пользуется широкой и заслуженной извѣстностью и составило по преимуществу славу его автору; оно переведено на всѣ главные европейскіе языки и существуетъ въ русскомъ переводѣ въ трехъ изданіяхъ.

Не отличаясь оригинальностью творческой мысли, трактатъ Милля имѣетъ то несомнѣнное достоинство, что въ немъ съ замѣчательнымъ талантомъ соединены въ одно систематическое цѣлое ученія всѣхъ предшествовавшихъ экономистовъ классической школы: Смита, Мальтуса, Рикардо, Сэя и др. Съ другой стороны, что не менѣе важно, въ трактатѣ Милля выводы экономической теоріи сопоставлены съ результатами другихъ наукъ—соціальныхъ и политическихъ. Но сказаннымъ не огра-

ничиваются заслуги Д. С. Милля, какъ писателя-экономиста. Излагая и комментируя доктрины своихъ предшественниковъ, онъ приводитъ абстрактные выводы въ соприкосновенiе съ дѣйствительной жизнью, дополняетъ оставленные пробѣлы, вноситъ цѣнныя поправки въ ихъ системы и вводитъ новые предметы въ область экономическихъ изслѣдованiй. Главное значенiе Милля, какъ самостоятельнаго изслѣдователя, состоитъ въ выясненiи второстепенныхъ факторовъ, осложняющихъ влiянiе экономическихъ законовъ, что обыкновенно игнорировалось его предшественниками. Таково, между прочимъ, указанiе его на ограниченiе соперничества влiянiемъ обычая. По замѣчанiю Д. С. Милля, влiянiе обычая существенно видоизмѣняетъ законъ ренты и законъ цѣнъ. Вопреки теоретическому положенiю, не допускающему возможности совмѣстнаго существованiя двухъ различныхъ цѣнъ на одномъ и томъ же рынкѣ, онъ доказываетъ, что въ дѣйствительности на одномъ рынкѣ существуютъ десятки различныхъ цѣнъ, единственно благодаря привычкѣ.

Важнѣйшее примѣненiе своей теорiи обычая Милль дѣлаетъ въ ученiи о природѣ земельной собственности и объ аграрномъ законодательствѣ, которымъ онъ усердно занимался въ послѣднiе годы жизни, когда принялъ живое участiе въ ассоцiацiи для реформы поземельнаго владѣнiя. Теорiя ренты Рикардо исходитъ изъ того предположенiя, что существуетъ дѣятельное соперничество съ одной стороны между фермерами, а съ другой—между фермерами и представителями всѣхъ другихъ промышленныхъ занятiй. Рикардо утверждалъ, что фермеръ станетъ обработывать землю только до тѣхъ поръ, пока будетъ получать съ нея извѣстную прибыль; если же земледѣлiе дастъ неудовлетворительные результаты, то онъ обратится къ другимъ занятiямъ. По мнѣнiю Рикардо, фермеръ отдастъ землевладѣльцу ни больше, ни меньше, какъ такую долю продукта, при которой останется въ его пользу среднiй обычный процентъ прибыли на капиталъ. Милль вполнѣ соглашался съ ученiемъ Рикардо о рентѣ, но лишь при томъ условiи, если существуютъ на лицо обстоятельства, предполагаемыя этимъ ученiемъ. Онъ доказываетъ, что въ дѣйствительности безусловное соперничество не осуществимо почти нигдѣ, и приводитъ цѣлую массу фактовъ, гдѣ плата за землю опредѣляется привычкою, обычаемъ, какъ, напримѣръ, въ Индiи. Милль указываетъ также на то, что между землевладѣльцемъ и нанимателемъ устанавливаются иногда такiя отношенiя, при которыхъ цѣна земли опредѣляется произволомъ владѣльца и опасенiемъ арендатора потерять средства къ жизни. Такъ, напримѣръ, въ Ирландiи, гдѣ всѣ земли находятся въ рукахъ немногихъ лицъ, наниматели готовы платить

сколько угодно, лишь бы участки остались за ними. Изъ этого Милль дѣлаетъ выводъ о необходимости государственнаго вмѣшательства въ отношенія между землевладѣльцами и арендаторами, и важности особаго аграрнаго законодательства.

Кромѣ того, Милль сдѣлалъ нѣкоторыя поправки въ ученіи о заработной платѣ. Рикардо утверждалъ, что существуетъ извѣстный minimum, ниже котораго заработная плата упасть не можетъ; онъ такъ вѣрилъ въ истинность этого утвержденія, что считалъ невозможнымъ облагать рабочихъ налогомъ, говоря, что этотъ налогъ будутъ нести не рабочіе, а предприниматели. Милль не отрицаетъ этого общаго закона, но указываетъ на то, что minimum заработной платы опредѣляется не однѣми только физическими потребностями, но и привычкой рабочихъ къ извѣстному образу жизни; что если заработная плата будетъ держаться на высокомъ уровнѣ, то рабочій классъ создастъ себѣ такія привычки, отъ которыхъ отказаться не пожелаетъ.

Въ ученіи о невмѣшательствѣ государства Милль пошелъ далѣе своихъ предшественниковъ. Въ отличіе отъ взглядовъ Смита и Рикардо, онъ утверждаетъ, что общее благо далеко не всегда совпадаетъ съ выгодами отдѣльныхъ лицъ. Существуетъ много случаевъ, въ которыхъ заинтересованныя лица не могутъ быть лучшими судьями своихъ дѣлъ. Возьмемъ, напримѣръ, воспитаніе: «Необразованные люди,—говоритъ Милль,—не могутъ быть хорошими судьями образованія. Тотъ, кому особенно нужно стать просвѣщеннѣе и лучше, меньше всѣхъ желаетъ этого, а еслибъ и желалъ, не способенъ найти себѣ дорогу собственнымъ разсужденіемъ» (II, 498). Поэтому Милль считаетъ необходимымъ вмѣшательство государства, которое должно выразиться въ устройствѣ школъ и въ возложеніи на родителей обязанности давать дѣтямъ первоначальное обученіе. Кромѣ того, положеніе, что человѣкъ дѣйствуетъ лучше всего тогда, когда руководится собственнымъ интересомъ, не примѣнимо въ томъ случаѣ, когда человѣкъ совершаетъ свои дѣла по довѣренности. Напримѣръ, интересы директоровъ акціонерной компаніи не всегда клонятся къ общей пользѣ всѣхъ членовъ ея; поэтому, во избѣжаніе злоупотребленій необходимъ контроль государства. Далѣе, необходимо вмѣшательство государства въ такія дѣла, которыя, хотя и соотвѣтствуютъ требованіямъ правильно понимаемаго личнаго интереса, но не могутъ быть осуществлены только потому, что требуется соглашеніе слишкомъ значительнаго количества лицъ. Правительство должно также заботиться объ осуществленіи такихъ предпріятій, которыя могутъ принести пользу только въ отдаленномъ будущемъ, каковы, напримѣръ, географическія экспедиціи, устройство маяковъ, расчистка рѣкъ

и т. п. Необходимо, наконецъ, вмѣшательство правительственной власти въ такихъ случаяхъ, когда общество не обладаетъ способностью и наклонностью къ самостоятельному почину.—Кромѣ поправки теорій предшествующихъ писателей Милль ввелъ въ свою систему нѣсколько новыхъ предметовъ: онъ показалъ важность ассосацiи въ дѣлѣ улучшенія быта рабочихъ классовъ; онъ обработалъ и связалъ съ другими вопросами ученіе о различныхъ формахъ землевладѣнія.

Большой интересъ представляютъ воззрѣнія Милля на научныя задачи политической экономіи. Признавая дедуктивный методъ, приложенный въ классическихъ трактатахъ Смита и Рикардо, единственно плодотворнымъ для научной разработки экономическихъ вопросовъ, Д. С. Милль имѣлъ иное воззрѣніе, нежели большинство другихъ, на значеніе политической экономіи какъ науки. Онъ понималъ политическую экономію, какъ чистую науку, ближе всего подходящую по своему характеру къ теоритической механикѣ; ея задачи заключаются въ объясненіи общихъ законовъ явленій, а не въ непосредственномъ руководительствѣ человѣческими дѣйствіями. По воззрѣніямъ Д. С. Милля, невозможно приложить прямо къ жизни полученный путемъ теоретическаго анализа экономическій законъ, какъ нельзя строить моста на основаніи однѣхъ только математическихъ выкладокъ чистой механики. Изъ того, что извѣстный образъ дѣйствій ведетъ къ возрастанію народнаго богатства, отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ обязателенъ для человѣческаго поведенія; вездѣ и всюду выводы экономической теоріи могутъ имѣть силу и руководящее значеніе не иначе, какъ по тщательномъ соображеніи и сопостановленіи съ массою фактовъ и явленій, представляемыхъ дѣйствительнымъ состояніемъ общества.

Изъ позднѣйшихъ послѣдователей школы Смита въ Англіи заслуживаетъ особеннаго вниманія Кернсъ (Cairnes), извѣстный трудъ котораго «Logical method of poltical Economy» (1857 г.) есть лучшая монографія по вопросу о методѣ; Торнтонъ (Thornton), извѣстный въ литературѣ преимущественно сочиненіемъ: «О трудѣ, его законныхъ правахъ и несправедливыхъ притязаніяхъ», значеніе котораго заключается въ опроверженіи ученія о такъ называемомъ фондѣ заработной платы; Фосетъ (Fawcett), извѣстный какъ популяризаторъ ученія Д. С. Милля, которое онъ дополнилъ болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, каковы: о кооперативныхъ обществахъ, о стачкахъ и рабочихъ союзахъ, о національзаціи земли; Джевонсъ (Jevons), автора сочиненій: «Теоріи политической экономіи», «О деньгахъ и денежномъ обращеніи».—Кромѣ названныхъ писателей, строго слѣдовавшихъ дедуктивному пріему изслѣдованія, въ англійской литературѣ выд-

винулся цѣлый рядъ писателей, которые отдаютъ предпочтеніе индуктивному методу, основанному на статистическомъ и историческомъ изслѣдованіи. Первымъ виднымъ представителемъ этого направленія былъ Тукъ (Teoke), который, кромѣ мелкихъ сочиненій по денежному и банковому вопросамъ, пріобрѣлъ всеобщую извѣстность изданіемъ въ 1838 г. капитальнаго труда: «Исторія цѣнъ», содержащаго промышленную исторію Англіи въ теченіе настоящаго столѣтія въ связи съ исторіей измѣненія цѣнности денегъ и цѣнъ товаровъ. Изъ другихъ писателей того же направленія въ Англіи укажемъ на Роджерса (Rogers), составившаго себѣ имя изслѣдованіемъ земледѣлія и цѣнъ Англіи съ XI до XVIII вѣка; Клифъ-Лесли (Cliffe-Leslie), талантливаго автора трактата о земельномъ устройствѣ Ирландіи, Англіи и континентальныхъ странъ, а также цѣлаго ряда мелкихъ статей, изъ которыхъ особенною извѣстностью пользуется «Опытъ» о Ад. Смитѣ.

Изъ современныхъ писателей-экономистовъ Англіи выдающееся мѣсто занимаютъ Маршаль (Marshall), Сиджвикъ (Sidgwick), авторъ обширнаго трактата по политической экономіи, Ингрэмъ (Ingram) написавшій учебникъ по исторіи политической экономіи, переведенный на русскій языкъ.

Въ остальныхъ европейскихъ странахъ школа Смита считаетъ также не мало талантливыхъ представителей, хотя нельзя не замѣтить, что условія экономической жизни континентальной Европы въ концѣ прошлаго и первой половинѣ текущаго вѣка не благопріятствовали прогрессивному росту экономическихъ доктринъ. Общественная жизнь Франціи въ разсматриваемомъ періодѣ протекла въ непрерывныхъ политическихъ волненіяхъ, которыя отвлекали умы писателей отъ изслѣдованія экономическихъ явленій, вызывая сосредоточеніе мысли на проблемахъ политическихъ, — обстоятельство, имѣвшее, впрочемъ, свою выгодную сторону; благодаря ему, выяснилась связь чисто экономическихъ явленій съ явленіями соціальными и политическими. Германія до самыхъ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія была въ промышленномъ отношеніи самой отсталой изъ странъ Западной Европы. Мы ограничимся лишь краткими указаніями на болѣе выдающихся представителей Смитовой школы въ обѣихъ странахъ.

Франція. Во Франціи главой ранней школы французскихъ экономистовъ былъ Ж. Б. Сей (Jean Baptiste Say), авторъ двухъ большихъ трактатовъ: «Traité de l'économie politique» (1803 г.) и «Cours complet d'économie politique pratique» (1828 г.). Сэй первый по времени систематикъ въ области политической экономіи. Въ своемъ «Трактатѣ о политической экономіи онъ впервые переработалъ всю область эконо-

мической науки въ стройное, легко доступное обозрѣнію цѣлое, развилъ нѣкоторыя положенія, исправилъ отдѣльныя ученія. Сочиненія Сэя не представляютъ той глубины и оригинальности мысли, какія мы встрѣчаемъ у Смита и Рикардо, но они обнаруживаютъ наблюдательность автора, ясность мысли и изящество изложенія.

Ж. Б. Сэй всего болѣе извѣстенъ своею, такъ называемою, теоріею рынковъ (theorie des débouchés), которая поставила на новую точку зрѣнія вопросъ о свободѣ обмѣна. Эта теорія вполнѣ изложена въ сочиненіи «Полный курсъ практической политической экономіи» (ч. III, гл. 2). Мы живемъ,—говоритъ Сей,—въ обществѣ съ раздѣленнымъ трудомъ. Раздѣленіе труда вынуждаетъ производителей искать потребителей для большей части приготовляемыхъ ими продуктовъ. Нужно, чтобы производитель нашелъ то, что на коммерческомъ языкѣ называется рынкомъ, т.-е. возможность обмѣнять произведенный имъ продуктъ на тотъ, въ которомъ онъ нуждается. Какимъ же образомъ открываются эти рынки?

Всякій продуктъ заключаетъ въ себѣ какую-либо полезность, т.-е. онъ способенъ удовлетворить извѣстную потребность. Если бы продуктъ ничего не стоилъ, требованіе на него было бы безконечно, потому что никто не пропустилъ бы случая доставить себѣ то, что можетъ теперь или въ будущемъ удовлетворить какую-либо потребность. Если бы всѣ продукты не стоили ничего, то явились бы новые люди для потребленія, такъ какъ люди рождаются повсюду, гдѣ существуютъ средства для ихъ прокормленія. При условіи безплатности, рынокъ каждаго продукта былъ бы безконеченъ. Единственная причина, которая ограничиваетъ рынокъ товара, заключается въ необходимости платить за тѣ продукты, которые люди желаютъ пріобрѣсти. Людямъ недостаетъ не желанія купить, а средствъ къ покупкѣ.

Въ чемъ же состоятъ эти средства? Обыкновенно говорятъ — въ деньгахъ. Но, чтобы имѣть деньги для покупки, нужно пріобрѣсти ихъ чрезъ продажу товара; а человѣкъ не можетъ продать ничего, кромѣ того, что произвелъ онъ самъ, или что другіе произвели для него. Такимъ образомъ, мы покупаемъ продукты другихъ людей только на собственные продукты. Если это справедливо, то каждый продуктъ найдетъ тѣмъ больше покупщиковъ, чѣмъ больше товаровъ произведутъ сами эти покупщики. Отсюда слѣдуетъ, что разстройство въ одной отрасли производства вредитъ всѣмъ прочимъ. Неудачная жатва затрудняетъ сбытъ мануфактурныхъ издѣлій и ставитъ въ трудное положеніе столяра, плотника, ткача и пр. Такимъ образомъ, каждая отрасль производства заинтересована въ благосостояніи прочихъ. Прежде всего отсюда выте-

каетъ несостоятельность тѣхъ законовъ, которые мѣшаютъ свободному обмѣну различныхъ странъ. Законъ, препятствующій покупать товары у иностранцевъ, мѣшаетъ и продавать имъ. Сосѣдній народъ, благоденствующій, есть не соперникъ, а лучшій союзникъ; націи солидарны какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи.

Сэй дѣлаетъ еще другой выводъ изъ теоріи рынковъ. Нужно замѣтить, что съ конца XVIII-го столѣтія до настоящаго времени, почти черезъ каждыя десять лѣтъ, стали повторяться промышленные кризисы. Это обстоятельство, конечно, привлекло вниманіе экономическихъ писателей къ изслѣдованію причинъ кризисовъ. Полагали, что кризисы происходятъ отъ нарушенія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ и что поводомъ къ такому нарушенію слѣдуетъ считать излишекъ производства. Сэй не хотѣлъ согласиться съ этимъ ученіемъ. Если товаръ покупается на товаръ, то, по мнѣнію Сэя, потребитель является одновременно съ производителемъ; когда происходитъ несоотвѣтствіе между двумя отдѣльными родами продуктовъ, затрудняющее сбытъ какого-либо изъ нихъ, то причина этого заключается не въ томъ, что произведено слишкомъ много одного продукта, а въ томъ, что произведено слишкомъ мало другого продукта.

Слѣдовавшіе за Сэемъ французскіе экономическіе писатели представляютъ мало оригинальнаго: одни изъ нихъ развиваютъ идеи Сэя, другіе—англійской классической школы. Вотъ имена главнѣйшихъ изъ нихъ: Дюнойе (Dunoyer), Бланки (Blanqui), авторъ «Исторіи политической экономіи», Ioseph Garnier, Росси (Rossi), Курсель-Сенёль (Courselle-Seneuil), авторъ двухъ трактатовъ: «Руководство къ теоретическому и практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ» и «Трактата о политической экономіи»,—Шербюлье (Cherbuliez), написавшій очень хорошее руководство по политической экономіи.

Наибольшею оригинальностью изъ раннихъ французскихъ писателей отличается современникъ Сэя, Сисмонди (Simonde de Sismondi). Онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность какъ критикъ школы Смита. Но въ 1819 году Сисмонди пришлось попасть въ Англію, которая страдала въ это время отъ жестокаго экономическаго кризиса. Подъ вліяніемъ застоя въ сбытѣ товаровъ, заработная плата понизилась до такой степени, что не покрывала необходимыхъ издержекъ рабочей семьи; повсюду замѣчались бѣдность и тревога. Сисмонди былъ пораженъ рѣзкимъ контрастомъ между крайней бѣдностью и чрезмѣрнымъ богатствомъ и хотѣлъ доискаться причинъ этой аномаліи. Плодомъ такого исканія явилось новое, опубликованное въ томъ же году, сочиненіе «Nouveaux

principes d'economie politique» («Новые принципы политической экономіи»).

«Откуда,—спрашиваетъ Сисмонди,—происходятъ бѣдствія, которыя влечетъ за собою новѣйшая промышленная система? Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что машины, чрезъ пониженіе заработной платы и загроможденіе рынковъ, распространяютъ въ рабочихъ населеніяхъ ужасы голода; мы видимъ, что безпрерывное приращеніе производства ведетъ только къ обогащенію немногихъ богачей и къ еще большему обѣдненію бѣдныхъ; мы видимъ земледѣльцевъ, мало-по-малу изгоняемыхъ съ родительскихъ полей, чтобы очистить мѣсто для крупнаго земледѣльческаго производства, требующаго меньше рукъ». Всѣ эти незаслуженныя несчастія, по словамъ Сисмонди, обязаны своимъ происхожденіемъ свободной конкуренціи, которая заправляетъ экономическими отношеніями общества и препятствуетъ справедливому распредѣленію плодовъ труда. Конкуренція работниковъ между собою понижаетъ заработную плату, а соперничество машинъ, облегчаемое и поощряемое банками, уменьшаетъ постепенно спросъ на трудъ. Такимъ образомъ, конкуренція сокращаетъ доходъ рабочихъ и ведетъ общество къ промышленнымъ катастрофамъ. Чтобы предупредить эти вредныя послѣдствія чрезмѣрной конкуренціи, Сисмонди считалъ необходимымъ вмѣшательство государства, которое должно быть «покровителемъ слабаго противъ сильнаго, защитникомъ того, кто самъ не можетъ защитить себя». Однако, Сисмонди отказывается разъяснить, въ чемъ именно должно состоять это вмѣшательство. Таково основное содержаніе «Новыхъ принциповъ» Сисмонди, которые жадно были прочтены всею Европой.

Бросая взглядъ на отдѣльныя изслѣдованія Сисмонди, мы прежде всего отмѣтимъ мысль, проходящую по всему сочиненію, что богатства должны быть понимаемы и изучаемы не иначе, какъ въ тѣсной связи съ личнымъ и общественнымъ благосостояніемъ и культурой. Наряду съ заботой о возможно большемъ производствѣ, постоянно занимавшемъ чистую школу Смита, Сисмонди ставитъ стремленіе къ возможно справедливѣйшему и равномѣрнѣйшему распредѣленію богатства. Упрекая школу Смита и Рикардо въ томъ, что въ культурномъ движеніи народовъ она преслѣдуетъ только интересы прибыли и убытка, Сисмонди ставитъ задачей политической экономіи изслѣдованіе условій физическаго и нравственнаго благосостоянія народовъ,—выработку правильныхъ отношеній между доходами разныхъ частей населенія.

Во взглядахъ на производство Сисмонди пріобрѣлъ извѣстность, какъ защитникъ мелкаго землевладѣнія. Имѣвъ возможность познакомиться съ цвѣтущимъ состояніемъ мелкихъ хозяйствъ въ Тосканской области,

Сисмонди явился заступникомъ ихъ въ то время, когда повсюду въ Европѣ пользовалась популярностью англійская система крупныхъ хозяйствъ. Сисмонди доказывалъ, что мелкія хозяйства приносятъ больше валового, крупныя же больше чистаго дохода, – а съ точки зрѣнія народа, какъ цѣлаго, валовой доходъ важнѣе чистаго. — Къ новѣйшей мануфактурной промышленности Сисмонди относился отрицательно; онъ сожалѣлъ объ отмѣнѣ старыхъ цеховъ и корпорацій, сдерживавшихъ конкуренцію. Онъ — ярый врагъ машинъ, которыя, по его словамъ, отнимаютъ хлѣбъ у рабочихъ и дѣлаютъ излишнимъ рабочее населеніе. Въ своей теоріи распредѣленія Сисмонди различаетъ валовой доходъ, чистый доходъ, и свободный доходъ (остающійся за покрытіемъ необходимыхъ издержекъ на существованіе). Англійская школа признавала цѣлью всѣхъ хозяйственныхъ стремленій возможное увеличеніе чистаго дохода націи; Сисмонди осмѣялъ эту теорію чистаго дохода въ остроумной сатирѣ о королѣ острова, который вертитъ рукоятку машины и посредствомъ автоматовъ производитъ всю работу, выполняемую теперь англійскимъ населеніемъ. Самъ Сисмонди считаетъ, что идеаломъ народнаго хозяйства должно быть возрастаніе валового дохода націи.

Въ ученіи Сисмонди слѣдуетъ отмѣтить его мысли объ отношеніи производства къ потребленію. Увеличеніе производства лишь постольку составляетъ благо для націи, поскольку оно сопровождается соотвѣтственнымъ возрастаніемъ потребленія. Сисмонди видитъ все несчастіе современнаго промышленнаго общества въ томъ, что въ немъ нарушено необходимое равновѣсіе потребленія съ производствомъ; что машины въ громадной степени увеличили массу производимыхъ продуктовъ и въ то же время уменьшили средства рабочихъ классовъ, а слѣдовательно сократили и ихъ потребленіе. Отсюда—переполненіе товарами, борьба за рынки, промышленные кризисы, которые именно и происходятъ отъ того, что производится товаровъ больше, чѣмъ требуется.

Изъ новѣйшихъ экономическихъ писателей во Франціи обратилъ на себя большое вниманіе Леруа-Болье (P. Leroy-Beaulieu) своимъ трактатомъ о распредѣленіи богатствъ («Essiai sur la répartition des richesses»). Въ этомъ сочиненіи доказывается, что всѣ тенденціи новаго времени влекутъ къ уравненію состояній, что поземельная рента и прибыль на капиталъ стремятся къ уменьшенію, заработная же плата къ поднятію. Сочиненіе это важно по массѣ переработанныхъ фактовъ, къ собранію которыхъ авторъ имѣлъ особое удобство, какъ издатель извѣстнаго экономическаго журнала «L'Economiste français». Изъ прочихъ писателей выдаются: Бодрильяръ (Baudrillart), авторъ извѣстнаго сочиненія «Исторія роскоши» и описанія быта французскихъ крестьянъ;

Walras, сторонникъ математическаго метода въ приложенiи политической экономiи; Cauwés, авторъ обширнаго учебника политической экономiи, въ которомъ обработана не только теоретическая, но и прикладная экономiя съ обширнымъ матерiаломъ по исторiи, статистикѣ и законодательству, преимущественно французскому; Ch. Gide, авторъ лучшаго въ настоящее время небольшого учебника политической экономiи; Левасёръ (Levasseur), написавшiй извѣстную исторiю рабочихъ классовъ во Францiи.

Германiя. Въ Германiи политическая экономiя старой школы вызвала громадную литературу, но, разсматриваемая въ цѣломъ, эта литература до послѣдняго времени, за немногими исключенiями, была лишена творческаго духа. Главная заслуга нѣмецкихъ писателей заключалась въ систематизацiи науки, въ введенiи ея въ школьныя рамки, въ разработкѣ нѣкоторыхъ спецiальныхъ вопросовъ. Изъ многочисленныхъ учебниковъ, приноровленныхъ къ школьному преподаванiю науки, заслуживаютъ особаго вниманiя руководства К. Г. Рау, которыя до недавняго времени считались классическими въ Германiи.

Изъ самостоятельныхъ нѣмецкихъ изслѣдователей въ области политической экономiи особенно выдѣляется Тюненъ (1783—1850), основатель сельскохозяйственной экономiи, и Германъ. Тюненъ (Thünen) былъ мекленбургскiй землевладѣлецъ и провелъ всю жизнь въ деревнѣ среди занятiй сельскимъ хозяйствомъ и наукой. Его по справедливости можно назвать самымъ оригинальнымъ и плодотворнымъ ученымъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ писателей разсматриваемаго перiода. Тюненъ прiобрѣлъ себѣ право на первоклассное значенiе въ наукѣ тѣмъ, что онъ положилъ прочное основанiе сельскохозяйственной экономiи, указалъ общiе законы развитiя сельскохозяйственныхъ системъ и правила для оцѣнки сравнительной выгодности этихъ системъ. Успѣхомъ своихъ изслѣдованiй Тюненъ обязанъ удачному примѣненiю того же абстрактнаго, строго дедуктивнаго метода, который мы встрѣчаемъ у Рикардо; онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ изолируетъ отдѣльные факторы сложнаго явленiя и, оставляя всѣ остальные безъ вниманiя, изучаетъ, какое измѣненiе произведетъ перемѣна въ одномъ какомъ-нибудь разсматриваемомъ факторѣ; изучивъ одинъ факторъ, онъ вводитъ другой и т. д. Главное сочиненiе Тюнена—«Der isolirte Staat» («Изолированное государство»), —заключаетъ изслѣдованiе о влiянiи на земледѣлiе хлѣбныхъ цѣнъ, богатства почвы и налоговъ.

Любимый прiемъ Тюнена, по которому получило названiе и самое его сочиненiе, состоитъ въ примѣненiи гипотезы изолированнаго государства. Тюненъ предполагаетъ государство, лежащее среди пустыни,

имѣющее округленную территорію и повсюду одинаково плодородную почву. Въ этомъ государствѣ нѣтъ искусственныхъ путей сообщенія, нѣтъ ни судоходной рѣки, ни желѣзной дороги. Въ самомъ центрѣ государства находится большой городъ, служащій единственнымъ мѣстомъ сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. Тюненъ спрашиваетъ, какимъ образомъ большая или меньшая отдаленность отъ города будетъ дѣйствовать на способъ веденія хозяйства, на поземельную ренту и т. д. Отвѣчая на этотъ вопросъ, Тюненъ вычисляетъ издержки производства и поземельную ренту на разныхъ разстояніяхъ отъ рынка и затѣмъ въ найденныя формулы вводитъ вліяніе другихъ факторовъ. Путемъ логическихъ выводовъ изъ принятыхъ посылокъ Тюненъ приходитъ по вопросу о поземельной рентѣ къ тѣмъ же выводамъ, какъ и Рикардо, хотя работа его велась совершенно независимо отъ послѣдняго.

Другой важный отдѣлъ изслѣдованій Тюнена касается естественной величины заработной платы и ея отношенія къ проценту на капиталъ. Неудовлетворяясь тѣмъ положеніемъ Ад. Смита, что заработная плата опредѣляется отношеніемъ спроса на трудъ къ предложенію и доводится рыночнымъ соперничествомъ до стоимости издержекъ необходимаго продовольствія рабочей семьи,—признавая указанное положеніе лишь описаніемъ существующаго порядка, а не изслѣдованіемъ основныхъ его законовъ, Тюненъ старается разрѣшить вопросъ объ естественномъ отношеніи высоты заработной платы къ высотѣ прибыли при помощи анализа первобытныхъ состояній человѣчества по своей обычной гипотезѣ объ уединенномъ государствѣ. — Первоначальное вознагражденіе капитала состоитъ во всей прибавкѣ продукта, пріобрѣтаемаго чрезъ его приложеніе. Эта прибавка побуждаетъ къ умноженію капиталовъ. Но чѣмъ больше увеличивается капиталъ, тѣмъ менѣе производительными становятся новыя его приложенія. Уменьшенный размѣръ вознагражденія, доставляемаго этими новыми капиталами, распространяется вслѣдствіе конкуренціи и на прежніе капиталы. Доходъ отъ всего капитала въ совокупности опредѣляется прибавкою продукта, производимой послѣднею приложенной къ дѣлу частичкой капитала. Въ соотвѣтствіи съ этимъ пониженіемъ дохода съ капитала растетъ заработная плата. Рабочій, хотя получаетъ меньшій процентъ за скопленный имъ капиталъ, но такъ какъ вслѣдствіе возвышенія заработной платы увеличивается сумма капитала, то въ окончательномъ результатѣ онъ все-таки остается въ выигрышѣ. Однако, такое повышеніе имѣетъ свои границы. Наступаетъ, наконецъ, такой моментъ, когда увеличеніе капитала уже не можетъ поднять заработную плату въ такой степени, чтобы достигаемое чрезъ это облегченіе въ накопленіи капитала уравнивало упадокъ

процента. Съ уничтоженіемъ этого пункта прекращается побужденіе къ дальнѣйшему скопленію капитала, и заработная плата устанавливается на предѣльной высотѣ, которой она перейти не можетъ. Остается теперь найти законъ, отъ котораго зависитъ этотъ предѣльный пунктъ. Опредѣляющими факторами здѣсь являются, съ одной стороны, необходимыя средства продовольствія рабочихъ a, съ другой стороны, продуктъ труда, получаемый при помощи приложенія капитала p. При помощи математическаго вычисленія Тюненъ приходитъ къ выводу, что на границахъ изолированнаго государства капитализація прекратится и заработная плата установится на неподвижномъ уровнѣ съ того момента, какъ эта послѣдняя сдѣлается равною средней пропорціональной между двумя указанными факторами, т.-е. $\sqrt{pa}$. Мы найдемъ естественную заработную плату, если необходимое продовольствіе рабочаго, выраженное въ хлѣбѣ или деньгахъ, помножимъ на продуктъ его труда, выраженный въ той же единицѣ, и изъ произведенія извлечемъ квадратный корень. Но такое положеніе измѣняется чрезмѣрнымъ размноженіемъ населенія и обращеніемъ всѣхъ земель въ собственность. Тогда является рѣшающимъ факторомъ конкуренція, которая понижаетъ заработную плату ниже ея естественнаго предѣла и постепенно доводитъ ее до уровня средствъ продовольствія.

Германъ, бывшій профессоромъ сначала математики, а впослѣдствіи политической экономіи, составилъ себѣ извѣстность въ литературѣ своимъ сочиненіемъ «Staatswirthschaftliche Untersuchungen» — «Изслѣдованія о государственномъ хозяйствѣ»,— относимымъ нѣмецкими учеными къ лучшимъ произведеніямъ по политической экономіи. Стоя на почвѣ англійской классической экономіи, Германъ является въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частяхъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ. Особенною извѣстностью пользуется ученіе Германа о цѣнѣ, гдѣ онъ подвергаетъ обстоятельному анализу мотивы, опредѣляющіе спросъ и предложеніе.

ОППОЗИЦІЯ ШКОЛѢ СМИТА. ФРИТРЕДЕРСТВО И ПРОТЕКЦІОНИЗМЪ.

Распространеніе идей Ад. Смита и его школы совпало въ Англіи съ полнымъ развитіемъ того промышленнаго переворота, который начался еще въ первой половинѣ XVIII-го вѣка и былъ описанъ выше. Мы видѣли, какъ еще съ конца XVII столѣтія началось обезземеленіе сельскаго населенія, преимущественно путемъ огораживанія общинныхъ пастбищъ

и присоединенія ихъ къ землямъ крупныхъ владѣльцевъ. Но перемѣны, происшедшія въ этомъ направленіи въ теченіе первой половины XVIII-го вѣка, были незначительны по сравненію съ тѣми, которыя совершились послѣ. Тогда какъ въ теченіе 50 лѣтъ, между 1710 и 1760 годами, было огорожено всего около 300.000 акровъ; въ слѣдующій затѣмъ періодъ, между 1760 и 1843 годомъ, сумма огороженныхъ земель достигаетъ 7.000.000 акровъ. Одновременно съ огораживаніемъ шла замѣна мелкихъ хозяйствъ крупными фермами. Это превращеніе, хотя началось еще издавна, однако, даже въ первой половинѣ прошлаго столѣтія оно вызывало противъ себя негодованіе общественнаго мнѣнія, что заставляло проводить эту мѣру съ осторожностью. Къ концу столѣтія подобныя опасенія исчезли, и консолидація фермъ, какъ называется этотъ процессъ въ англійскихъ источникахъ, могла совершаться безпрепятственно. М. Эденъ въ 1795 году приводитъ примѣръ деревни, въ которой онъ нашелъ всего двѣ фермы, тогда какъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ ихъ было тридцать. Такимъ путемъ Англія изъ страны мелкаго крестьянскаго землевладѣнія превратилась въ страну крупныхъ фермъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ такой перемѣны былъ громадный ростъ земельныхъ усовершенствованій. Конецъ прошлаго и первая четверть настоящаго столѣтія ознаменовались огромнымъ прогрессомъ сельскаго хозяйства: повсюду былъ введенъ плодосмѣнный сѣвооборотъ, улучшены породы скота, примѣнены новыя земледѣльческія орудія. Въ результатѣ послѣдовалъ огромный подъемъ урожаевъ и приростъ земледѣльческаго продукта. Эти перемѣны выражались, между прочимъ, въ возрастаніи земельныхъ рентъ; по исчисленіи Портера въ періодъ между 1790 годомъ и 1833 ренты удвоились. Писатели того времени приводятъ примѣры фермъ, которыя до 1793 года приносили 10 шил. за акръ, а къ 1812 году отдавались по 50 шил. за акръ [1]).

Если перемѣны въ сельскомъ хозяйствѣ представляли собою лишь продолженіе прежнихъ видоизмѣненій, то въ мануфактурной промышленности послѣдняя четверть XVIII вѣка послужила началомъ совершенно новаго періода. Къ этому времени относятся великія изобрѣтенія, превратившія мануфактуры въ фабрики. Мы видѣли, что въ первой половинѣ XVIII вѣка прежняя мелкая ремесленная промышленность Англіи перешла въ домашнюю систему производства, а эта послѣдняя— въ мануфактуру чрезъ соединеніе подъ одной кровлей кустарей, работавшихъ раньше въ своихъ жилищахъ. Мануфактура стянула тысячи рабочихъ, но техника производства въ ней оставалась въ прежнемъ видѣ, если не

---

[1]) Toynbee, 92.

считать широкаго раздѣленія занятій. Адамъ Смитъ видѣлъ передъ собою лишь ручной трудъ многочисленныхъ работниковъ, соединенныхъ въ мануфактурѣ; но не успѣло пройти двухъ десятилѣтій со времени изданія «Богатства народовъ», какъ мануфактурная промышленность въ Англіи приняла совершенно иной видъ. Четыре изобрѣтенія измѣнили характеръ хлопчатобумажной мануфактуры. Въ 1770 году Джемсъ Харгривсъ взялъ патентъ на прядильную машину или, какъ онъ называлъ ее, на «прядильную Дженни»; при помощи этого снаряда можно было заразъ выпрядать нѣсколько нитокъ вмѣсто одной, какъ было на практиковавшихся дотолѣ ручныхъ самопрялкахъ. Харгривсъ употреблялъ эту «Дженни» нѣкоторое время въ собственномъ домѣ и при помощи ея получалъ въ восемь разъ больше пряжи, чѣмъ раньше. Въ 1771 году Аркрайтъ устроилъ фабрику, въ которой примѣнилъ незадолго передъ тѣмъ патентованную имъ прядильную машину «ватерную», которая представляла собою усовершенствованіе болѣе ранняго изобрѣтенія Віотта и получила свое названіе оттого, что приводилась въ движеніе водою. Въ 1779 году прядильщикъ Самуилъ Кромптонъ выдумалъ «мюльную» машину, которая соединила въ одно цѣлое оба прежнія изобрѣтенія. Открытіе Кромптона вызвало громадное увеличеніе производительной силы труда: благодаря ему въ настоящее время иногда приводится въ дѣйствіе заразъ однимъ работникомъ до 12,000 веретенъ. — Всѣ названныя усовершенствованія относились къ пряденію, облегчая превращеніе хлопка въ нить, но недоставало машины, которая оказала бы подобную же услугу въ ткачествѣ. Такая машина была открыта Картрайтомъ и патентована въ 1785 году подъ именемъ «механическаго станка». Первоначальный станокъ Картрайта подвергался потомъ многимъ измѣненіямъ и получилъ свой окончательный видъ не раньше 1813 года [1]).

Описанныя изобрѣтенія, не смотря на ихъ громадную важность, не въ состояніи были бы вызвать тѣхъ послѣдствій, какими сопровождались они, если бы одновременно съ ними не появился на свѣтъ новый могучій двигатель. Въ 1760 году Джемсъ Уаттъ взялъ привилегію на придуманную имъ паровую машину. Первоначально она употреблялась только въ горнозаводскомъ дѣлѣ, но въ 1785 году одинъ бумагопрядильщикъ въ Нёттингэмскомъ графствѣ примѣнилъ ее на своей мануфактурѣ, ранѣе приводившейся въ движеніе водою. Этотъ опытъ выяснилъ громадныя выгоды геніальнаго изобрѣтенія и повелъ къ широкому его распространенію. Въ противоположность водяной силѣ, привязанной къ опредѣленному мѣсту и не допускающей увеличенія, Уаттъ нашелъ въ

---

[1]) Gibbins. Industrial history of Fngland; 158 и д.

видѣ пара такого природнаго двигателя, который работаетъ во всякое время, зимою и лѣтомъ, днемъ и ночью въ полномъ повиновеніи руководству человѣка, который, создавая движеніе, въ то же время самъ является подвижнымъ и можетъ быть переносимъ по желанію куда угодно, который вполнѣ универсаленъ въ своемъ примѣненіи и допускаетъ какую угодно концентрацію производства.

Всѣ первыя изобрѣтенія были сдѣланы въ предѣлахъ хлопчатобумажнаго производства, но скоро духъ преобразованій распространился и на другія отрасли промышленности. Небольшія видоизмѣненія дали возможность приложить механическое пряденіе и ткачество къ шерсти и льну; примѣненіе паровой машины доставило возможность пустить въ разработку богатѣйшія мѣсторожденія каменнаго угля. Такимъ образомъ, явилась возможность широкаго развитія крупнаго производства при помощи механическихъ двигателей. Одновременно съ тѣмъ возникли улучшенные пути сообщенія. Въ 1777 году былъ оконченъ каналъ, соединившій рѣки Трентъ и Мёрсей на протяженіи 96 миль; вскорѣ затѣмъ всѣ промышленныя мѣстности Англіи примкнули къ сѣти водяныхъ путей. Съ 20-хъ годовъ началось построеніе шоссейныхъ дорогъ, а съ 1827 появились желѣзныя дороги.

Описанныя усовершенствованія вызвали, какъ и слѣдовало ожидать, громадное расширеніе и оживленіе промышленной дѣятельности. Въ короткое время мануфактуры передѣлались на новый ладъ. Уже въ 1811 году въ Англіи насчитывалось на разныхъ фабрикахъ до $4^1/_2$ милліоновъ механическихъ веретенъ [1]). Въ періодъ съ 1788 до 1803 хлопчатобумажное производство утроилось [2]). Внѣшняя торговля Англіи, не смотря на войны начала нынѣшняго столѣтія, росла съ каждымъ днемъ. Англійскій вывозъ въ 1793 году оцѣнивался въ 17.000.000 ф. ст., а въ 1800 году—въ 34.000.000 ф. ст. [3]). Это былъ золотой вѣкъ англійской промышленности; изобрѣтенія еще не успѣли перейти въ другія страны и доставляли барыши одной родинѣ изобрѣтателей. Подъемъ производительныхъ силъ подъ вліяніемъ техническаго переворота выразился въ огромномъ приростѣ населенія. До 1751 года самый значительный приростъ англійскаго населенія въ теченіе десятилѣтія былъ 3%, въ слѣдующія затѣмъ три десятилѣтія приростъ доходилъ до 6%; затѣмъ онъ равнялся въ періодъ съ 1781 до 1791 г.—9%, съ 1791 до 1801—11%, съ 1801 до 1811 — 14%, а въ періодъ съ 1801 до 1821 г. — даже 21%,—норма прироста, никогда, ни раньше, ни позднѣе, не достигавшаяся въ Англіи.

[1]) Gibbins, 158. [2]) Toynbee, 90. [3]) Gibbins, 173.

Огромные успѣхи англійской промышленности послужили толчкомъ къ новому движенію идей, которое во многомъ отступало отъ началъ Смитовой школы. Въ самой Англіи оно дало происхожденіе любопытной агитаціи въ пользу окончательнаго проведенія началъ свободной торговли, создало такъ называемую школу фритредеровъ или манчестерскую; на континентѣ же и въ Америкѣ оно вызвало къ жизни школу протекціонистовъ.

Могущественное развитіе мануфактуръ въ Англіи выдвинуло съ новою силой уже давно возникшій вопросъ о свободѣ сбыта, объ открытіи для англійскихъ произведеній широкаго, безпрепятственнаго доступа на европейскіе рынки. Между тѣмъ, начала свободной торговли встрѣчали прежде всего отпоръ въ самой Англіи, гдѣ на каждомъ шагу еще живы были преданія меркантильнаго періода. Существовавшій въ то время въ Англіи таможенный тарифъ былъ почти запретительнымъ: кромѣ 200 товаровъ, ввозъ которыхъ былъ безусловно недозволенъ, существовало болѣе тысячи предметовъ производства, обложенныхъ пошлинами. Такое широкое примѣненіе таможенной охраны являлось въ описываемую эпоху совершенно несообразнымъ и нисколько не оправдывалось съ точки зрѣнія интересовъ національной промышленности: въ то время англійскія мануфактуры настолько окрѣпли, что смѣло могли выдержать конкуренцію любого иностраннаго государства. Наоборотъ, высокое обложеніе заграничныхъ продуктовъ, особенно произведеній сельско-хозяйственныхъ, ввозъ которыхъ былъ крайне затрудненъ хлѣбными законами 1815 года, ложилось тяжелымъ бременемъ на мануфактурную промышленность, производя вздорожаніе предметовъ первой необходимости и удерживая, вслѣдствіе того, на высокомъ уровнѣ заработную плату. Не лучше были условія и на рынкахъ Европы. Континентальныя государства, сознавая, что ихъ собственныя мануфактуры не могутъ выдержать неравной борьбы съ колоссальною англійской промышленностью, старались цѣлымъ рядомъ таможенныхъ мѣропріятій оградить себя отъ подавляющаго господства Англіи на ихъ внутреннихъ рынкахъ.

Такимъ образомъ, для Англіи являлось не только теоретическимъ требованіемъ, но насущнымъ жизненнымъ интересомъ положить прочныя основанія возможно болѣе широкой свободѣ торговли. Въ сознаніе англійскаго промышленнаго класса стало все глубже проникать убѣжденіе, что развитіе богатства и силы страны стоитъ въ непосредственной связи съ постепеннымъ приближеніемъ къ системѣ свободнаго международнаго обмѣна. Въ 1820 году была подана въ англійскій парламентъ знаменитая петиція лондонскихъ купцовъ, въ которой доказывалась несостоятельность вмѣшательства государства въ экономическую жизнь. Все зло эконо-

мическаго кризиса, наступившаго въ Англіи послѣ войны, петиція видѣла въ стѣсненіи ввоза иностранныхъ продуктовъ и налоговъ на сырье. Подписанная самыми авторитетными именами промышленнаго міра, петиція эта вызвала сочувственный откликъ въ разныхъ частяхъ страны. Была назначена коммиссія для рѣшенія вопроса о возможности и цѣлесообразности отмѣны покровительственныхъ пошлинъ и нѣкоторыхъ налоговъ. Парламентская коммиссія пришла къ выводамъ, согласнымъ съ поданною петиціей, и собрала массу данныхъ для доказательства необходимости радикальной таможенной реформы. Осуществленіе требуемыхъ перемѣнъ, начатое въ 1823 г. въ министерства Каннинга и Роберта Пиля, продолжалось и въ послѣдующія затѣмъ министерства; налоги и таможенныя пошлины постепенно падали одни за другими.

Съ конца 30-хъ годовъ фритредерская агитація направила всѣ свои усилія противъ хлѣбныхъ законовъ, какъ самаго главнаго препятствія къ окончательному проведенію въ жизнь началъ свободной торговли. Въ это время, подъ главнымъ руководствомъ Ричарда Кобдена и Джона Брайта, была основана «Лига противъ хлѣбныхъ законовъ» (Anti corn law league). Число членовъ Лиги, вначалѣ незначительное, быстро росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и матеріальныя средства, которыя вскорѣ стали считаться десятками и даже сотнями тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Пропаганда велась съ необыкновенной настойчивостью и энергіей. Для воздѣйствія на общественное мнѣніе страны Лига въ широкой мѣрѣ прибѣгала къ посредству изустнаго и печатнаго слова; въ теченіе 8 лѣтъ своего существованія она неустанно проповѣдывала свои идеи на митингахъ, въ рѣчахъ, публичныхъ лекціяхъ и въ огромной массѣ печатныхъ изданій. Лигѣ удалось овладѣть общественнымъ мнѣніемъ и склонить на сторону реформы большинство въ Нижней палатѣ. 25 іюня 1846 года хлѣбные законы прекратили свое существованіе. Уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ дало англійской политикѣ рѣшительный поворотъ въ сторону дальнѣйшихъ реформъ. Отмѣны таможенныхъ пошлинъ быстро слѣдовали одна за другой, и въ 1851 году въ Англіи почти совершенно водворилась свобода промышленности и торговли. Послѣ описаннаго періода, изъ всей массы пошлинъ, число которыхъ въ британскомъ тарифѣ до 40-хъ годовъ считалось тысячами, осталось не больше 15 статей.

Движеніе въ пользу свободной торговли, происходившее въ Англіи, не осталось безъ вліянія на настроеніе умовъ и въ другихъ странахъ; эта агитація переживалась вездѣ и ознаменовалась соотвѣтственнымъ движеніемъ въ литературѣ. Въ пользу повсемѣстнаго устраненія таможенныхъ преградъ и открытія широкаго простора для международнаго

соперничества говорили какъ примѣръ Англіи, такъ и авторитеты Ад. Смита, Рикардо и Сэя. Самымъ вѣскимъ аргументомъ въ пользу свободной торговли служило громадное расширеніе англійской внѣшней торговли; подъ вліяніемъ реформъ, англійскій вывозъ въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ увеличился почти втрое; усиленіе вывоза дало обильный заработокъ мануфактурамъ и отразилось видимыми улучшеніями на всѣхъ сторонахъ экономическаго быта. Но идеи свободной торговли въ континентальныхъ государствахъ не имѣли того преобладающаго значенія, какое онѣ получили въ Англіи; рядомъ съ нимъ слагались и пускали корни въ обществѣ иного рода воззрѣнія, стремившіяся подорвать довѣріе къ англійскому фритредерству. Въ литературѣ громко раздавались голоса, что англійская проповѣдь свободной торговли преслѣдуетъ эгоистическія цѣли и обусловливается тѣмъ, что Англіи, благодаря превосходству ея промышленности, заранѣе обезпечена львиная доля въ великомъ международномъ состязаніи. Утверждали, что торговая политика Англіи, вѣрная своимъ исконнымъ традиціямъ, проникнута стремленіемъ завлечь въ свои сѣти другія государства и подчинить ихъ своему промышленному государству. Эти два противоположныя теченія идей, — стремленіе однихъ основать экономическое благосостояніе на принципѣ свободной торговли, и противоположное стремленіе другихъ—поддержать зарождающуюся національную промышленность путемъ покровительственныхъ таможенныхъ тарифовъ, — дали происхожденіе знаменитому литературному спору между фритредерами и протекціонистами, который продложается и до настоящаго времени. Посмотримъ, въ чемъ состоятъ характерныя особенности того и другого направленія.

Школа фритредеровъ характеризуется доведеннымъ до крайнихъ выводовъ ученіемъ о невмѣшательствѣ государства въ хозяйственную жизнь. Основы такому взгляду были положены физіократами и Ад. Смитомъ, но у нихъ этотъ взглядъ не имѣлъ столь безусловнаго характера: смягчался соображеніями государственной политики и, что еще важнѣе, являлся скорѣй требованіемъ теоретическимъ, нежели практическою программой. Партія фритредеровъ требуетъ абсолютной свободы экономической дѣятельности не только въ теоріи, но и въ жизненной практикѣ, опираясь на то соображеніе, что свободная конкуренція и личный интересъ служатъ во всѣхъ случаяхъ вѣрными и непогрѣшимыми руководителями человѣка въ области хозяйства. Ученіе это выросло подъ непосредственнымъ вліяніемъ измѣнившихся экономическихъ условій, явилось прямымъ слѣдствіемъ развитія внѣшней торговли и крупной промышленности, для которыхъ всякое вмѣшательство государства можетъ пред-

ставить только помѣху. Появленіе фритредерской партіи относится ко времени борьбы за отмѣну хлѣбныхъ законовъ въ Англіи. Основатель „Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ", Ричардъ Кобденъ, былъ, въ то же время, главнымъ теоретикомъ этой школы. Такъ какъ Манчестеръ былъ первоначальнымъ центромъ дѣятельности знаменитой Лиги, откуда вышли ея вожди, Кобденъ и Брайтъ, и производилась наиболѣе сильная агитація въ пользу свободной торговли, то партія фритредеровъ часто называется манчестерскою. Ея девизъ — безусловная и неограниченная свобода соперничества, которая одна только и можетъ, по ея мнѣнію, устранить всяческія неустройства въ народномъ хозяйствѣ и водворить всеобщее благоденствіе. Къ рабочему вопросу эта школа относилась отрицательно и выставляла противъ него теорію солидарности труда и капитала. По этой теоріи, фондомъ заработной платы служитъ предпринимательскій капиталъ. Возвышеніе заработной платы можетъ послѣдовать только вслѣдствіе приращенія капитала, назначаемаго на предпріятія. Прямой выводъ отсюда тотъ, что единственнымъ средствомъ къ поднятію заработковъ и улучшенію быта наемныхъ рабочихъ служитъ увеличеніе богатствъ владѣющихъ классовъ. Не имѣя возможности отрицать явныхъ фактовъ бѣдственнаго положенія рабочихъ, манчестерская партія объясняла ихъ или вліяніемъ стѣсненій прежняго времени, или недостаточнымъ примѣненіемъ принципа хозяйственной свободы, или же собственнымъ поведеніемъ рабочихъ. Единственное средство выйти изъ затруднительнаго положенія эта школа видѣла въ самопомощи самихъ рабочихъ, въ особенности – въ воздержаніи отъ раннихъ браковъ и чрезмѣрнаго размноженія.

Фритредерское движеніе изъ Англіи перешло во Францію, гдѣ оно нашло даровитаго защитника въ лицѣ остроумнаго Бастіа (Bastiat), автора сочиненій: «Экономическіе софизмы», «Экономическія гармоніи» и множества мелкихъ памфлетовъ. Сочиненія Бастіа имѣютъ чисто полемическій характеръ. Задача его, по собственнымъ его словамъ, состояла не въ теоретическомъ объясненіи фактовъ, а въ ихъ оправданіи, въ доказательствѣ того, что существующее въ его настоящемъ видѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что должно быть. Самъ Бастіа прямо выражаетъ свою цѣль въ слѣдующихъ словахъ: «Послѣднее слово экономистовъ — свобода. Но, чтобы этотъ выводъ привлекъ умы и сердца, нужно прочно обосновать его на слѣдующей посылкѣ: интересы, предоставленные самимъ себѣ, стремятся къ гармоническимъ комбинаціямъ, къ прогрессивному перевѣсу общаго блага» [1]. Чуждый критики оптимизмъ

1) Bastiat, Harmonies économiques, 7.

Бастіа находитъ себѣ яркое выраженіе въ заключительныхъ словахъ введенія въ книгу «Экономическія гармоніи», гдѣ онъ выражаетъ свой экономическій символъ вѣры: «Я вѣрю, что все въ обществѣ служитъ причиною усовершенствованія и прогресса, даже то, что причиняетъ ему страданія. Я вѣрю, что зло приводитъ къ добру и вызываетъ его, вслѣдствіе чего добро должно въ концѣ концовъ восторжествовать. Я вѣрю, что въ обществѣ существуетъ непреодолимая тенденція къ постоянному приближенію людей къ одному общему уровню и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ постепенному и безконечному повышенію этого уровня» [1]. Насколько отлично это характерное исповѣданіе вѣры отъ взглядовъ Ад. Смита и Рикардо, которые, являясь проповѣдниками промышленной свободы, не забывали въ то же время, что хозяйственный міръ представляетъ зрѣлище постоянной борьбы цѣлыхъ классовъ и отдѣльныхъ единицъ,— борьбы, которая въ концѣ-концовъ приводитъ къ выгоднымъ для общества результатамъ, но сама по себѣ есть процессъ болѣзненный, сопровождающійся пораженіемъ слабыхъ и менѣе счастливыхъ.

Идеи Бастіа всего полнѣе развиты въ его «Экономическихъ гармоніяхъ», появившихся въ 1850 году. Хозяйство, по взгляду Бастіа, есть естественный организмъ, который поддерживается въ порядкѣ природными законами, не нуждающимися ни въ какомъ искусственномъ воздѣйствіи. Въ современномъ соціальномъ и хозяйственномъ порядкѣ отнюдь нѣтъ антагонизма между различными классами, а, напротивъ, господствуетъ полная гармонія интересовъ, осуществляемая при помощи стремленія къ личной выгодѣ и неограниченнаго соперничества. Антагонизма между производителемъ и потребителемъ не можетъ существовать, потому что каждый изъ нихъ доставляетъ услугу другому. Капиталистъ и рабочій оказываютъ другъ другу равныя услуги; слѣдовательно, между ихъ интересами находится полная гармонія. Заработная плата возвышается, когда увеличивается количество капиталовъ; слѣдовательно, рабочій заинтересованъ въ томъ, чтобы прибыль капиталистовъ была какъ можно больше. Чтобы вырвать орудіе для нападокъ на поземельную собственность, какъ на монополію, Бастіа стремится опровергнуть теорію ренты Рикардо, доказывая, что поземельная рента есть не что иное, какъ процентъ на капиталъ, затраченный для усвоенія земли и приведенія ея въ настоящій видъ.—Въ теоріи народонаселенія Бастіа является противникомъ Мальтуса. Онъ доказываетъ, что населеніе стремится не только стать въ уровень со средствами продовольствія, но даже превзойти ихъ, такъ какъ съ умноженіемъ народонаселенія неизбѣжно происходятъ усовершенствованія въ средствахъ производства.

---

[1]) Ibid. 19.

Фритредерская школа нашла своихъ представителей и въ Германіи, гдѣ въ 50-хъ годахъ существовалъ цѣлый рядъ писателей этого направленія, каковы: Принсъ-Смитъ (Prince-Smith), Михаелисъ, М. Виртъ.

Школа протекціонистовъ, въ противоположность фритредерамъ, требуетъ дѣятельной государственной охраны для національной промышленности и торговли. Это есть въ сущности возрожденіе на почвѣ XIX в. старыхъ меркантилистическихъ идей. Подобно меркантилизму, протекціонизмъ требуетъ, чтобы государство, посредствомъ таможенныхъ тарифовъ, поддерживало выгодный торговый балансъ и поощряло развитіе мануфактуръ. Жизненною причиной, вызвавшей это направленіе, было подавляющее вліяніе рано развившейся англійской крупной промышленности на континентальныя государства. По мѣрѣ того, какъ, подъ вліяніемъ идей Смитовой школы, отмѣнялись стѣснительные таможенные тарифы, Англія стала заваливать континентальныя государства своими товарами, сильно затрудняя развитіе и даже самое существованіе ихъ собственныхъ мануфактуръ. Протекціонизмъ явился, такимъ образомъ, выраженіемъ борьбы національной промышленности за свое существованіе.

Протекціонистская литература возникла ранѣе всего во Франціи, благодаря преимущественно произведеніямъ Ганиля. Но теоретическое основаніе этому направленію было положено, главнымъ образомъ, въ Германіи трудами извѣстнаго Фридриха Листа. Это былъ человѣкъ необыкновенной энергіи. Съ 1817 до 1825 года онъ былъ профессоромъ государственныхъ наукъ въ Тюбингенѣ. Вынужденный, вслѣдствіе политическихъ преслѣдованій, оставить каѳедру, онъ направился въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ оставался до 1832 года среди самыхъ разнообразныхъ практическихъ занятій. Въ теченіе семилѣтняго пребыванія въ Америкѣ Листъ успѣлъ побывать и помѣщикомъ, и редакторомъ газеты, и каменноугольнымъ промышленникомъ, и желѣзнодорожнымъ предпринимателемъ. Вернувшись въ 1832 г. въ Германію, онъ поселился въ Лейпцигѣ въ качествѣ американскаго консула и началъ литературную агитацію въ пользу введенія въ Германіи покровительственной системы. Главное его сочиненіе: «Національная система политической экономіи» (Das Nationale System der politischen Oekonomie, 1841), оригинальное по мысли и написанное блестящимъ языкомъ, привлекло къ идеямъ автора множество послѣдователей и послужило основаніемъ всего дальнѣйшаго развитія протекціонистской литературы.

Исходнымъ пунктомъ ученія Листа служитъ понятіе о націи. Въ противоположность Смитовой теоріи, имѣвшей дѣло только съ индивидуальнымъ, частнымъ хозяйствомъ, Листъ ставитъ посредствующимъ чле-

номъ между отдѣльнымъ человѣкомъ и цѣлымъ человѣчествомъ націю, какъ представительницу самостоятельной хозяйственной жизни. Нація, по его взгляду, есть единый организмъ, занимающій средину между индивидуумомъ и цѣлымъ человѣчествомъ. Единство языка, нравовъ, государственнаго строя и матеріальной культуры создаетъ общія черты, отличающія членовъ одной націи отъ членовъ другой. Счастіе и сила и благосостояніе людей зависятъ отъ прочности и силы національнаго цѣлаго. Поэтому, поддержка и развитіе національности есть главная задача личнаго и государственнаго существованія. Благосостояніе націи обусловливается многостороннимъ и равномѣрнымъ развитіемъ ея производительныхъ силъ, въ которомъ именно и заключается народное богатство, а не въ массѣ мѣновыхъ цѣнностей, какъ думалъ Смитъ. Подъ производительными силами націи Листъ разумѣлъ: физическое развитіе ея членовъ, заботливость о будущемъ, обезпеченность личности и собственности, процвѣтанія наукъ и искусствъ, свободу и порядокъ, политическое могущество и, наконецъ, земледѣльческую, мануфактурную и торговую силу. Послѣднія три производительныя силы, составляющія главный базисъ національнаго благосостоянія, должны быть равномѣрно развиты во всякомъ здоровомъ обществѣ. Особенное вниманіе должно быть обращено на мануфактурную силу, ибо она обусловливаетъ экономическую независимость и политическое могущество націи, вызываетъ и распространяетъ на другія силы раздѣленіе и соединеніе труда и техническія изобрѣтенія. Страна, исключительно земледѣльческая, обыкновенно отличается, по словамъ Листа, вялостью мысли и отсталостью; она должна вывозить свои продукты и привозить взамѣнъ мануфактурные товары изъ-за-границы, вслѣдствіе чего цѣна послѣднихъ, чрезъ присоединеніе двойныхъ издержекъ, значительно возрастаетъ. — Мануфактурная промышленность развивается въ народѣ не сразу. Каждая нація проходитъ извѣстный рядъ ступеней развитія, которыхъ Листъ насчитываетъ четыре: а) бытъ пастушескій, б) бытъ земледѣльческій, в) земледѣльческо-мануфактурный и г) земледѣльческо-мануфактурно-торговый. Переходъ отъ одной ступени къ другой зависитъ отъ наступленія извѣстныхъ условій. Помогать скорѣйшему осуществленію этихъ условій, воспитывать народъ для промышленной зрѣлости — есть дѣло государства.

Главнымъ воспитательнымъ средствомъ въ рукахъ государства служитъ раціональная торговая и таможенная политика. Пока страна остается на ступени земледѣльческаго быта, она вынуждена вывозить чужіе товары, и ея торговля должна быть безусловно свободна. Но какъ скоро матеріальные и духовные факторы въ странѣ настолько развились, что представляется возможнымъ основать собственную промышленность, го-

сударство должно ввести покровительственную систему, которая защищала бы зарождающіеся промыслы отъ опаснаго соперничества болѣе сильныхъ и развитыхъ странъ. Съ достиженіемъ, наконецъ, мѣстною мануфактурной промышленностью той стадіи развитія и крѣпости, на которой ей уже не можетъ быть страшно иноземное соперничество, долженъ снова совершиться возвратъ къ системѣ свободной торговли. Говоря о покровительственныхъ пошлинахъ, Листъ не отрицаетъ, что онѣ производятъ вздорожаніе обложенныхъ ими товаровъ, но это временное пожертвованіе перевѣшивается будущими выгодами. Жертвуя временно мѣновыми цѣнностями, нація развиваетъ свои производительныя силы, а это развитіе сдѣлаетъ ее способною на вѣчныя времена получать мѣновыя цѣнности въ большемъ противъ прежняго количествѣ. Временное вздорожаніе товаровъ есть, такимъ образомъ, лишь плата за промышленное воспитаніе націи. —Нужно, впрочемъ, замѣтить, что средствомъ для развитія производительныхъ силъ націи Листъ считалъ не одни покровительственные тарифы: онъ обращалъ вниманіе Германіи на необходимость имѣть обширную и округленную территорію, на основаніе таможеннаго союза, на заведеніе собственнаго торговаго флота и, наконецъ, на сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Идеи Листа долго служили главною основой протекціонистской теоріи. Но въ 50-хъ годахъ представилъ новые доводы въ пользу этой теоріи сѣверо-американскій писатель Кэри (Carey), авторъ многихъ экономическихъ сочиненій, изъ которыхъ важнѣйшія: «Principles of Political Economy», «Principles of Social Science» и «Manual of Social Science» (послѣднее сочиненіе переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ — «Руководство къ соціальной наукѣ»). Опираясь на теорію Либиха о неизбѣжномъ истощеніи земли, если не будутъ постоянно возвращаться въ почву извлекаемыя изъ нея въ продуктахъ производительныя силы, Кэри настаиваетъ на необходимости возможно большей пространственной близости между производителемъ и потребителемъ, между земледѣліемъ и мануфактурной промышленностью, ибо лишь при этомъ условіи будутъ поступать опять въ землю остатки пищевыхъ средствъ. Отсюда онъ выводитъ необходимость туземныхъ мануфактуръ и, какъ средство для обезпеченія ихъ существованія и развитія, рекомендуетъ покровительственные тарифы.

СОЦІАЛИЗМЪ.

Причины появленія соціализма. Осуществленіе идей либеральной экономической школы, послѣдовавшее въ періодъ французской революціи и вскорѣ послѣ нея, во многомъ не оправдало возлагавшихся ожиданій. Провозглашеніе правъ человѣка санкціонировало широкую свободу человѣческой личности и дѣятельности; но французская революція, устранивъ всѣ остатки средневѣкового строя, сковывавшіе личность и собственность, не уничтожила, однако, противоположности между богатствомъ и бѣдностью: экономическія и соціальныя неравенства не исчезли, а, напротивъ, усилились подъ вліяніемъ событій, сопровождавшихъ французскій переворотъ. Непрерывныя войны, потребовавшія напряженія всѣхъ силъ европейскихъ государствъ, всеобщее разстройство государственныхъ финансовъ, постоянныя перемѣны въ направленіяхъ торговой и промышленной политики,—все это затрудняло правильное теченіе хозяйственной жизни и, внося замѣшательство въ хозяйственныя отношенія, способствовало возрастанію бѣдности въ массахъ. Но, кромѣ этихъ внѣшнихъ причинъ, были другія — внутреннія, болѣе важныя и болѣе глубокія. Это—тотъ переворотъ, который произошелъ сначала въ Англіи, а потомъ и въ другихъ государствахъ Европы подъ вліяніемъ великихъ изобрѣтеній и усовершенствованій техники и вслѣдствіе приложенія машинъ къ производству. Мы уже ранѣе изобразили самый ходъ этого переворота; отмѣтимъ теперь нѣкоторыя изъ его послѣдствій.

До начала XIX-го вѣка въ мануфактурной промышленности всѣхъ европейскихъ странъ господствовало мелкое производство. Хотя крупная форма промышленности уже начала пробивать себѣ дорогу во второй половинѣ прошлаго вѣка, но это были лишь первые шаги; мануфактура, не смотря на всѣ достигнутыя ею усовершенствованія въ организаціи работы, примѣняла попрежнему тотъ же ручной трудъ, на которомъ основывалось и ремесло. Неудивительно, поэтому, что наряду съ нею держались и даже преобладали мелкіе ремесленники и мастера. Такъ, въ производствѣ волокнистыхъ издѣлій, котораго раньше другихъ коснулось промышленное преобразованіе, даже въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія ручные ткачи въ Англіи считались сотнями тысячъ (до 250 т.)[1]. Въ мелкихъ промыслахъ каждый хозяинъ велъ производство за свой счетъ. Такъ какъ для основанія собственнаго хозяйства не требовалось

---

[1]) Kirkup. An Inquiry into the Socialism. 40.

ни значительнаго количества рукъ, ни крупнаго капитала, то даже немногочисленные наемные рабочіе ремесленныхъ заведеній всегда могли разсчитывать сдѣлаться со временемъ самостоятельными мастерами-хозяевами.—Появленіе машинъ нанесло рѣшительный ударъ мелкому ручному промышленному труду. Выгоды, достигавшіяся чрезъ примѣненіе новыхъ изобрѣтеній, были настолько значительны, машины настолько сокращали трудъ и издержки, что съ предпріятіями, усвоившими себѣ новые методы производства, никакъ не могли соперничать хозяйства, основанныя на прежнемъ ручномъ трудѣ, вслѣдствіе чего машинная работа постепенно начала вытѣснять ручную. Но для того, чтобы ввести машины, требуется крупный капиталъ и обширные размѣры производства; машины стоютъ дорого, ихъ примѣненія окупаются лишь при большемъ оборотѣ и значительномъ количествѣ рабочихъ рукъ. Такъ какъ крупный капиталъ имѣется въ рукахъ лишь немногихъ лицъ, такъ какъ въ частности имъ не обладали мелкіе производители прежняго періода, то, подъ вліяніемъ конкуренціи машинъ, имъ не оставалось никакого другого исхода, какъ пойти въ ряды фабричныхъ рабочихъ, и притомъ безъ всякой надежды когда-либо выбраться изъ этого положенія.—Подобной же участи подверглись мелкіе земледѣльцы, еще оставшіеся въ Англіи въ небольшомъ числѣ послѣ аграрнаго переворота XVIII-го столѣтія. Стѣсненное положеніе мелкихъ собственниковъ и мелкихъ фермеровъ побуждало ихъ искать дополнительнаго заработка въ кустарныхъ промыслахъ. Какъ скоро подъ вліяніемъ машинъ эти промыслы пали, земледѣльцы поневолѣ вынуждены были побросать свои хозяйства и, подобно городскимъ ремесленникамъ, искать работы на фабрикахъ. Быстрое уменьшеніе земледѣльческаго населенія, обнаружившееся въ Англіи въ теченіе нынѣшняго столѣтія при каждомъ цензѣ, показываетъ, какъ могущественна была притягательная сила фабрикъ. Такъ появился фабричный пролетаріатъ, создавшій въ современномъ обществѣ непроходимую пропасть между бѣдностью и богатствомъ, между капиталомъ и трудомъ.

Возникшее капиталистическое производство въ первое время баловало своихъ рабочихъ высокими заработками. Примѣненіе машинъ создавало такую громадную экономію, что англійскія мануфактурныя издѣлія заполонили иностранные рынки, вслѣдствіе чего послѣдовало быстрое расширеніе фабричнаго производства, за которымъ не могъ поспѣвать приливъ рабочихъ рукъ. Притомъ, изобрѣтенія прилагались не сразу во всѣхъ отрасляхъ труда; такъ, напримѣръ, механическій ткацкій станокъ, какъ было указано выше, вошелъ въ употребленіе гораздо позднѣе прядильной машины, изобрѣтенной Картрайтомъ въ 1787 году: онъ сталъ

примѣняться въ значительныхъ размѣрахъ не раньше первыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Въ это переходное время ткачъ съ семействомъ, по свидѣтельству тогдашнихъ писателей, заработывалъ отъ 40 до 60 шил. въ недѣлю [1]). Однако, выгодность промысла скоро повела къ чрезмѣрному расширенію его; англійскія мануфактуры переполнили издѣліями внутренніе и заграничные рынки, что повлекло за собою пониженіе цѣны товаровъ. Съ другой стороны, высокая плата и соперничество машинъ притянули массу рабочихъ рукъ къ фабрикамъ и понизили заработную плату. По даннымъ Леона Леви, плата ткача къ 1802 году опустилась до 14 шил. въ недѣлю, въ 1806 году—до $10^1/_2$ шил., къ 1812—до $6^1/_4$ шил., къ 1816 году (годъ кризиса)—до 5 шил. въ недѣлю [2]). По свидѣтельству парламентской комиссіи, плата ручныхъ ткачей около 1815 года опускалась такъ низко (около 3 шил. въ недѣлю) [3]), что не было даже разсчета примѣнять механическіе станки. Положеніе рабочихъ отягчалось еще тѣмъ, что, одновременно съ пониженіемъ заработковъ, послѣдовало въ Англіи огромное поднятіе цѣнъ хлѣба, вызванное частью неурожайными годами, частью же политикой парламента, именно—введеніемъ хлѣбныхъ законовъ. По свѣдѣніямъ, приводимымъ Роджерсомъ, пшеница, продававшаяся въ 1802 году по 69 шил. за квартеръ, повысилась въ 1806 году до 84 шил., въ 1812 году—до 137 шил., въ 1817 году держалась на 126 шил. [4]).

Тяжкое положеніе фабричнаго пролетарія, зависѣвшее отъ скуднаго вознагражденія труда, усугублялось еще разными другими условіями его обстановки. Огромность капитала, затраченнаго на фабрику, побуждала предпринимателей стремиться къ возможно непрерывному его занятію, откуда явилось чрезвычайное удлиненіе рабочаго дня. Раньше, нежели государство стало въ Англіи вмѣшиваться въ вопросъ о продолжительности рабочаго дня, тамъ встрѣчались примѣры 16-часовой и даже 18-часовой работы, а 14-часовой день былъ даже нормальнымъ явленіемъ. Жилищная обстановка рабочихъ въ первое время машинной эры была самая жалкая. Ростъ промышленности быстро стянулъ громадное населеніе въ новые центры и создалъ здѣсь страшную скученность населенія, которая была источникомъ болѣзней и преждевременнаго истощенія людей. Стремленіе промышленниковъ удешевить рабочую силу повело къ широкому употребленію на фабрикахъ женскаго и дѣтскаго труда. Рабочіе вначалѣ съ негодованіемъ смотрѣли на привлеченіе жен-

---

[1]) Hyndman. Historical basis of Socialism in England, 144.
[2]) L. Levi. The history of British Commerce, 150.
[3]) Held, 448.
[4]) Gibbins, 195.

щинъ и дѣтей къ фабрикѣ, но потомъ нужда заставила преодолѣть это недоброжелательство, и тысячи дѣтей отдавались на фабрики родителями, а также надзирателями для бѣдныхъ [1]). Дѣти нерѣдко ставились на работу въ шестилѣтнемъ возрастѣ и при этомъ должны были находиться въ занятіи не менѣе полусутокъ. Еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія между фабричными рабочими Англіи считалось не болѣе 23°/₀ взрослыхъ мужчинъ; остальное же число приходилось на женщинъ, подростковъ и дѣтей [2]). Едва ли нужно доказывать, что привлеченіе на фабрику такихъ элементовъ оказывало гибельное вліяніе на положеніе и будущность рабочаго населенія: оно разрушало семейный очагъ; оно приводило рабочіе классы къ физическому истощенію и нравственному отупѣнію. Важнѣе всего, что подобная деградація рабочаго класса не была слѣдствіемъ корыстолюбивыхъ наклонностей отдѣльныхъ личностей, а составляла результатъ самой системы: отдѣльный предприниматель былъ вынужденъ держать заработную плату и обстановку рабочихъ на извѣстномъ низкомъ уровнѣ, такъ какъ иначе конкуренція лишила бы его занятаго положенія.

Одна изъ самыхъ невыгодныхъ особенностей состоянія трудящейся массы при системѣ крупной промышленности состоитъ въ крайней неопредѣленности заработка. Рабочій можетъ лишиться работы, а съ нею куска хлѣба не только вслѣдствіе старости или болѣзни, но еще скорѣе по причинѣ какихъ-либо неблагопріятныхъ колебаній въ ходѣ промышленности. Стоитъ произойти заминкѣ въ сбытѣ товаровъ, зависящей отъ невѣрнаго разсчета хозяина, и рабочій теряетъ занятіе. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что такая невѣрность положенія распространяется не только на рабочихъ, но и на самихъ хозяевъ; въ періоды коммерческихъ потрясеній предприниматели иногда, безъ всякой съ ихъ стороны вины, теряютъ состояніе, добытое, быть можетъ, долгими годами напряженія. Производство, направляемое лишь безсознательными и случайными указаніями рыночныхъ цѣнъ, устремляется нерѣдко на ложные пути, или же создаетъ товары въ такомъ количествѣ, что они становятся никому не нужными. Въ результатѣ является промышленный кризисъ, который, вмѣстѣ съ отнятіемъ заработковъ у рабочихъ, обезцѣниваетъ и губитъ богатства предпринимателей. Съ тѣхъ поръ, какъ водворилось крупное капиталистическое производство, кризисы повторяются въ западной Европѣ приблизительно черезъ каждыя десять лѣтъ.

Мы привели цѣлый рядъ темныхъ сторонъ, которыми сопровожда-

[1]) Gibbins, 179.
[2]) Schultze-Gäverritz. Zum Socialen Frieden. I, 49.

лось для рабочихъ классовъ водвореніе крупнаго производства и фабричной системы [1]). Сознаніе этихъ послѣдствій и стремленіе устранить ихъ дали происхожденіе цѣлому ряду теорій, которыя извѣстны подъ общимъ именемъ соціализма.

Характеристика соціализма. Слово «соціализмъ» употребляется въ противоположность «индивидуализму» Смитовой школы. Какъ выражается самымъ его названіемъ, соціализмъ есть совокупность такихъ экономическихъ теорій, которыя предлагаютъ современную частно-хозяйственную организацію производства и распредѣленія богатствъ всецѣло замѣнить общественно-хозяйственною. Въ настоящее время народное хозяйство представляетъ систему отдѣльныхъ самостоятельныхъ предпріятій, изъ которыхъ каждое, руководствуясь личнымъ интересомъ и повинуясь закону конкуренціи, свободно опредѣляетъ направленіе своей дѣятельности и размѣръ потребленія. Между этими отдѣльными предпріятіями распредѣлены на правѣ частной собственности матеріальные факторы производства,—земля и капиталъ; производительное назначеніе этихъ факторовъ зависитъ отъ воли ихъ собственника, регулируемой спросомъ и предложеніемъ. Соціализмъ или коллективизмъ стремится замѣнить эту организацію такою, въ которой средства производства, земля и капиталъ, составляли бы достояніе не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго общества, въ которой, поэтому, производство и распредѣленіе богатства опредѣлялось бы не произвольнымъ усмотрѣніемъ отдѣльныхъ предпринимателей и случайностями спроса и предложенія, а планомѣрными распоряженіями общественной власти. Коллективное владѣніе землею и капиталомъ и общественная организація производства и распредѣленія,—вотъ два основныя положенія соціализма. Съ полнымъ осуществленіемъ этихъ двухъ принциповъ должны исчезнуть частныя промышленныя предпріятія, отдѣльные классы капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ, равно какъ доходы, получаемые только въ силу владѣнія имуществомъ, безъ труда. Современная торговля, рынокъ, биржа, деньги, кредитъ,—всѣ эти черты настоящаго хозяйства не совмѣстимы съ началами соціалистическаго общества.

Остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ соціалистическаго устройства, какъ онѣ рисуются современными излагателями соціализма, въ особенности Шеффле [2]). Задача производства опредѣляется въ настоящее время указаніями индивидуальнаго спроса потребителей; а эти указанія

---

[1]) Ср. Brentano. Die gewerbliche Arbeiterfrage въ Schönberg Handbuch der pol. Oek. 1-te Ausg. II, 927—929.

[2]) Schaeffle. Die Quintessenz des Socialismus. 12-te Ausg. Его же „Капитализмъ и Соціализмъ“, въ русск. переводѣ.

сплошь и рядомъ бываютъ неясны и шатки, вслѣдствіе чего современная промышленность порождаетъ нерѣдко банкротство и кризисы. Чтобы устранить такую, по выраженію писателей разсматриваемаго направленія, «анархію производства», соціализмъ стремится превратить всякое производство въ работу по закону. Собирая въ извѣстные періоды свѣдѣнія о потребностяхъ каждой хозяйственной единицы или группы, соціалистическія общины разсчитываютъ достигнуть такимъ путемъ полнаго приноровленія труда къ размѣру и роду потребностей въ обществѣ, при чемъ надѣются исполнить эту задачу совершеннѣе, нежели она выполняется настоящимъ хозяйствомъ, гдѣ невѣрными показаніями спроса и цѣнъ, равно какъ вліяніемъ спекуляціи, трудъ часто направляется на ложные пути. Свѣдѣнія о потребностяхъ служатъ основаніемъ для распредѣленія труда въ соціалистическомъ государствѣ. Главнымъ стимуломъ къ труду должно быть стремленіе къ общему благу и давленіе общественнаго мнѣнія, которое своей похвалой или порицаніемъ будетъ оказывать дѣйствіе на рѣшенія отдѣльнаго лица. Этотъ могущественный стимулъ будетъ привлекать людей къ труднымъ и непріятнымъ работамъ, которыя иначе могли бы отталкивать отъ себя членовъ общины. Впрочемъ, соціалистическіе писатели мечтаютъ, что самыя тягостныя работы возможно будетъ въ большинствѣ случаевъ снять съ человѣка и передать машинамъ. Каждый членъ общества непремѣнно долженъ нести въ пользу его какую-нибудь работу; но авторы соціалистическихъ трактатовъ полагаютъ, что эта повинность не будетъ тягостна для членовъ общества, такъ какъ широкое примѣненіе механическихъ усовершенствованій во всѣхъ отрасляхъ производства возвыситъ успѣшность труда, и, слѣдовательно, уменьшитъ количество его, необходимое для удовлетворенія потребностей общества.

Идеаломъ соціалистической общины является такое устройство производства, чтобы каждая совмѣстно трудящаяся группа лицъ собственнымъ трудомъ и въ собственныхъ предѣлахъ добывала все, что нужно для удовлетворенія ея потребностей. Но это устройство не исключаетъ обмѣна произведеніями отдѣльныхъ общинъ, хотя и сводитъ его къ наименьшему размѣру, при чемъ этотъ обмѣнъ ведется не частными лицами, а общественною властью.

Распредѣленіе продуктовъ труда въ соціалистическомъ обществѣ совершается не по началамъ конкуренціи и борьбы одного участника съ другимъ за величину доли въ продуктѣ, а на основаніи опредѣленнаго плана, который имѣетъ главною задачей распредѣлить вырабатываемыя блага пропорціонально количеству затрачиваемаго труда. Относительно подробностей такого распредѣленія существуетъ не мало разногласій между

писателями, состоящихъ, главнымъ образомъ, въ томъ, должны ли разные виды труда получать одинаковую долю въ продуктѣ, или же величина доли должна разнообразиться соотвѣтственно различіямъ въ талантахъ и подготовкѣ, будутъ ли принимаемы во вниманіе потребности отдѣльныхъ членовъ и т. д., или же руководящимъ началомъ останется лишь количество труда, вложеннаго въ производство. Во всякомъ случаѣ характернымъ отличіемъ соціалистическихъ проектовъ служитъ предоставленіе участія въ продуктѣ только труду и устраненіе всякихъ другихъ претензій на долю въ продуктѣ, опирающихся лишь на владѣніе имуществомъ.

Вознагражденіе труда, получаемое въ результатѣ производства, можетъ состоять, по ученіямъ представителей соціализма, единственно въ предметахъ потребленія, въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и т. д., такъ какъ обладаніе землей и капиталомъ не допускается. Но зато эти потребительныя блага предоставляются полному усмотрѣнію отдѣльныхъ лицъ: каждый можетъ расходовать ихъ немедленно, можетъ, если хочетъ, копить, можетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, даже передавать ихъ по наслѣдству. Это—единственный видъ частной собственности, допускаемый въ соціалистическомъ обществѣ.

Мы изложили существенныя черты соціалистическаго строя, какъ онъ рисуется воображенію его сторонниковъ. Если кто интересуется дальнѣйшими подробностями, то можетъ найти ихъ въ книгѣ проф. Иванюкова: «Основныя положенія теоріи экономической политики» (гл. III) и въ романѣ Беллами «Черезъ сто лѣтъ», переведенномъ на русскій языкъ. Замѣтимъ, что соціализмъ не слѣдуетъ смѣшивать съ коммунизмомъ, хотя на первыхъ стадіяхъ литературнаго развитія оба направленія нерѣдко сливались. Соціализмъ объединяетъ въ коллективномъ хозяйствѣ только производство и распредѣленіе, оставляя потребленіе на волю отдѣльныхъ лицъ; коммунизмъ же стремится установить общность не только въ трудѣ, но и въ пользованіи жизненными благами, подчиняя общественному контролю всю обширную область потребленія и домашняго хозяйства. Перейдемъ теперь къ изображенію стадій въ развитіи соціализма и къ очерку взглядовъ главныхъ представителей этого направленія.

Главные представители соціализма. [1]) Соціалистическія теоріи имѣютъ свои корни еще въ глубокой древности. Уже Платонъ въ своей «Республикѣ» проектировалъ государственное устройство, въ которомъ

---

[1]) Очеркъ литературы двухъ первыхъ періодовъ соціализма сдѣланъ, главнымъ образомъ, по сочиненію Lorenz Stein, Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich.

существуетъ общеніе имущества и коллективное производство. Въ XIV вѣкѣ монахъ Компанелла начерталъ фантастическую картину духовно-полицейскаго государства безъ брака и семьи, и безъ частной собственности. «Томасъ Морусъ въ XVI-мъ вѣкѣ представилъ въ своей «Утопіи» идеалъ земледѣльческаго государства, которое живетъ безъ частной собственности, безъ торговли и денегъ, гдѣ люди находятся въ полномъ общеніи производства и потребленія. Но эти произведенія были лишь слабыми зачатками, не имѣвшими ни какой почвы съ современной имъ дѣйствительности. Начало настоящей соціалистической литературы относится лишь ко времени французской революціи. Руссо своею общественной философіей, въ особенности «Разсужденіями о происхожденіи неравенства», Мабли и Морелле подготовили почву для соціализма; но собственно первымъ представителемъ литературы этого рода принято считать графа Сенъ-Симона.

Сенъ-Симонъ, происходя отъ древняго дворянскаго рода, получилъ хорошее образованіе подъ руководствомъ энциклопедиста Д'Аламбера и наслѣдовалъ значительное состояніе; но во время французской революціи онъ лишился унаслѣдованнаго богатства и познакомился съ горькой нуждой. Выступивъ въ 1804 году на литературное поприще, С. Симонъ издалъ рядъ сочиненій («Systême industriel», «Cathechisme des industriels», «Nouveau Christianisme»), въ которыхъ развивалъ свои воззрѣнія на господствующее экономическое зло и средства къ его устраненію. Общее направленіе его идей, отрывочно разбросанныхъ во всѣхъ его сочиненіяхъ, слѣдующее.

По Сенъ-Симону трудъ есть главный элементъ всего существующаго богатства, и потому трудящійся классъ долженъ занимать въ обществѣ господствующее положеніе, такъ какъ этотъ классъ можетъ жить и безъ помощи другихъ классовъ, другіе же безъ него обойтись не могутъ. Но ходъ исторіи привелъ къ тому, что сила денегъ постепенно взяла верхъ надъ трудомъ, пріобрѣла надъ нимъ господство и раздѣлила общество на два класса—владѣющихъ и невладѣющихъ. Настоящій общественный порядокъ есть новая форма феодализма, въ которой на мѣсто прежней поземельной аристократіи выступили капиталисты. Но теперешнее состояніе не есть послѣднее и совершеннѣйшее; долженъ наступить новый фазисъ общественнаго развитія, въ которомъ классъ собственниковъ станетъ въ подчиненіе рабочему, въ которомъ, на мѣсто господствующаго феодальнаго строя, выступитъ истинный промышленный порядокъ. Указывая въ первый разъ на рѣзко проявившуюся во Франціи послѣ революціи противоположность между буржуазіей и народомъ, Сенъ-Симонъ утверждаетъ, что истинное равенство и свобода могутъ буть достигнуты

лишь при устраненіи матеріальной зависимости рабочаго отъ капиталиста. Силою, которая способна осуществить новый порядокъ, Сенъ-Симонъ считаетъ религію. Основанія этой новой религіи изложены имъ въ сочиненіи «Nouveau Christianisme». Религія Сенъ-Симона имѣла сильный мистическій отпечатокъ, но именно эта мистическая часть его ученія, какъ замѣчаетъ Л. Штейнъ, обнаруживала всего больше притягательной силы во Франціи временъ Реставраціи. «Новое Христіанство» было неистощимымъ рессурсомъ для учениковъ Сенъ-Симона, а въ новѣйшее время—для такъ называемыхъ христіанскихъ соціалистовъ.

То, что у Сенъ-Симона является только въ намекахъ, подробно развито его ученикомъ Базаромъ. Bazard, по образованію политехникъ, открылъ въ 1829 году въ Парижѣ публичныя чтенія, въ которыхъ придалъ систематическую форму идеямъ Сенъ-Симона. — Двѣ силы, по мнѣнію Базара, лежатъ въ основѣ какъ личной, такъ и міровой жизни: сила индивидуальности и сила единенія. Первая побуждаетъ каждый индивидуумъ поддерживать самостоятельное значеніе въ ряду прочихъ и смотрѣть на себя, какъ на средоточіе всего существующаго; но одному индивидууму выступаетъ на встрѣчу другой съ тѣми же притязаніями. Отсюда возникаетъ антагонизмъ, составляющій основу нашего общества. Міръ представлялся бы чѣмъ-то чудовищнымъ, если бы начало индивидуализма не нашло себѣ противодѣйствующей силы въ началѣ единенія, —ассоціаціи. Это единеніе осуществляется въ разныхъ формахъ: въ видѣ семьи, общины, націи, государства и союза государствъ.—Враждебное дѣйствіе антагонизма, вытекающаго изъ начала индувидуальности, начинается на самыхъ первыхъ порахъ исторіи. Побѣждающій даритъ побѣжденному жизнь, но отнимаетъ его свободу, и, такимъ образомъ, возникаетъ эксплуатація человѣка человѣкомъ въ первой своей формѣ—рабства. Христіанство превратило рабство въ болѣе мягкую форму крѣпостныхъ отношеній; французская революція превратила крѣпостного въ свободнаго рабочаго; но эксплуатація человѣка человѣкомъ не окончилась: рабочій есть рабъ своей бѣдности. Причина этого явленія лежитъ въ антагонизмѣ богатыхъ и бѣдныхъ, слабыхъ и сильныхъ, зависящемъ отъ того, что промышленность ведется безъ всякой общей мысли и плана, что конкуренція расшатываетъ положеніе каждаго. Классъ рабочихъ всего болѣе терпитъ отъ этого антагонизма, и по тому на его нравственное, умственное и физическое улучшеніе должны быть прежде всего направлены планы соціальной реформы. Реформа эта, по мнѣнію Базара, должна состоятъ въ сосредоточіи существующаго имущества въ рукахъ цѣлаго общества и въ распредѣленіи его между всѣми на началахъ равенства. Первый шагъ къ этой цѣли заключается въ оторваніи собствен-

ности отъ семьи,—въ уничтоженіи наслѣдства, такъ, чтобы имущество послѣ смерти лица переходило въ руки государства. Такимъ путемъ государство сдѣлается постепенно распорядителемъ всѣхъ существующихъ въ обществѣ средствъ къ труду, которыя и распредѣлить на основаніи принципа «каждому по его способностямъ, и каждой способности по ея работѣ».

Такимъ образомъ уже школа сенъ-симонистовъ выразила сущность соціализма. Основной чертой прошедшаго, по выраженію этой школы, была эксплуатація человѣка человѣкомъ въ формѣ рабства, крѣпостничества и наемнаго труда; основной чертой будущаго должна быть эксплуатація природы человѣкомъ, соединившимся съ человѣкомъ. Промышленность должна вестись ассоціаціей работниковъ, сообща владѣющихъ средствами производства.

Другое направленіе въ ранней исторіи соціализма обязано своимъ происхожденіемъ Карлу Фурье (Charles Fourier). Жизнь Фурье представляетъ противоположность житейскому пути Сенъ-Симона. Всю свою жизнь Фурье провелъ въ званіи купеческаго приказчика, раздѣляя свое время между конторой и литературными занятіями. Еще въ 1808 г. Фурье выпустилъ въ свѣтъ первое сочиненіе «Théorie des quatre mouvements» («Теорія четырехъ движеній»). Это сочиненіе осталось незамѣченнымъ публикой до тѣхъ поръ, пока не вышло въ 1822 году новое— «Traité de l'association domestique et agricole» («Трактатъ объ ассоціаціи домашней и земледѣльческой»). Въ 1829 году появилось третье сочиненіе Фурье—«Le nouveau monde industriel» («Новый промышленный міръ»).

Въ основѣ ученія Фурье лежитъ философская идея о существованіи гармоніи между природой и человѣкомъ. Совершенство человѣка, несомнѣнно, входитъ въ волю Провидѣнія, а если такъ, то природа должна всѣми присущими ей дарами служить человѣку. Гармонія природы съ человѣкомъ достигается тогда, когда при ея помощи удовлетворяются всѣ желанія человѣка; въ такомъ удовлетвореніи заключается счастье и совершенство человѣка. Желанія и страсти человѣка должны не подавляться, какъ проповѣдуетъ обычная мораль, а развиваться въ гармоніи, чтобы онѣ не вредили человѣку, а служили его благополучію; страсти и склонности человѣка должны сдѣлаться движущими силами всякаго труда, через что и самый трудъ превратится въ наслажденіе, сдѣлается привлекательнымъ (travail attrayant). Какимъ же образомъ трудъ можетъ сдѣлаться источникомъ не страданій и лишеній, а, наоборотъ, счастья и наслажденія для человѣка? Эта цѣль достигается, по мнѣнію Фурье, черезъ осуществленіе земледѣльческой ассоціаціи, планъ которой онъ даетъ во

второмъ своемъ сочиненіи. Земледѣльческая ассоціація имѣетъ цѣлью обезпечить матеріальную независимость своихъ членовъ, а для этого устанавливаетъ порядокъ владѣнія имуществомъ и порядокъ труда. Говоря о первомъ, Фурье требуетъ соединенія мелкихъ земельныхъ владѣній въ крупныя имущественныя единицы, въ которыхъ каждый кусокъ почвы обработывался бы въ соотвѣтствіи съ его производительной силой, вслѣдствіе чего значительно возвысится доходность земли. Устройство труда въ ассоціаціи Фурье отличается тѣмъ, что тамъ работаютъ всѣ, и каждый избираетъ занятіе по способности и склонности. Раздѣленіе занятій по способностямъ и склонностямъ въ громадной степени увеличитъ успѣшность труда, возбудитъ дѣятельное соревнованіе между трудящимися и будетъ служить источникомъ постояннаго наслажденія. Другой важный моментъ при организаціи труда въ земледѣльческой ассоціаціи есть постоянная смѣна занятій: каждое занятіе должно продолжаться лишь короткое время и потомъ замѣняться другимъ. — Картину земледѣльческой ассоціаціи Фурье даетъ въ своемъ изображеніи фалангъ и фаланстеровъ. Фаланга владѣетъ пространствомъ земли около квадратной мили и имѣетъ населеніе около 2000 человѣкъ, живущихъ въ одномъ общемъ зданіи— фаланстерѣ. Трудъ здѣсь распредѣленъ и организованъ по упомянутымъ выше принципамъ. Ежегодный продуктъ труда распредѣляется между тремя основными факторами производства,—капиталомъ, трудомъ и талантомъ — и притомъ въ такой пропорціи, что капиталъ получается $^4/_{12}$, трудъ—$^5/_{12}$, а талантъ—$^3/_{12}$. Каждая фаланга стоитъ подъ управленіемъ выборныхъ распорядителей, которые, въ свою очередь, подчиняются одному верховному главѣ.

Въ Англіи родоначальникомъ соціалистической доктрины, почти одновременно съ названными писателями, явился извѣстный филантропъ Робертъ Оуэнъ (R. Owen). Очутившись въ 1789 году, почти юношей, во главѣ хлопчатобумажной фабрики, Оуэнъ съ неутомимою энергіей приступилъ къ исполненію цѣлаго плана реформъ, при помощи которыхъ онъ надѣялся поднять уровень нравственнаго и матеріальнаго положенія рабочихъ своей фабрики, погибавшихъ до того времени подъ гнетомъ нищеты и нравственной распущенности. Реформы Оуэна, выразившіяся въ сокращеніи рабочаго дня, учрежденіи общаго стола для холостыхъ работниковъ, устройствѣ помѣщеній для рабочихъ, заботахъ объ образованіи какъ ихъ самихъ, такъ и преимущественно ихъ дѣтей, увѣнчались успѣхомъ: фабрика Оуэна пришла въ цвѣтущее положеніе, рабочая колонія пользовалась полнымъ благосостояніемъ, самые испорченные ея члены стали хорошими работниками. Этотъ успѣхъ, обратившій на Оуэна и его колонію всеобщее вниманіе, побудилъ его перенести дѣя-

тельность на болѣе обширное поприще. Онъ сталъ стремиться къ преобразованію всего промышленнаго міра на выработанныхъ имъ началахъ. Свое обще-міросозерцаніе и теоретическія основанія предложеннаго имъ плана соціальной реформы Оуэнъ изложилъ въ изданномъ имъ «Опытѣ объ образованіи человѣческаго характера» («Essay upon the formation of human character», 1812). Здѣсь съ большою подробностью развивается та мысль, что человѣкъ по природѣ ни добръ, ни золъ (tabula rasa); человѣческій характеръ, съ его добрыми и дурными свойствами, слагается подъ вліяніемъ окружающей обстановки, является прямымъ продуктомъ непосредственныхъ впечатлѣній жизни и общественныхъ учрежденій. Улучшить человѣческій характеръ, поднять его на надлежащую нравственную высоту мы можемъ не иначе, какъ путемъ пересозданія условій жизни, преобразованія общественныхъ учрежденій. Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ современнаго строя жизни Оуэнъ считаетъ господство частной собственности и связанное съ этимъ институтомъ начало конкуренціи. Господство конкуренціи возбуждаетъ въ душѣ зависть, поддерживаетъ чувство борьбы и мѣшаетъ развитію инстинкта общественности, взаимной солидарности и любви. Могучимъ рычагомъ въ дѣлѣ преобразованія неблагопріятныхъ условій жизни и устраненія борьбы и розни, удручающихъ современное человѣчество, должно служить, по его мнѣнію, начало ассоціаціи, выраженное въ устройствѣ общинъ, члены которыхъ владѣютъ на началѣ равенства матеріальными факторами производства и въ которыхъ, путемъ раціонально организованнаго воспитанія, поддерживается чувство взаимной любви и сознаніе общности интересовъ. Глубоко убѣжденный въ цѣлесообразности своего плана и могуществѣ своихъ принциповъ, Оуэнъ обращался съ проектами реформъ къ самымъ вліятельнымъ людямъ своего времени: онъ сносился съ министрами, лично представлялся монархамъ, путешествовалъ въ теченіе многихъ лѣтъ изъ страны въ страну, повсюду неутомимо пропагандируя свое ученіе путемъ устнаго и печатнаго слова. Крупное состояніе было растрачено на эту пропаганду и на неоднократныя попытки практическаго осуществленія идеи. Продолжительная дѣятельность Оуэна, не смотря на неудачи его практическихъ попытокъ, имѣла важныя послѣдствія: благодаря его пропагандѣ и дѣятельной иниціативѣ—въ Англіи и Америкѣ развилось начало ассоціаціи, возникли кооперативныя общества и были сдѣланы первые шаги улучшенія путемъ законодательства положенія малолѣтнихъ рабочихъ.

Всѣ три перечисленныя школы стремились осуществить свои ученія на практикѣ чрезъ устройство ассоціацій на предлагавшихся ими нача-

лахъ. Въ этихъ первыхъ опытахъ имѣлись въ виду самостоятельныя и самодѣятельныя общины, основанныя въ кооперативномъ трудѣ членовъ съ широкимъ раздѣленіемъ занятій, — общины, которыя должны были соединять выгоды городской и сельской жизни. Большая часть и, даже, можно сказать, всѣ эти попытки, въ той формѣ, которая дана была ихъ первыми основателями, потерпѣли полную неудачу; но онѣ оказали могущественное вліяніе на послѣдующія судьбы соціализма и рабочаго движенія. Новую стадію соціализма представляютъ ученія Луи Блана и Лассаля. Въ отличіе отъ прежнихъ теорій, основывавшихъ всѣ надежды на собственной инціативѣ рабочаго класса, названные писатели стремились привлечь къ преобразованію общественнаго порядка государство.

Книга Луи Блана (Louis Blanc) — «Организація труда», появилась въ 1839 году, и была въ 40-хъ годахъ любимымъ чтеніемъ рабочаго класса. Въ своихъ планахъ соціальныхъ реформъ Луи Бланъ стоитъ на болѣе практической почвѣ и не мечтаетъ уже, подобно Сенъ-Симону и Фурье, о совершенномъ пересозданіи существующаго строя. Всѣ бѣдствія современной цивилизаціи Луи Бланъ объясняетъ господствомъ начала свободной конкуренціи и требуетъ, чтобы оно было замѣнено ассоціаціей подъ руководствомъ государства. Достиженіе этой цѣли возможно только при посредствѣ сильной государственной власти, которая должна явиться верховнымъ регуляторомъ производства. Средствомъ подавить конкуренцію и добиться господства надъ промышленною жизнью можетъ служить для государства та же самая конкуренція. Владѣя громадною денежной силой, государство само можетъ явиться самымъ сильнымъ промышленникомъ, съ которымъ никто не въ состояніи соперничать. Посредствомъ устройства въ обширныхъ размѣрахъ государственныхъ мастерскихъ оно убьетъ конкуренцію частной предпріимчивости и сосредоточитъ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли производства. Овладѣвъ промышленностью, государство уравняетъ во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ заработную плату и преобразуетъ воспитаніе въ томъ смыслѣ, чтобы мотивомъ дѣятельности каждаго сдѣлалось стремленіе не къ возможно большему личному доходу, а къ общему благу. Въ государственныхъ мастерскихъ всѣ рабочіе получаютъ равную заработную плату, которою распоряжаются по своему усмотрѣнію, хотя выгода крупнаго потребленія должна, по мнѣнію Луи Блана, рано или поздно привести ихъ къ соединенію и въ этой области. Всѣ названныя преобразованія, которыя Луи Бланъ ждалъ отъ государства, предполагаютъ, конечно, что правители заинтересованы въ ихъ выполненіи; но подобный интересъ могутъ имѣть одни лишь рабочіе классы. Поэтому, по мнѣнію Луи Блана, слѣдуетъ стараться установить господство рабочихъ. Такимъ образомъ, у Луи Блана впервые появляется планъ соціалъ-демо-

кратіи, которая стремится создать сильную и централизованную государственную власть, вполнѣ представляющую рабочіе интересы и обладающую достаточною силой для осуществленія соціальной реформы.—Идея Луи Блана объ учрежденіи государственныхъ мастерскихъ была отчасти осуществлена въ 1848 году чрезъ устройство такъ называемыхъ «національныхъ мастерскихъ» (ateliers nationaux) на государственныя средства; но среди тогдашняго броженія и политическихъ переворотовъ этотъ опытъ, конечно, не могъ разсчитывать на успѣхъ.

Изъ французскихъ писателей того же направленія упомянемъ еще о Прудонѣ (Proudhon), который, хотя и относится въ своей критикѣ къ соціализму не менѣе отрицательно, чѣмъ къ школѣ Ад. Смита, но въ положительныхъ своихъ планахъ имѣетъ много общаго съ соціализмомъ. Прудонъ видитъ корень общественно-хозяйственнаго зла не въ характерѣ производства, а въ существующей формѣ обмѣна: послѣдній долженъ совершаться не при помощи денегъ, которыя были и остаются, по его мнѣнію, главною причиной экономическаго рабства рабочихъ классовъ, а при посредствѣ раціонально-организованнаго и общедоступнаго народнаго кредита. Для осуществленія этой цѣли Прудонъ проектируетъ устройство народнаго банка (banque d'échange), въ которомъ за изготовленные продукты каждый могъ бы получить матеріалы для дальнѣйшей обработки. Взамѣнъ доставленныхъ продуктовъ, банкъ, по проекту Прудона, выдаетъ билеты; эти билеты обращаются между участниками банка, какъ дѣйствительныя цѣнности, взамѣнъ которыхъ они выданы.

Послѣ 1848 года и неудачи національныхъ мастерскихъ, соціалистическое движеніе во Франціи пріостановилось, выродившись въ болѣе практическое стремленіе къ устройству рабочихъ ассоціацій; но вскорѣ оно съ новою силой возродилось въ Германіи. Нужно замѣтить, что Германія послѣдняя познакомилась съ идеями соціализма. И это естественно, такъ какъ тотъ промышленный переворотъ, который, какъ было сказано раньше, далъ происхожденіе соціалистическимъ ученіямъ, произошелъ тамъ позднѣе всѣхъ европейскихъ странъ. Благодаря политической раздробленности и разнымъ другимъ причинамъ, въ Германіи до самыхъ 40-хъ годовъ держались старыя формы производства, при которыхъ еще не выступала наружу противоположность интересовъ рабочаго и капиталиста. Только со времени учрежденія обще-германскаго таможеннаго союза, послужившаго толчкомъ къ развитію производительныхъ силъ націи, и особенно съ половины 50-хъ годовъ, когда, подъ вліяніемъ обновленнаго строя политической жизни, Германія быстро пошла по пути промышленнаго прогресса, эта противоположность между трудомъ

и капиталомъ стала привлекать къ себѣ вниманіе и дала ходъ соціалистическимъ идеямъ.

Въ 1845 году вышла книга Энгельса «О положеніи рабочихъ классовъ въ Англіи», представляющая характеристику и рѣзкую критику судьбы англійскихъ фабричныхъ рабочихъ. Эта картина бѣдствій рабочаго класса произвела глубокое впечатлѣніе во всѣхъ кругахъ нѣмецкаго общества и заставила его оглянуться и на собственныя отношенія. Вскорѣ послѣ того появились первыя произведенія Родбертуса-Ягецова и Карла Маркса, которыя, впрочемъ, по своему характеру и по времени появленія относятся къ послѣдующему періоду.—Первыя попытки къ водворенію въ Германіи соціалистическихъ идей въ духѣ ученія Луи Блана были сдѣланы въ началѣ 60-хъ годовъ Фердинандомъ Лассалемъ. Съ средины 50-хъ годовъ въ Германіи началось, подъ вліяніемъ Шульце-Делича, сильное движеніе въ пользу устройства рабочихъ ассоціацій. Шульце-Деличъ отправлялся въ своей дѣятельности отъ той мысли, что рабочія ассоціаціи могутъ вполнѣ удобно осуществляться безъ всякаго содѣйствія государства, по собственному почину самихъ рабочихъ. Но принципы, положенные въ основаніе этихъ ассоціацій, вызвали рѣзкую критику со стороны Лассаля. Опираясь на экономическій законъ заработной платы, который онъ назвалъ «желѣзнымъ закономъ», Лассаль считалъ совершенно недопустимымъ предположеніе, что рабочіе путемъ сбереженій въ состояніи скопить капиталъ, достаточный для конкуренціи съ крупными предпріятіями. Въ противоположность Шульце-Деличу, который путемъ ассоціацій думалъ поднять и поддержать мелкое ремесло, Лассаль доказывалъ, что мелкія формы производства ни въ какомъ случаѣ не могутъ удержаться на ряду съ крупными фабриками. Выгоды дешевой закупки матеріаловъ гуртомъ, раздѣленіе труда, обусловливаемое соединеніемъ въ одномъ предпріятіи множества рабочихъ, увеличеніе производительности рабочей силы при помощи машинъ, удобства въ перевозкѣ и сбытѣ товаровъ—все это даетъ фабрикѣ такой перевѣсъ надъ мелкимъ ремесломъ, что послѣднему нечего и думать о соперничествѣ съ первой. Если, такимъ образомъ, мелкое ремесло не имѣетъ будущности, то безцѣльно поддерживать его чрезъ доставленіе различныхъ удобствъ путемъ ассоціацій. Выгода фабриканта состоитъ въ томъ, что онъ получаетъ не только вознагражденіе за трудъ, но, кромѣ того, и предпринимательскую прибыль. Чтобы рабочимъ доставалась и эта послѣдняя, они должны сами основывать крупныя фабрики. Учрежденіе фабрикъ рабочими можетъ быть достигнуто путемъ соединенія ихъ въ ассоціаціи, которыя постепенно должны захватить всѣ отрасли промышленности и, такимъ образомъ, постепенно

убить конкуренцію. Для достиженія этой цѣли требуется не только соединеніе рабочихъ, но еще и капиталъ. Доставить этотъ капиталъ есть дѣло государства. Чтобы склонить государство къ поддержанію ассоціацій капиталомъ, представители рабочаго класса должны составлять большинство въ законодательныхъ собраніяхъ, средствомъ для чего служитъ всеобщее избирательное право. Рабочіе, по словамъ Лассаля, должны вести постоянную агитацію въ пользу введенія всеобщихъ прямыхъ выборовъ. Добившись этой цѣли, они, какъ многочисленнѣйшій классъ въ государствѣ, естественно, получатъ преобладаніе въ народномъ представительствѣ, и тогда будущность въ ихъ рукахъ.

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ двѣ стадіи соціалистическихъ теорій имѣютъ ту общую черту, что на первомъ планѣ стоятъ у нихъ проекты преобразованій человѣческаго общества. Разница между Сенъ-Симономъ и Лассалемъ состоитъ лишь въ большей практичности плановъ послѣдняго, въ большемъ согласованіи ихъ съ условіями современности; но у обоихъ центръ тяжести одинаково заключается въ выработкѣ такой соціальной реформы, которая сразу выведетъ человѣчество изъ его настоящаго состоянія. Третій фазисъ развитія соціализма, пріурочивающійся къ Германіи и, въ особенности, къ двумъ крупнымъ именамъ—Родбертусу-Ягецову и Карлу Марксу, ставитъ своей задачей не изобрѣтеніе новаго способа возродить человѣчество, а изображеніе законовъ общественнаго развитія и доказательство того положенія, что господствующія тенденціи времени неудержимо влекутъ къ новому экономическому порядку,—къ реформѣ въ духѣ соціализма. Представители этого третьяго направленія, именующаго себя «научнымъ соціализмомъ», стремятся доказать, что новый принципъ экономической организаціи не есть созданіе ихъ воображенія, а прямой результатъ перемѣнъ, происходящихъ въ жизни. Они полагаютъ, что на ихъ сторонѣ находятся самыя могущественныя силы современнаго историческаго движенія, которыя неизбѣжно обнаружатъ свое дѣйствіе, какія бы препятствія имъ ни противополагались. Отсюда главная цѣль и научный интересъ представителей этого новаго фазиса соціализма состояли въ разъясненіи происхожденія и въ характеристикѣ современнаго экономическаго порядка, т.-е. въ задачахъ чисто научныхъ; практическія цѣли соціальнаго преобразованія отступаютъ у нихъ на задній планъ.

Родбертусъ-Ягецовъ извѣстенъ въ литературѣ столько же своими историческими трудами, въ особенности своими «Изслѣдованіями

по политической экономіи классической древности» [1]), сколько и теоретическими сочиненіями, положившими первыя основы новой стадіи соціализма. Изъ числа послѣднихъ важны два главные его труда: «Для ознакомленія съ нашимъ экономическимъ положеніемъ» («Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände») и «Соціальныя письма къ Кирхману» («Sociale Briefe an von Kirchmann»). Первое изъ этихъ сочиненій появилось въ 1842 году, а послѣднее—въ 1850 г. Дополненіемъ къ названнымъ сочиненіямъ является четвертое «Соціальное письмо къ Кирхману», изданное уже послѣ смерти автора въ 1884 г. подъ заглавіемъ «Капиталъ» («Das Kapital»). Главная мысль, проводимая Родбертусомъ въ исторической части его теорій, состоитъ въ томъ, что народнохозяйственный строй постоянно испытываетъ измѣненія, что настоящій порядокъ существенно отличается отъ того, который господствовалъ въ античномъ мірѣ и въ средніе вѣка. Какъ средневѣковый порядокъ вытекъ изъ античнаго путемъ постепеннаго преобразованія различныхъ сторонъ экономическаго быта, такъ и современный строй долженъ будетъ исчезнуть и замѣниться такимъ, въ которомъ орудія производства будутъ принадлежать не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлому обществу. Главный ключъ ко всѣмъ бѣдствіямъ современнаго экономическаго порядка состоитъ въ томъ, что, въ силу сосредоточенія собственности на орудія производства въ рукахъ отдѣльныхъ членовъ общества, трудящіеся классы лишаются результатовъ непрерывно возрастающей производительности человѣческаго труда. Чтобы обосновать этотъ взглядъ, Родбертусъ пересматриваетъ всѣ основныя положенія экономической теоріи. Въ отличіе отъ соціалистовъ прежняго времени, которые съ враждою относились къ экономической наукѣ, Родбертусъ считаетъ, что его теорія есть лишь послѣдовательное проведеніе взглядовъ Адама Смита и Рикардо. Основнымъ положеніемъ своей доктрины онъ считаетъ тотъ, введенный въ науку Смитомъ и глубже обоснованный Рикардо, тезисъ, что всѣ хозяйственныя блага должны разсматриваться лишь какъ продукты труда, и только одного труда: нѣтъ цѣнности или дохода, которые созданы не трудомъ. Рента или доходъ, получаемый безъ труда единственно въ силу владѣнія, можетъ возникать лишь при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, если работа производитъ больше, чѣмъ сколько требуется для содержанія и продолженія труда, и, во-вторыхъ, если существуютъ учрежденія, которыя этотъ излишекъ вполнѣ или частію отнимаютъ у рабочихъ и отдаютъ другимъ лицамъ, не трудившимся надъ созданіемъ продукта.

[1]) „Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности“ переведены на русскій языкъ, подъ редакціей проф. Тарасова. Вып. 1—4. Ярославль, 1881—1887.

Первое условіе имѣетъ хозяйственное основаніе, второе же опирается на дѣйствующемъ положительномъ правѣ. Первоначально рабство было такимъ правовымъ институтомъ, который отвлекалъ отъ рабочаго избытокъ, составлявшій ренту. Съ тѣхъ поръ, какъ водворилась личная свобода, земля же и капиталъ перешли въ частную собственность, частное землевладѣніе и капиталовладѣніе производятъ такое же вліяніе, какое въ предшествующую эпоху оказывало рабство: они, по законамъ конкуренціи, ограничиваютъ средства содержанія рабочаго самымъ необходимымъ и отводятъ отъ него ренту. Изъ этой основной черты настоящаго строя Родбертусъ выводитъ пролетаріатъ и промышленные кризисы, которые имѣютъ, по его взгляду, общее происхожденіе. Съ развитіемъ техники и примѣненіемъ усовершенствованныхъ пріемовъ производства, успѣшность человѣческаго труда возрастаетъ все болѣе и болѣе, обусловливая безпредѣльный ростъ національнаго богатства; между тѣмъ, доля рабочаго, опредѣляясь суммой жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для его пропитанія и содержанія, остается постоянно на одномъ уровнѣ. Такимъ образомъ, рабочій ничего не выигрываетъ отъ постояннаго увеличенія богатствъ, а, напротивъ, даже проигрываетъ, такъ какъ при возрастающей производительности общественнаго труда заработная плата составляетъ все меньшую долю продукта. Въ этомъ отсутствіи пропорціональности между возрастающей производительностью труда и увеличеніемъ заработной платы заключается, по мнѣнію Родбертуса, вся сущность соціальнаго вопроса; въ этой же ненормальности современной общественно-экономической огранизаціи коренятся истинныя причины пауперизма и кризисовъ. Такъ какъ доля рабочаго составляетъ постепенно все меньшую и меньшую долю національнаго богатства, то спросъ его на предметы, составляющіе это богатство, все суживается и производитъ переполненіе рынковъ и бѣдствія кризиса: И пауперизмъ и кризисы прекратились бы, если бы орудія производства, земля и капиталъ, принадлежали цѣлому обществу. Однако, высказавъ эту мысль, Родбертусъ-Ягецовъ относилъ ея осуществленіе къ далекому будущему, а въ настоящемъ ограничивался скромными реформами въ области заработной платы.

Карлъ Марксъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи экономической литературы не только какъ главный теоретикъ новѣйшаго соціализма, но, что еще важнѣе, какъ одинъ изъ ученѣйшихъ изслѣдователей существенныхъ отдѣловъ политической экономіи, именно — ученій о цѣнности, деньгахъ, капиталѣ и историческомъ движеніи промышленности, оказавшей сильное вліяніе на современную постановку этихъ теорій. Важнѣйшіе его труды: «Бѣдность философіи» («La misère de la

philosophie», отвѣтъ на «Philosophie de la misère» Прудона. 1847), «Критика политической экономіи» («Zur Kritik der politischen Oekonomie». 1859) и «Капиталъ» («Das Kapital». B. I, 1867. B. II, 1885 г.). (Послѣднее сочиненіе переведено на русскій языкъ). Карлъ Марксъ поставилъ своей задачей изобразить историческое происхожденіе современнаго способа производства, который онъ назвалъ «капиталистическимъ», и отыскать особые законы, имъ управляющіе. Онъ шагъ за шагомъ излагаетъ процессъ перехода средневѣковаго феодальнаго хозяйства въ мануфактурное и этого послѣдняго въ современное фабричное. Характеристикой современнаго періода хозяйственной культуры служитъ, по мнѣнію Маркса, господство мѣновыхъ отношеній: каждое отдѣльное хозяйство производитъ предметы, служащіе для удовлетворенія не своихъ, а чужихъ потребностей. Поэтому, законъ мѣновой цѣнности управляетъ всѣмъ новѣйшимъ хозяйствомъ. Мѣновая цѣнность товаровъ опредѣляется общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ, затрачиваемымъ для ихъ производства. Этимъ же закономъ обусловливается мѣновая цѣнность рабочей силы, которая является особаго рода товаромъ въ нашемъ обществѣ; цѣнность рабочей силы опредѣляется количествомъ труда, потребнымъ на производство необходимыхъ средствъ продовольствія рабочихъ. Капиталистъ покупаетъ рабочую силу по ея мѣновой цѣнности и затѣмъ пользуется всей ея полезностью, т.-е. всѣми продуктами, производимыми этою рабочею силой. Изъ разницы между мѣновой цѣнностью рабочей силы и цѣнностью производимыхъ ею продуктовъ возникаетъ излишекъ цѣнности (прибыль), который и достается капиталисту. Этотъ излишекъ создается тѣмъ, что рабочій трудится дольше того времени, которое покрываетъ цѣнность его необходимаго продовольствія. При помощи удлиненія рабочаго дня, лучшаго соединенія и раздѣленія труда и, главное, примѣненія машинъ, капиталистъ имѣетъ возможность увеличить производительность этого неоплаченнаго труда, а черезъ то поднять свою прибыль. Излишекъ результатовъ труда надъ стоимостью его продовольствія долженъ принадлежать не капиталисту, а самому рабочему классу, что можетъ быть достигнуто черезъ переходъ необходимыхъ условій производства, земли и орудій труда, изъ частной собственности во владѣніе цѣлаго общества. Марксъ полагаетъ, что само развитіе теперешнихъ формъ производства подготовляетъ почву для такого перехода. Мелкая промышленность, постепенно уничтожаясь подъ вліяніемъ конкуренціи, уступаетъ мѣсто крупному производству, въ которомъ прилагаются совершеннѣйшіе техническіе пріемы и объединяются массы рабочихъ. Постепенное сосредоточеніе капиталовъ организуетъ рабочихъ. Когда эта концентрація достигнетъ крайнихъ предѣловъ, тогда сосредоточенная въ

рукахъ немногихъ частная собственность будетъ экспропріирована и перейдетъ въ руки рабочихъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

Экономическія изслѣдованія Смитовой школы и соціалистическихъ писателей, при всей противоположности ихъ исходныхъ точекъ и конечныхъ цѣлей, сходились между собой въ стремленіи устроить народное хозяйство по одному образцу, который признавался ими за лучшій. Школа Смита, въ особенности въ лицѣ крайнихъ ея представителей, хотѣла провести въ жизнь полную свободу индивидуальной дѣятельности, полагая, что безпрепятственное господство личнаго интереса и конкуренцій всего вѣрнѣе могутъ обезпечить благосостояніе обществъ. Каковы бы ни были историческія условія хозяйства даннаго народа и положеніе того или иного класса въ этомъ народѣ, школа Смита вѣрила, что работа личныхъ интересовъ достаточна для достиженія важнѣйшихъ цѣлей общежитія.—Соціализмъ, въ свою очередь, объявляя вражду существующей хозяйственной организаціи, предлагалъ замѣнить ее новымъ порядкомъ, въ которомъ направленіе народнаго труда и распредѣленіе его продуктовъ не зависѣло бы отъ случайнаго вліянія конкуренціи и личнаго интереса отдѣльныхъ предпринимателей, а опредѣлялось сознательнымъ воздѣйствіемъ общественной власти. Соціализмъ въ чистомъ его видѣ стремился приложить свои планы повсюду въ каждой странѣ и къ каждому народу. Смитовская школа и соціализмъ представляли собою абсолютныя системы, которыя искали завоевать весь міръ для своихъ плановъ.

Однако, со второй четверти нынѣшняго столѣтія начинаютъ обнаруживать вліяніе на ходъ экономической мысли такія теченія идей, которыя останавливаютъ вниманіе на относительности хозяйственныхъ системъ и формъ быта. Такое направленіе мысли проглядываетъ отчасти даже у раннихъ соціалистовъ. Обнаруживая крайній абсолютизмъ при построеніи положительныхъ плановъ реформы, желая передѣлать весь міръ по одному шаблону, сенъ-симонисты и фурьеристы въ своей критикѣ современнаго порядка, въ своей полемикѣ противъ господствующихъ экономическихъ воззрѣній, являлись сторонниками идеи относительности и развитія. Достаточно припомнить у Базара картину постепеннаго превращенія формъ зависимости въ исторіи или у Фурье схему смѣны общественныхъ порядковъ. Можно прямо сказать, что соціализмъ своею критикой устранилъ представленіе, отчасти свойственное и ему самому, что въ исторіи можетъ существовать какой-либо неизмѣнный

порядокъ, что, напримѣръ, нынѣ существующая система производства и распредѣленія благъ есть нѣчто незыблемое.

Но и помимо соціализма существовало не мало другихъ теченій въ области мысли, которыя вели къ тому же результату. Болѣе раннее изъ нихъ принадлежало Огюсту Конту и созданной имъ «Положительной философіи». Въ своей «Philosophie positive» О. Контъ даетъ очеркъ новой науки, — соціологіи, которою онъ полагаетъ замѣнить отдѣльныя науки объ обществѣ. Такъ какъ человѣческое общество представляетъ сложный организмъ, всѣ части котораго находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, то нѣтъ возможности обособленно изучать какіе-нибудь отдѣльные факторы общежитія, напримѣръ, экономическіе органы и функціи общества. Соціологія по существу своему является единою наукой, которая изслѣдуетъ всѣ элементы общественнаго состоянія въ ихъ соотношеніяхъ и взаимодѣйствіи. Соціологія дѣлится на два отдѣла: соціальную статику и соціальную динамику; первая изучаетъ законы сосуществованія, общую гармонію соціальныхъ органовъ и функцій, вторая же — законы соціальнаго развитія. Контъ придавалъ преимущественное значеніе второму отдѣлу и съ особенною любовью занимался имъ. Изученіе общественной динамики устраняетъ всякія абсолютныя положенія и на мѣсто идеи о воображаемомъ постоянствѣ ставитъ представленіе о законосообразномъ измѣненіи. Законы соціальнаго сосуществованія и развитія составляютъ такой же предметъ для наблюденія, какъ и соотвѣтствующія имъ измѣненія въ жизни индивидуальнаго организма. Для изученія законовъ развитія самымъ подходящимъ методомъ будетъ систематическое сравненіе различныхъ стадій историческаго развитія, съ цѣлью открыть порядокъ ихъ слѣдованія и происхожденіе ихъ характерныхъ чертъ. Такимъ образомъ, главною областью соціологіи является исторія въ широкомъ смыслѣ, включающая и изслѣдованіе современныхъ фактовъ. Такъ какъ, въ частности, хозяйственный строй и экономическая дѣятельность одной исторической эпохи сильно отличаются отъ строя другихъ эпохъ, то мы должны покинуть мысль о возможности созданія въ этой области какой-либо абсолютной теоріи, имѣющей универсальное примѣненіе. Мысли О. Конта оказали значительное дѣйствіе на многихъ его современниковъ и послѣдующихъ писателей. Въ числѣ учениковъ и послѣдователей Конта можно указать, между прочимъ, Д. С. Милля.

Въ числѣ вліяній, поколебавшихъ прежнія абсолютныя ученія въ области экономіи, надлежитъ упомянуть о *протекціонизмѣ*, въ особенности въ той формѣ, которую придалъ ему Фр. Листъ. Проповѣдь Листа ясно убѣждала, что одна и та же система экономической политики

въ области промышленности и торговли не можетъ быть пригодна для націй, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Это былъ какъ бы примѣръ для иллюстраціи вышеизложенныхъ ученій Конта, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Листъ даже и не зналъ произведеній французскаго философа.

Подъ совокупнымъ дѣйствіемъ вышеозначенныхъ факторовъ получила свое происхожденіе историческая школа въ политической экономіи, которая нынѣ господствуетъ во всѣхъ литературахъ и почти повсюду вытѣснила представителей прежняго Смитовскаго направленія. Историческая школа возникла въ Германіи и представляетъ въ первоначальномъ своемъ видѣ распространеніе на области экономическихъ отношеній тѣхъ взглядовъ, которые раньше высказаны были Савиньи въ примѣненіи къ праву. Знаменитый основатель исторической школы въ юриспруденціи смотрѣлъ на право, какъ на продуктъ жизни и какъ на отпечатокъ народнаго духа. Правовая система, по взгляду Савиньи, не представляетъ собой чего-нибудь прочнаго и незыблемаго: она измѣняется сообразно съ успѣхами общества; она находится въ жизненной связи съ другими факторами; то въ области права, что вполнѣ соотвѣтствуетъ одной стадіи развитія, часто бываетъ совершенно не годно для другой. Убѣжденіе въ тѣсной связи права съ жизнью было у нѣкоторыхъ сторонниковъ исторической школы настолько крѣпко, что по примѣняемымъ въ данное время нормамъ права считалось возможнымъ опредѣлять ступени общественнаго развитія народовъ. Эти идеи были восприняты нѣкоторыми германскими экономистами, и, такимъ образомъ, возникъ взглядъ на явленія хозяйственной жизни, какъ на относительныя.

Основателемъ исторической школы считается лейпцигскій профессоръ Вильгельмъ Рошеръ (W. Roscher). Въ 1843 году онъ издалъ программу университетскихъ лекцій политической экономіи по историческому методу, въ которой были изложены существенныя требованія новой школы. Эта программа выполнена Рошеромъ въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ особенно важны три тома его «Системы народнаго хозяйства» («System der Vollkswirthschaft»); первый томъ этого сочиненія появился въ 1854 году, второй—въ 1866 году, третій—въ 1881 году. Первый томъ, излагающій общія основанія науки, и второй, содержащій примѣненіе ихъ къ сельскому хозяйству, существуютъ въ русскомъ переводѣ; третій томъ, излагающій экономію въ приложеніи къ промышленности и торговлѣ, на русскій языкъ не переведенъ.— Дальнѣйшее развитіе мыслей Рошера было дано Бруно-Гильдебрандомъ (B. Hildebrandt), который выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе—«Политическая экономія настоящаго и будущаго» («Nationalökonomie der

Gegenwart und Zukunft»), имѣющееся въ русскомъ переводѣ, и Карломъ Knисомъ (K. Knies) въ сочиненіи «Политическая экономія съ точки зрѣнія историческаго метода» («Die politische Oekonomie vom Standpuncte der geschichtlichen Methode»), появившемся въ 1853 году. Труды трехъ названныхъ писателей, дополняя другъ друга, придали полное выраженіе взглядамъ ранней исторической школы. Попробуемъ формулировать эти взгляды.

1. Въ противоположность Смитовскому воззрѣнію на общество, какъ на простую сумму отдѣльныхъ индувидуумовъ, историческая школа признаетъ, что хозяйство каждаго народа есть единое цѣлое, котораго части находятся между собою въ постоянномъ взаимодѣйствіи; жизнь этого цѣлаго управляется своими особыми законами, помимо тѣхъ, которымъ подчиняется индивидуумъ. Въ каждомъ данномъ народѣ и въ каждомъ историческомъ періодѣ составныя части хозяйственнаго общества находятся между собою въ иныхъ отношеніяхъ, нежели въ другомъ народѣ и въ другомъ періодѣ. Политическая экономія должна подмѣтить и уловить эти особенности, для чего она должна изучить народное хозяйство въ его историческомъ развитіи.

2. Болѣе полный анализъ природы индивидуума привелъ историческую школу къ убѣжденію, что хозяйственная дѣятельность человѣка не можетъ быть объяснена однимъ стремленіемъ къ богатству и выгодѣ. Самое выраженіе «стремленіе къ богатству» не есть что-нибудь простое, всегда себѣ равное; имъ въ дѣйствительности обозначается множество разнообразныхъ потребностей, желаній, чувствъ, различающихся по своей природѣ и измѣняющихся на различныхъ стадіяхъ общественнаго развитія. Но затѣмъ,— что еще важнѣе,— кромѣ желанія богатства, въ душѣ человѣка существуютъ и дѣйствіями его управляютъ многіе другіе мотивы; на ряду съ эгоизмомъ въ человѣкѣ живетъ чувство общественности, симпатіи, проявляющееся въ созданіи семьи, общины, государства.

3. Хозяйство есть лишь одна изъ сторонъ народной жизни, которая стоитъ въ тѣсной связи съ прочими сторонами и можетъ быть познаваема и обсуждаема лишь въ зависимости отъ прочихъ проявленій народнаго духа. Напримѣръ, настоящее состояніе западно-европейскихъ народовъ есть результатъ множества разнообразныхъ условій, изъ которыхъ значительная часть вовсе не экономическаго характера: разнообразныя научныя, моральныя, религіозныя и политическія воззрѣнія и учрежденія опредѣлили собою это положеніе. И если такой процессъ совершался въ прошедшемъ, то онъ, несомнѣнно, происходитъ и въ настоящемъ. Поэтому, невозможно понять и объяснить хозяйственное поло-

женіе общества, не принимая въ разсчетъ другихъ факторовъ соціальной жизни.

4. Народное хозяйство находится въ процессѣ постояннаго измѣненія. Потребности человѣка, его умственный и нравственный складъ, его отношенія къ вещамъ и другимъ людямъ, а особенно — его общественныя учрежденія различаются по мѣстностямъ и измѣняются въ исторіи. Всякій историческій строй хозяйства, въ томъ числѣ и современный, есть лишь переходная ступень въ развитіи человѣчества.

Изъ приведенныхъ основныхъ положеній вытекаетъ требованіе перемѣнъ въ системѣ науки, ея методѣ и ея содержаніи.

5. Въ глазахъ исторической школы политическая экономія не есть система естественныхъ непреложныхъ законовъ хозяйства, въ томъ смыслѣ, какъ понимали ее крайніе послѣдователи Ад. Смита. Политическая экономія имѣетъ дѣло не только съ законами природы, сколько съ законами соціальными, зависящими отъ даннаго состоянія воззрѣній, нравовъ и учрежденій общества и измѣняющимися съ перемѣной послѣднихъ. Отсюда въ системѣ политической экономіи главное мѣсто должно занимать ученіе объ организаціи народнаго хозяйства или о строѣ экономическихъ явленій, зависящихъ отъ дѣятельности самого народа. Каждое отдѣльное явленіе хозяйства должно изучаться въ связи со всѣми реальными условіями, которыми оно обставлено въ дѣйствительности.

6. При такомъ взглядѣ на систему науки, историческая школа не могла довольствоваться примѣненіемъ одного абстрактнаго, дедуктивнаго метода. Она настаиваетъ на необходимости историко-статистическаго, или, какъ называютъ, реалистическаго метода, который составляетъ приложеніе индукціи къ экономическому изслѣдованію.

7. Отсюда же вытекаетъ и перемѣна въ воззрѣніяхъ на многіе вопросы. Изъ взглядовъ исторической школы особенно характеристично ея сомнѣніе въ способности конкуренціи осуществить гармонію интересовъ. Безъ планомѣрнаго воздѣйствія общественнаго разума и общественной власти, въ хозяйственномъ обществѣ, какъ и въ мірѣ животныхъ, сильнѣйшій всегда будетъ побивать слабѣйшаго. Отсюда выходитъ невѣріе исторической школы въ ученіе о невмѣшательствѣ государства и убѣжденіе въ необходимости разумнаго воздѣйствія государственной власти на хозяйственную жизнь. Историческая школа полагаетъ, что правовой порядокъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ экономической жизни и что, слѣдовательно, государство, измѣняя правовыя отношенія, можетъ реформировать и самую жизнь.

Позднѣйшіе представители исторической школы. Соціально-этическое направленіе. Историческая школа, которой главныя воззрѣнія мы изло-

жили, пріобрѣла особенную важность и вѣсъ, благодаря трудамъ позднѣйшей генераціи нѣмецкихъ экономистовъ. Принимая общія основы ученій Рошера и Книса, эта группа экономистовъ дала имъ въ нѣкоторыхъ частяхъ существенное дополненіе и развитіе. Къ группѣ, именующей себя соціально-этическою школой, противниками же изъ фритредерской партіи, прозванной «соціалистами на каѳедрѣ» (Katheder-Socialisten), принадлежатъ, главнымъ образомъ, слѣдующіе экономисты: L. Brentano, A. Held., E. Nasse, G. Schmoller, Scheel, A. Schaeffle, Schoenberg, Ad. Wagner и др. Взгляды названной группы писателей могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1. Она выдвинула значеніе нравственнаго (этическаго) элемента въ экономическихъ изслѣдованіяхъ. Съ особеннымъ вниманіемъ разработалъ этотъ вопросъ Шмоллеръ въ его сочиненіи «О нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ права и народнаго хозяйства» («Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft», 1875). Процессъ историческаго развитія общественно-хозяйственной жизни выражается, по мнѣнію Шмоллера, въ постепенномъ подчиненіи началамъ права и морали всѣхъ естественно сложившихся отношеній и неравенствъ. Такъ, природа создала различія расъ, подчиненіе слабаго сильному, рабство и т. п., но право и мораль сглаживаютъ эти естественныя различія. Народное хозяйство, составляющее одну изъ сторонъ общественной жизни, имѣетъ дѣло съ формами этическихъ и правовыхъ отношеній. Посредствомъ нравовъ человѣкъ среди внѣшняго міра создаетъ второй міръ культуры, въ которомъ видное мѣсто занимаетъ народное хозяйство. Природный инстинктъ заставляетъ дикаря гоняться за добычею, а «этосъ» —строитъ институтъ собственности съ его аттрибутами,—правами завѣщанія и наслѣдованія, въ силу котораго человѣкъ является владѣльцемъ добытаго и т. п. При отсутствіи твердаго «этоса» не можетъ существовать ни рынковъ, ни обмѣна, ни денежнаго обращенія, ни раздѣленія труда, ни кастъ, ни рабовъ, ни государства. Ни въ одномъ состояніи общества, на какой бы ступени развитія оно ни находилось, мы не встрѣчаемъ хозяйственныхъ отношеній, состоящихъ изъ чисто техническихъ процессовъ: эти послѣднія повсюду регулированы обычаемъ, нравами и правомъ. Формы распредѣленія продуктовъ, семья, собственность, хотя и основываются въ извѣстной мѣрѣ на неизмѣнныхъ фактахъ, данныхъ отъ природы, но въ гораздо большей степени являются продуктомъ нравственнаго развитія и прогресса и постоянно измѣняются подъ вліяніемъ новыхъ моральныхъ воззрѣній и новыхъ хозяйственныхъ отношеній. Изъ этическихъ элементовъ слагается не только все содержаніе такихъ крупныхъ хозяйственныхъ институтовъ, характеризующихъ отдѣльныя эпохи хозяйственной исторіи, какъ рабство,

крѣпостничество, феодализмъ, цеховая организація, та или другая аграрная система, но даже каждаго мелкаго факта хозяйственной жизни. Такъ, спросъ на товаръ есть не что иное, какъ частица конкретной исторіи этическихъ отношеній у даннаго народа, въ данный моментъ времени [1]). Англійская школа ограничивала область политической экономіи исключительно изслѣдованіемъ технической стороны хозяйственныхъ явленій и вовсе игнорировала другой рядъ причинъ — значеніе нравовъ, права моральныхъ чувствъ и культурныхъ идей, господствующихъ надъ всѣмъ народнымъ хозяйствомъ. Этотъ пробѣлъ долженъ быть восполненъ современною наукой. Предыдущія соображенія объ этическомъ характерѣ хозяйственныхъ явленій и о процессѣ морализированія хозяйственныхъ отношеній по мѣрѣ успѣховъ человѣческой культуры даютъ Шмоллеру основаніе требовать созданія особой «соціальной политики», новаго хозяйственнаго «этоса» или хозяйственнаго законодательства, которое должно распространяться на различныя стороны экономической жизни, каковы: банковое дѣло, желѣзнодорожное хозяйство, фабричное производство, бытъ рабочихъ. Законодательство должно поставить предѣлы личному произволу и многія хозяйственныя отношенія заключить въ рамки, быть можетъ, даже болѣе тѣсныя, чѣмъ тѣ, которыя встрѣчались въ цеховомъ правѣ [2]).

2. Другою характерной идеей писателей соціально-этическаго направленія служитъ признаніе тѣснѣйшей связи между экономіей и правомъ. Это положеніе было впервые ясно выражено Лоренцомъ Штейномъ, потомъ разъяснено Рёслеромъ, но съ полной систематичностью разработано Адольфомъ Вагнеромъ въ его замѣчательномъ введеніи къ политической экономіи. Въ отличіе отъ стараго ученія объ естественныхъ правахъ личности, Вагнеръ настаиваетъ на томъ, что экономическое положеніе лица зависитъ не столько отъ его прирожденныхъ правъ и природныхъ способностей, сколько отъ современной юридической организаціи, которая сама является продуктомъ историческаго развитія. Правовыя нормы, опредѣляющія положеніе человѣка, не представляютъ чего-либо даннаго отъ природы, вытекающаго изъ существа человѣка; напротивъ, эти нормы подвергаются крупнымъ перемѣнамъ въ исторіи. Вліяніе мѣняющихся потребностей и воззрѣній постоянно заставляетъ людей передѣлывать даже существеннѣйшія черты юридическаго быта. Даже такіе коренные институты, какъ личная свобода и собственность, претерпѣваютъ съ теченіемъ времени крупныя измѣненія. Для положенія народнаго хозяйства особенно важны, по взгляду Вагнера, три рода правовыхъ нормъ: 1. Нормы, опредѣляющія положенія лич-

---

[1]) Schmoller, 24—36. [2]) То же, стр. 50.

ности, въ особенности степень свободы и равноправности людей, вступающихъ въ хозяйственныя сношенія. Сюда принадлежатъ: а) институты рабства, прикрѣпленія къ землѣ (glebae adscriptio), и крѣпостного труда; б) различія въ имущественныхъ правахъ по сословіямъ (напримѣръ, имѣвшее мѣсто у насъ до отмѣны крѣпостной зависимости исключительное право потомственныхъ дворянъ владѣть населенными помѣстьями), по вѣроисповѣданіямъ (напримѣръ, ограниченіе гражданскихъ правъ евреевъ); в) имущественная неравноправность между подданными государства и иностранцами cives et peregrini—въ римскомъ правѣ, запрещеніе иностранцамъ пріобрѣтать недвижимую собственность, существовавшее во многихъ средневѣковыхъ государствахъ; г) неравенствъ между членами общины и непринадлежащими къ ней (въ нѣмецкихъ городахъ въ отношеніи правъ по владѣнію недвижимостью), между городскими и сельскими жителями (существовавшее въ цеховомъ правѣ запрещеніе сельскимъ жителямъ заниматься городскими ремеслами). 2. Правовыя нормы относительно собственности, въ особенности слѣдующія: а) признаніе или отрицаніе права собственности на людей; б) различія въ правахъ на движимое и недвижимое имущество; в) объемъ и содержаніе правъ, представляемыхъ частной собственностью. Въ частности аа.) относительно правъ на землю: допускается ли вполнѣ, частью, или вовсе не допускается усвоеніе земли въ частную собственность? При существованіи частной земельной собственности —признается ли она ограниченною, какъ это вообще имѣетъ мѣсто на раннихъ ступеняхъ хозяйственной жизни, или же, напротивъ, недвижимая собственность по объему и содержанію правъ приравнивается къ движимой, что, подъ вліяніемъ понятій римскаго права, все полнѣе и полнѣе проводится въ современныхъ законодательствахъ? Не установляется ли правовыхъ различій между городскою и сельскою земельною собственностью, въ послѣднемъ случаѣ—между землями, назначаемыми для сельскаго хозяйства, для горнаго дѣла и для лѣсоводства?—бб.) Относительно права частнаго капитала: въ какой степени свободное распоряженіе капиталомъ ограничивается законодательными распоряженіями относительно процесса производства, товарныхъ цѣнъ, размѣра производства и заработной платы, равно какъ законодательнымъ регулированіемъ наемныхъ отношеній (напримѣръ, рабочаго времени и пр.)? Допускается ли собственность или какое-либо иное сродное съ нею право на изобрѣтенія, на литературныя и музыкальныя произведенія? Допускается ли вполнѣ свободное распоряженіе всѣми видами имущества по наслѣдству, или же существуютъ въ этомъ отношеніи какія-либо ограниченія? [1])

---

[1]) Wagner, Grundlegung.

3. Въ ученіи объ организаціи хозяйства соціально-этическая школа занимаетъ среднее положеніе между старою классической школой и соціализмомъ. Она не считаетъ возможнымъ ограничиться какою-либо одною системою организаціи хозяйства, полагая, что каждая изъ нихъ пригодна для удовлетворенія однѣхъ цѣлей и не годится для другихъ. Согласно ученію главныхъ теоретиковъ по разсматриваемому вопросу, существуютъ три основныхъ типа хозяйственной организаціи: частно-хозяйственный (по Шеффле—спекулятивный), общественно-хозяйственный и благотворительный (каритативный). Различіе между этими типами, согласно анализу Ад. Вагнера, сводится преимущественно къ способу распредѣленія пожертвованій и выгодъ между отдѣльными участниками предпріятія. Предпріятія частно-хозяйственнаго типа, составляющія обыкновенно главный предметъ изслѣдованія политической экономіи, стремятся въ каждомъ отдѣльномъ актѣ своей дѣятельности установить возможно полное соотвѣтствіе между сдѣланнымъ пожертвованіемъ или затратой и получаемою выгодой. Основною пружиной ихъ дѣятельности служитъ начало личной выгоды, регулируемое соперничествомъ. Въ организаціи же общественно-хозяйственной руководящимъ началомъ дѣятельности является не личная выгода участниковъ, а соображенія общей пользы, сознаніе общаго интереса. Отношеніе выгодъ, пріобрѣтаемыхъ участниками такого предпріятія, къ сдѣланнымъ ими пожертвованіямъ и затратамъ опредѣляется не случайной борьбой интересовъ и соперничествомъ, а взаимнымъ соглашеніемъ или авторитетомъ власти. Наконецъ, организація благотворительная (каритативная) основывается въ началѣ симпатіи и характеризуется тѣмъ, что пожертвованіе со стороны отдѣльнаго лица не влечетъ для него никакихъ хозяйственныхъ выгодъ, равно какъ пріобрѣтеніе выгодъ какимъ-либо лицомъ не сопровождается со стороны послѣдняго никакимъ хозяйственнымъ эквивалентомъ.

Въ современномъ хозяйственномъ строѣ большая часть потребностей удовлетворяется путемъ частно-хозяйственной организаціи, тѣмъ не менѣе, на ряду съ предпріятіями этого типа, существуетъ цѣлый рядъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій для хозяйственныхъ цѣлей, каковы: общественные пути сообщенія, банки, школы, общественная организація народнаго продовольствія, почты, телеграфы, и вмѣстѣ съ тѣмъ широкая система благотворительности, обнаруживающаяся во множествѣ частныхъ обществъ для безвозмезднаго удовлетворенія различныхъ хозяйственныхъ потребностей нуждающихся лицъ, въ устройствѣ даровыхъ библіотекъ, стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ, въ пожертвованіяхъ въ пользу частныхъ и общественныхъ нуждъ.

Такое совмѣстное существованіе различныхъ типовъ организаціи хозяйства вполнѣ естественно, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ свою роль и не можетъ быть вполнѣ замѣненъ другимъ. Предпріятія частно-хозяйственнаго типа представляютъ самую простую и вѣрную форму удовлетворенія индивидуальныхъ потребностей отдѣльныхъ членовъ общества, такъ какъ мотивъ личнаго интереса заставляетъ каждаго сосредоточивать свое вниманіе на производствѣ предметовъ, особенно нужныхъ обществу въ данное время, и при этомъ стремиться къ примѣненію наилучшихъ пріемовъ производства и къ возможному сокращенію издержекъ. Но въ то же время эти предпріятія вытѣсняютъ мелкихъ производителей, даютъ перевѣсъ крупному капиталу, располагаютъ прибѣгать для успѣха въ промышленной борьбѣ, къ поддѣлкамъ и фальсификаціи и влекутъ за собою анархію въ производствѣ и кризисы.— Общественно-хозяйственная организація даетъ возможность удовлетворить многія такія потребности, къ которымъ не примѣнимъ типъ частнаго хозяйства. Таковы предпріятія, не дающія частному лицу достаточныхъ выгодъ, каковы, напримѣръ, мало доходныя, такъ называемыя культурныя желѣзныя дороги, ученыя экспедиціи и путешествія, школы во малограмотной странѣ, гдѣ сознаніе необходимости обученія не проникло еще въ общество. Сюда же принадлежатъ такія дѣла, какъ колонизація, гдѣ одностороннее преслѣдованіе частными лицами своихъ цѣлей могло бы повредить всему общежитію или интересамъ будущихъ поколѣній, и, наконецъ, такія предпріятія, которыя могутъ быть монополизированы, напримѣръ, удобные порты на морскомъ берегу. Но, съ другой стороны, общественное хозяйство, при отсутствіи могучаго стимула человѣческой энергіи, личнаго интереса, легко впадаетъ въ рутину и сковываетъ дѣятельность участниковъ мелочной регламентаціи. Притомъ чрезмѣрное расширеніе общественнаго хозяйства создаетъ опасность для общественной свободы и отучаетъ общество отъ самодѣятельности, располагая его ждать всего отъ государства.—Наконецъ, благотворительная организація является необходимымъ звеномъ въ общемъ строѣ хозяйства. Ея спеціальное призваніе—восполнять пробѣлы и смягчать дисгармоніи, образующіяся при господствѣ двухъ предшествующихъ главныхъ типовъ. Такъ, въ средніе вѣка призрѣніе больныхъ, сиротъ, устройство обученія, за отсутствіемъ заботъ со стороны общественной власти, достигалось путемъ церковной благотворительности. И въ настоящее время, при разнаго рода общественныхъ несчастіяхъ, первымъ средствомъ помощи бываетъ образованіе благотворительныхъ союзовъ, прежде, нежели государство явится съ своимъ пособіемъ.

Такимъ образомъ, каждый изъ упомянутыхъ типовъ организаціи

имѣетъ свои самостоятельныя права на существованіе. Задача правильно устроеннаго народнаго хозяйства заключается не въ исключительномъ проведеніи того или иного начала организаціи, а въ цѣлесообразной комбинаціи всѣхъ ихъ, въ отведеніи для каждаго надлежащихъ границъ. Никакой абсолютной, всюду пригодной нормы для сочетанія разныхъ типовъ организаціи быть не можетъ, потому что свойства какъ отдѣльныхъ людей, такъ и самого общества и государства, измѣняются въ исторіи: для каждаго народа и для всякаго времени должна быть своя комбинація. Какая изъ возможныхъ комбинацій способна доставить въ данное время наибольшую сумму хозяйственныхъ цѣнностей и возможно равномѣрное ихъ распредѣленіе, это можетъ быть рѣшено только черезъ спеціальное изслѣдованіе фактовъ; теорія должна установить при этомъ лишь самыя общія руководящія начала.

Большая часть представителей соціально-этическаго направленія соединилась въ 1872 году въ Эйзенахѣ въ особое ученое общество, которое наименовало себя «Союзомъ соціальной политики» («Verein für Socialpolitik»). Этотъ союзъ поставилъ себѣ задачей чрезъ научное изслѣдованіе важнѣйшихъ современныхъ соціально-хозяйственныхъ вопросовъ подготовлять ихъ практическое рѣшеніе. Общество ежегодно собирается въ съѣзды, на которыхъ обсуждаетъ предварительно подготовленные доклады, которые издаются подъ общимъ заглавіемъ «Сочиненій Союза для соціальной политики» («Schriften des Vereins für Socialpolitik»). Общество успѣло уже издать болѣе 50 томовъ своихъ изслѣдованій. Цѣли и задачи союза удачно обрисованы въ рѣчи, произнесенной проф. Шмоллеромъ при открытіи его въ 1872 году. Позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя выдержки изъ этой рѣчи, очень хорошо выражающей главныя воззрѣнія соціально-этической школы.

«При обсужденіи нашего экономическаго состоянія, члены Союза не отрицаютъ блестящихъ, неслыханныхъ успѣховъ нашего времени въ техникѣ и производствѣ, въ торговлѣ и развитіи сношеній, но они заявляютъ также открыто о глубокихъ общественныхъ язвахъ, о возрастающемъ неравенствѣ доходовъ и имуществъ, о недостаткѣ солидарности среди промышленности міра, о грубости въ извѣстной части низшихъ классовъ. Главную причину всего этого видятъ они въ томъ обстоятельствѣ, что за послѣднее время, при всѣхъ успѣхахъ раздѣленія труда, при всѣхъ нововведеніяхъ производства, при договорахъ между капиталомъ и трудомъ, равно какъ при законодательныхъ реформахъ, по этимъ предметамъ всегда спрашивали только о томъ,—поднимается ли отъ нихъ въ данную минуту производство, и вовсе не ставили другого столь же важнаго вопроса: какое дѣйствіе они будутъ имѣть на людей? доста-

вятъ ли эти новыя организаціи достаточную поддержку для образованія нравственныхъ факторовъ, безъ которыхъ общество не можетъ существовать? воспитываютъ ли онѣ въ достаточной степени юные элементы, дѣйствуютъ ли онѣ и среди взрослыхъ на прилежаніе, бережливость, честность, семейную жизнь? Они убѣждены въ томъ, что невниманіе къ связи между формами организаціи народнаго хозяйства и общимъ нравственнымъ состояніемъ націи есть корень зла и что реформы должны исходить изъ признанія этой связи.

«Ихъ сужденія о рабочемъ вопросѣ основываются на тѣхъ же взглядахъ. Они признаютъ, что рабочіе въ настоящее время нѣсколько лучше одѣваются и питаются, что, можетъ быть, теперь не столько тысячъ погибаютъ медленною голодною смертью, какъ въ прошлыхъ столѣтіяхъ; но для нихъ это небольшое утѣшеніе. Они спрашиваютъ прежде всего: обнаруживаютъ ли условія, въ которыхъ живетъ теперь большинство рабочихъ, какой-либо нравственный и экономическій прогрессъ, и вынуждены отвѣтить на это отрицательно, по крайней мѣрѣ, для большинства современныхъ рабочихъ. Вмѣсто того они видятъ, что постепенно создается все болѣе и болѣе рѣзкій контрастъ рабочихъ съ имущими и образованными классами; что образовалась страшная пропасть между міровоззрѣніемъ, образованіемъ, взглядами и идеалами имущихъ и неимущихъ классовъ,—и эта пропасть опаснѣе экономической. Они вспоминаютъ изъ исторіи, что вся высшая культура грековъ, римлянъ и другихъ народовъ погибла отъ такихъ же противоположностей въ соціальной борьбѣ вслѣдствіе неспособности найти примиреніе между высшимъ и низшимъ классами. Хотя и въ отдаленіи, они предвидятъ такую же опасность и для нашей культуры, если не удастся настолько поднять, образовать и примирить низшіе классы, на почвѣ нашего правового равенства, общей школы, военной повинности, а также и дальнѣйшихъ реформъ, стоящихъ на очереди, чтобы эти классы слились въ гармоніи и мирѣ съ организмомъ общества и государства.

«Нашъ общественный идеалъ не есть нивеллированіе въ соціалистическомъ смыслѣ; мы считаемъ то общество самымъ нормальнымъ и здоровымъ, которое представляетъ собою лѣстницу различныхъ существованій, но съ легкими переходами отъ одной ступени къ другой. Между тѣмъ, нашему теперешнему обществу грозитъ опасность все болѣе и болѣе уподобиться лѣстницѣ, въ которой сверху и снизу много ступенекъ, а среднія ступени прогрессивно исчезаютъ.

«Недовольные существующими соціальными отношеніями, проникнутые сознаніемъ необходимости реформы, мы выступаемъ за справедливое, твердо-проведенное фабричное законодательство; мы требуемъ, чтобы сво-

бода труда была дѣйствительною свободою, а не вела, какъ теперь, къ эксплуатаціи рабочаго; мы требуемъ дѣйствительной, а не формальной свободы рабочихъ при заключеніи наемнаго договора; мы требуемъ, чтобы свобода промышленности повсюду контролировалась путемъ гласности, и чтобы тамъ, гдѣ въ послѣдней чувствуется недостатокъ, государство производило изслѣдованіе и публиковало результаты. Съ этой точки зрѣнія, мы требуемъ устройства фабричной инспекціи, контрольныхъ учрежденій надъ банками и страховыми обществами, коммиссій для обслѣдованія соціальнаго вопроса. Мы не желаемъ, чтобы государство давало низшимъ классамъ деньги для сомнительныхъ экспериментовъ, но требуемъ, чтобы оно иначе, чѣмъ до сихъ поръ, пеклось объ ихъ образованіи и воспитаніи; чтобы оно обращало вниманіе на то, не живетъ ли рабочій классъ въ такихъ условіяхъ работы и жилищъ, которыя необходимо ведутъ къ еще большему пониженію его физическаго, умственнаго и нравственнаго состояній.

«Мы требуемъ отъ государства, какъ и отъ всего общества, и отъ каждаго человѣка, желающаго работать надъ задачами эпохи, чтобы они руководились высокимъ идеаломъ. И этотъ идеалъ не можетъ и не долженъ быть никакимъ инымъ, кромѣ пріобщенія все большей и большей части нашего народа къ высшимъ благамъ культуры, къ образованію и достатку. Такова должна быть великая задача нашего развитія, являющаяся намъ и какъ высшая цѣль исторіи человѣчества» [1]).

Писатели, принадлежащіе къ новѣйшему направленію исторической школы, не ограничились образованіемъ изображеннаго выше Союза. Сознавая необходимость привести въ систему разнообразные отдѣлы науки, переработанные многочисленными спеціальными изслѣдованіями, они предприняли изданіе полнаго руководства по теоретической и прикладной политической экономіи. Эта цѣль была выполнена въ 1882 году въ огромномъ коллективномъ ученомъ трудѣ («Handbuch der politichen Oekonomie»), въ которомъ подъ общею редакціею проф. Шёнберга всѣ главные отдѣлы политической экономіи и финансовъ были обработаны отдѣльными спеціалистами. Не смотря на обширный объемъ и высокую цѣнность, въ 1885 году понадобилось второе изданіе «Учебника политической экономіи», а въ 1890 и 1891 году вышло уже третье изданіе того же учебника. Поддержанные успѣхомъ этого изданія, писатели названнаго направленія затѣяли новое предпріятіе, именно — изданіе обширной энциклопедіи государственныхъ наукъ («Handwörterbuch der Staatswissen-

---

[1]) Verhandlungen der Elsenacher. Versammlung zur Besprechung der socialen Frage am 6 und 7 October 1872 Eröffnungsrede, 4—6.

schaften»), которая въ алфавитномъ порядкѣ разсматриваетъ всѣ важнѣйшіе вопросы экономической теоріи и политики. Изданіе выходитъ съ 1889 года подъ редакціей четырехъ профессоровъ: Конрада, Эльстера, Лексиса и Лёнинга и должно окончиться въ 1893 году.

Въ средѣ самой соціально-этической школы съ теченіемъ времени образовалось довольно важное разногласіе, которое послужило основой къ выдѣленію фракціи такъ называемаго государственнаго соціализма. Значительная часть представителей соціально-этической школы видитъ главное средство соціальной реформы въ самопомощи рабочихъ и, въ особенности, въ организаціи рабочихъ союзовъ, которые, на манеръ Англіи, помогли бы рабочему классу сообща отстаивать свои права. Такъ, Брентано, изслѣдовавъ происхожденіе, характеръ и значеніе рабочихъ союзовъ, видитъ въ нихъ такую организацію труда, которая, по достиженіи полнаго своего развитія, дастъ возможность рабочему классу установлять условія договора и, такимъ образомъ, разрѣшитъ задачу нашего времени о равномѣрномъ участіи всѣхъ общественныхъ классовъ въ благахъ культуры. — Въ отличіе отъ изложеннаго направленія выдѣлилась другая группа, которая полагаетъ, что главнымъ средствомъ къ осуществленію лучшаго общественнаго порядка является принудительная дѣятельность государства. Представителями этой группы слѣдуетъ считать въ особенности Шеффле и Ад. Вагнера. Государственный соціализмъ смотритъ на государство не только какъ на учрежденіе для огражденія порядка, но какъ на великое орудіе для достиженія культурныхъ цѣлей, которыя не могутъ быть осуществлены отдѣльными лицами. Онъ значительно расширяетъ область принудительнаго общественнаго хозяйства по сравненію съ прежними ученіями и признаетъ за государствомъ право и обязанность регулировать юридическія отношенія частныхъ хозяйствъ между собою, въ особенности отношенія, вытекающія изъ началъ частной собственности и договора. Школа государственнаго соціализма особенно важна по тому вліянію, которое она оказала на послѣдующую политику кн. Бисмарка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.